

Саид Ахмад
**Сорок
пять
дней**

Роман

*Авторизованный перевод
с узбекского
К. ХАКИМОВА*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1979

В новом романе «Сорок пять дней» известный узбекский писатель Саид Ахмад показал величественные картины всенародной стройки и героический труд строителей, проложивших Большой Ферганский канал за полтора месяца.

В дехканине Азизхане Умматалиеве сконцентрированы лучшие черты трудового народа — доброта и щедрость, любовь и преданность великому делу отцов, свершивших революцию.

Среди рабочих-строителей находятся видные партийные и государственные руководители — истинные народные вожаки Усман Юсупов, Юлдаш Ахунбабаев, известные писатели, работники кино, артисты, которые также вносили свою лепту в стройку.

Действие романа «Сорок пять дней» как бы превосхищает события, описанные Саидом Ахмадом в его диологии «Горизонт», изданной «Советским писателем» в 1974 году.

Художник Н. Н. Ванников

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1979 г.

**Часть
первая**

1

Сразу за гузаром¹ Зирилланы дорога сворачивает влево, в узкую недлинную улочку. Эта тепистая, обсаженная вдоль журчащего арыка густыми развесистыми ивами улочка бывает особенно тихой в жаркие летние дни. Чарующую привлекательность ей придают прячущиеся за низкими глинобитными дувалами айвовые деревья с покрытыми серой пылью незрелыми еще плодами, густые виноградники, вьющиеся по стволам тополей, и чисто выметенные у каждой калитки пяточки земли с глиняными возвышениями — супа, предназначенными для отдыха; высаженный вдоль журчащего и отдающего прохладой арыка душистый райхон.

Подобрав полу халата, в которой лежат несколько хандаляков — скороспелых дынь, не спеша шагает по этой улочке мужчина лет пятидесяти. Он ступает широко и размашисто, и из-под сапог его летит во все стороны пыль, оседающая на собранных гармошкой голенищах.

На супе, пристроенной между двумя стволами склонившихся низко к воде плакучих ив, сидит старик. Положив поперек ног на колени посох, то ли он дремлет, то ли погрузился в старческие воспоминания — глаза его закрыты. Перед ним на дастархане несколько лепешек, колотый мелко сахар на блюдечке, пиала и завернутый в платок, для того чтобы не остыл, чайник.

¹ Гузар — площадь, оживленное место.

Проходя мимо старика, мужчину, несший в поле халата хандаляки, замедлил шаги и громко, вероятно зная, что старик туг на ухо, поздоровался с аксакалом. Старик вздрогнул, очнувшись от своих дум, заморгал глазами и, узнав мужчину, радостно закивал:

— А-а, Икрам? Это ты, родной? Алейкум салам! Как сынок твой? Небось уже джигитом стал? Садись, выпей со мной пиалу чая!

Икрам, чтобы не обидеть старика, поблагодарив за приглашение, присел на край супы. Старик налил в пиалу чаю и, протягивая ее Икраму, поводил по сторонам носом, прихвываясь.

— Ты только посмотри, какой аромат! Значит, уже хандаляки созрели.

Икрам достал один из хандаляков и положил перед стариком.

— Да, бува¹, угадали, хандаляки уже появились на базаре. Вот попробуйте!

Взяв хандаляк в руки, старик долго нюхал ароматную дыньку, глубоко вдыхая и от удовольствия зажмуривая глаза.

— Дал бог дожить до этих дней. Думал, не дотяну до лета. Спасибо тебе, сынок!

Икрам вытащил из-за пояса нож и протянул старику. Тот отстранил его движением руки.

— Не надо!.. Внуку отнесу. Уж больно я соскучился по нему. Вот и повод будет проведать.

Икрам улыбнулся:

— Внук ваш еще не одну такую пору увидит. Ешьте сами.

— Разве же полезет в горло, когда не слышишь, как рядом воркует внучек?!

Оба встали. Икрам подал старику посох и помог перешагнуть через арык.

Старик не спеша зашаркал по дороге, потом обернулся и снова поблагодарил мужчину:

— Доброе дело сделал, Икрам. Вот будет рад мой внучек, обнимет меня крепко за шею и заворкует.

Икрам постоял, пока старик не исчез из виду. А потом вздохнул, то ли от мысли, что доставил радость аксакалу,

¹ Бува — дед, дедушка, почтительное обращение к старику.

то ли просто жаль ему стало Расула-бува, доживающего свой человеческий век.

Собрав оставшиеся три хандаляка с супы, зашагал своей дорогой.

Остановившись у зеленой калитки, он невольно окинул взглядом лежащий на земле мусор — огрызки яблок, огуречную кожуру, вылущенную чашечку подсолнуха — и укоризненно покачал головой, но на лице его проступила добрая улыбка, и он громко произнес: «Вот негодник, а?! Вот негодник!»

Перешагнув порог, Икрам оказался во дворе. Тихо. Дворик полит и чисто подметен. Стряхнув с полы халата хандаляки, так, что они покатались по полу, он заглянул в комнату. Там, разбросав во сне руки и сбросив с себя покрывало, крепко спал его шестнадцатилетний сын. Лучи солнца, проникавшие через окно, переместились ближе к голове, и на шее у парня от жары проступили капельки пота. Икрам громко постучал о порог сапогами, стряхивая с них пыль, и, подойдя к сыну, накрыл его простыней. Заглянул в другую комнату, нет ли там жены. Вышел во двор, но нигде ее не было видно. Расстроенный, остановился у арыка, наклонился, чтобы умыться, и вдруг услышал из заднего двора жалобный стон.

Он стремглав бросился туда — прислонившись к урючине, сидела на земле его жена, глаза ее были полузакрыты, и она чуть слышно стонала. Рядом валялись несколько поленьев, а из чурбана торчал топор.

Икрам подбежал к жене и приподнял ее под руки.

— Джаннат, Джаннат, что с тобой?

Джаннат, стиснув зубы, застонала еще сильнее. Икрам, зачерпнув из арыка воды, побрызгал ей на лицо. Она открыла глаза.

— Что случилось, Джаннат?

Женщина, с трудом сдерживая стон и едва выговаривая слова, ответила:

— Хотела сыночку что-нибудь вкусенькое на завтрак приготовить, но дров не оказалось.

Икрам нахмурился, и на лбу его сбежались морщины. Поддерживая жену под руки, он повел ее в дом. Сын все еще спал. Икрам уложил Джаннат поудобней на одеяло, подложил под голову подушку. И только потом, вдруг вспыхив, вбежал в комнату и сорвал со спящего сына простыню. Парень испуганно вытаращил глаза, ничего не

понимая, и, увидев над собой перекошенное злобой лицо отца, сел в постели.

— Вставай! Что за глупости валяться до полудня в постели?

Видно, парень впервые видел отца таким рассерженным и впервые слышал такие обидные слова от него, быстро встал. А Икрам, еще больше распалившись, кричал:

— Все люди давно уже на работе, а ты никак головы от подушки не оторвешь! Балбес здоровый!

С террасы послышался жалобный голос жены:

— Не ругайте сыночка! Не упрекайте его!

Икрам, зло сверкнув глазами, вышел из комнаты. Подойдя к жене, он опустил перед ней на колени.

— Хандаляки принес. Хочешь, разрежу?

Она молча покачала головой:

— Сыночка лучше угостите. Пусть он попробует. Турсунбай, где ты? Отец хандаляки принес. Иди поешь, сыночек.

Турсунбай, щурясь от света, вышел из комнаты, покосился на хандаляки, лежавшие на полу, и собрался было взять одну из них, но Икрам сердито прикрикнул:

— Иди умойся, потом возьмешь!

Мальчик исподлобья посмотрел на отца, потом на мать и, всем своим видом выражая недовольство, спустился с террасы во двор. Женщина с упреком сказала мужу:

— Не разговаривайте с сыночком так грубо. Что он понимает, мальчишка ведь еще. Подрастет, поумнеет, папочка.

Икрам смолчал. Налил из чайника в пиалу холодного чая и поднес к губам жены.

— На, попей чаю! В своем ли ты уме? Разве в твоем положении можно рубить дрова? Могла бы попросить сына.

Она жадно выпила чай и откинулась на подушку. Икрам решил больше не корить ее. Турсунбай был их единственным сыном. Семерых родила ему Джаннат и только одного выходила. Турсунбай был их радостью и счастьем. Рос он нежным, избалованным мальчиком. Не помогал родителям по дому, как другие кишлячные мальчишки. Да и отец с матерью не требовали от него этого. Бывало, случилось, пособит матери дрова принести или подмести двор, но это было для него игрой и быстро надоедало. Мать же сама не давала ему палец о палец ударить: все за ним под-

бирала, все за него доделывала, приговаривая ласково: «Миленький мой, родной, чтобы жизнь твоя была сладкой!»

И даже когда мальчик подрос и вымахал в джигита, отец с матерью нянчились с ним, как с маленьким. Так и вырос Турсунбай капризным и хитроватым парнем. Куда бы родители ни уезжали, где бы ни были — в гостях или на свадьбе, — обязательно принесут готинцев своему единственному чаду. Так и растили они своего любимчика, связывая с ним свой сегодняшний и завтрашний день. Счастье их было в том, что мальчик рос здоровым, крепким, не болел тяжелыми болезнями и был все время у них на глазах. Стоило Турсунбаю заболеть, как мать и отец забывали о сне, почаями просиживая у изголовья ребенка.

Турсунбай, умывшись, прошел к себе в комнату. Появился он минутой спустя — на нем была свежестираная белая рубашка, выглаженные брюки. Он был действительно красивым и статным парнем, многие прохожие при встрече с ним долго оглядывались ему вслед. Турсунбай чувствовал столь пристальное внимание к себе и гордился этим — со сверстниками, особенно с девочками, разговаривал свысока.

Турсунбай подошел и присел на корточки возле матери.

— Сынок, приготовь матери шурпу. Я сейчас уйду на работу, — сказал отец, собираясь в поле.

— Не надо, — возразила Джаннат. — Зачем ему брать в руки нож, еще порежется. Принесите-ка лучше мне сюда мяса, овощей, я сама не спеша приготовлю что-нибудь.

Икрам угрюмо посмотрел на сына и, уловив ухмылку на его лице, молча направился к очагу. Джаннат, поглаживая сына по голове, заговорщически зашептала ему на ухо:

— На полке сметану тебе оставила. Хлеб в скатерть завернула, чтоб не зачерствел. Иди поешь, сынок!

И, не дожидаясь, пока он сам это сделает, кряхтя и постанывая, встала с места, сама расстелила ему скатерть, принесла еды, заварила чай и села напротив, любуясь сыном.

А тем временем на летней кухне отец колол дрова.

Мать все сидела, не отрывая взгляда от сына, и, погружившись в сладкие мечты, улыбалась.

Посреди большого двора, утопающего в зелени деревьев, стоит свежей побелки дом с террасой. Перед домом супа с протекающим рядом арыком, вдоль берега которого разбит цветник с высаженным по краям душистым райхоном. И как бельмо на глазу торчит в этом зеленом оазисе высохшая урючина. Это старое, высохшее непонятно по какой причине дерево еще плодоносило и вместе с последними пожухшими листьями роняло на землю золотистые янтарные плоды. Джаннат на корточках собирала урюк, сдувала с плодов пыль и клала на поднос. На супе под марлевым пологом от мух спал Турсунбай. Джаннат с каждым днем все тяжелела и тяжелела, ей все трудней становилось сгибаться, и она почти ползала на коленях, собирая урюк.

В тени деревьев на деревянном настиле накрыт дастархан. Давно уже шумел и испускал пар начищенный до блеска медный самовар. Опершись о колени, Джаннат приподнялась с земли, поставила поднос с урюком на лежавший рядом пенек и подошла к супе. Откинув край полога, с нежностью посмотрела на спящего сына.

— Турсун, вставай, сыночек! — сказала она ласково. — Обед скоро, родной мой, вставай. Отец, не позавтракав, ушел в поле! Вставай, сходишь к нему, поесть отнесешь!

Мальчик заворочался в постели, но глаз не открыл. Мать залюбовалась сыном. Розовое лицо его с густыми черными бровями и длинными ресницами было нежным, как у девушки, и только крепкий подбородок с легким пушком, еще не тронутым бритвой, и широкие скулы придавали его лицу мужские черты.

Джаннат положила руку ему на лоб.

— Турсунбай, сыночек, вставай. Завтрак остыл, отец в поле заждался, поди.

Турсунбай отвернулся и укрылся с головой одеялом.

— Мне ли в моем положении идти так далеко? Не хочешь? Ну и ладно! Я сама схожу. А ты все ж вставай! Гляди, чтоб твой завтрак куры не склевали.

Джаннат, продолжая говорить, стала увязывать в платок лепешки, свежеспеченную катламу. Заварив в большой медный чайник чай, долила в самовар воды, сняла трубу и подложила в него несколько щепок. Потом с чайником и узелком снова подошла к супе:

— Ухожу, сынок. Затвори за мной калитку. Как встанешь, не забудь посмотреть корову. Гляди, чтоб не запуталась в веревке.

Продолжая давать наставления сыну, Джаннат вышла на улицу. Солнце уже близилось к полудню. Заметно оживились кишлачные улицы. Она не спеша шла в тени старых ив и карагачей знакомой дорогой, как услышала плач. Джаннат прислушалась. Так и есть — плачут и причитают женщины. Этот тревожащий сердце женский плач с причитаниями доносился со двора Расула-бува. Джаннат ускорила шаги. Вот уж и калитка показалась. Старика на привычном месте, на супе, не было. Встретивший девяносто девятую свою весну, многое повидал Расул-бува за свою жизнь. Дети, внуки, правнуки его жили одной дружной семьей. И не было в кишлаке человека, который бы не почитал аксакала, не помянул бы его добрым словом. Правда, старик в последние годы здорово сдал: согнулся, ходил опираясь на посох, старался меньше двигаться. Внуки сложили ему супу у калитки, и дед выходил туда с утра, садился на маленький коврик и просиживал до самого вечера. Иногда он подзывал кого-нибудь из прохожих, угощал его чаем и на прощание обязательно дарил веточку райхона.

А теперь возле супы возились незнакомые мужчины. Один из них топором рубил крепкие толстые ветви ивы, под которой коротал свое время Расул-бува. Улочка перед калиткой полита водой и чисто подметена. Проходя мимо мужчин, Джаннат пригнула голову и заслонила лицо кончиком платка. Со двора еще громче доносился протяжный женский плач. Неожиданно она столкнулась с невысоким смуглым мужчиной, лицо его было потным и даже халат промок в плечах, — вероятно, он спешил издалека.

— Джаннат! — обратился он к женщине. — Передай Икраму, что к вечеру выносим. Я возвращаюсь из соседних кишлаков, оповещать ходил.

Не задерживаясь, он заторопился дальше.

Тулянбай — так звали мужчину — был другом ее мужа. В кишлаке все любили и уважали его. Был он человеком веселым и добрым, разговаривая, украшал свою речь пословицами и поговорками. В компаниях, где он появлялся, сразу становилось весело. И если на свадьбе в кишлаке он по какой-либо причине отсутствовал, сразу было заметно. Он и в горе и в беде находился рядом с людьми. В киш-

лаке знали: заболеет кто-нибудь ночью — надо будить Туляпбай, только он согласится пойти пешком до Маргилана за доктором. Туляпбай никому никогда ни в чем не отказывал.

Вот и сейчас уже успел оповестить соседние кишлаки. Икрам дружил с ним, хотя Туляпбай долго ходил холостым. Бывало, смеясь говаривал: «Слишком придирчиво и долго я невесту себе выбираю, боюсь, попадетса мне злая!» Женился он, когда ему было за сорок. Да и жену себе взял добрую и тихую.

Джаннат ускорила шаги. У входа в правление колхоза стояла черная легковая машина, и небольшая толпа выжидающе поглядывала на дверь. «Видно, кто-то из начальства пожаловал», — подумала Джаннат и, не задерживаясь, повернула в сторону Яккатута. Но Икрамджан уже сам торопился ей навстречу.

— Почему ты? Не могла попросить сына? Сколько тебе говорить, чтоб тяжелого не поднимала! — сказал он, беря у нее чайник и узел с едой.

— Ну что вы волпуетесь, — спокойно ответила Джаннат. — Турсунбай еще спит. Не стала его будить. Вчера очень поздно возвратился с гулянья, проказник. Слышали, Расул-бува скончался!

— Соседский мальчишка прибежал в поле, — как-то сразу помрачнев, сказал Икрам. — К ним и иду. А ты ступай домой.

— Так не емши и пойдете? Катламы вам приготовила. Съешьте хоть кусочек.

— Потом, потом. Когда домой приду. Говорят, Юлдаш-ата приехал. Меня спрашивал. Ну, я побегу.

— Он что, на панихиду приехал?

— Нет, он тут по делу. Ездили по степям с группой инженеров-ирригаторов. Говорят, неподалеку от нашего кишлака канал пройдет. Вот он ездит и беседует с людьми, чьи дома и участки вода затопит. Просят переселяться. А за дом и сад деньгами заплатят и еще лучше участки выделят. Говорят, наш Раимберды будет этим заниматься.

— Вот так так! — удивилась Джаннат. — Правительство народу воду дает и за это еще приплачивает. Ну и времена настали. О таком ни деды, ни прадеды наши не слышали.

Икрам не склонен был продолжать разговор.

— Потом тебе все объясню, жена. Много чего узнаешь. Большие дела, кажется, начинаются. Я пошел. Ата, наверное, сам все нам расскажет. Послушаю из первых уст, как говорится...

Оставив жену, Икрам заторопился в контору колхоза.

Когда Джаннат вернулась домой, завтрак, оставленный на столе, клевали горлинки, осколки пиалы со следами сметаны лежали на земле, и кошка долизывала остатки. Турсунбай все еще спал. Три курицы, стащившие со скатерти катламу, с кудахтаньем носились по двору, отнимая ее друг у друга.

Джаннат стояла, не в силах и рта раскрыть.

— Да что ж это ты, горе мое, все спишь? Из-за тебя отец остался без завтрака и голодным отправился в кишлак. Разве ж так можно, родной мой!

Турсунбай, проснувшийся от материного причитания, поднял голову, потянулся и сбросил с себя одеяло.

— И поспать не дадите...— недовольным тоном сказал он.

— Ну сколько же можно валяться, сынок? А у сельчан наших горе — Расул-бува скончался.

Парень зевнул и, конечно, пропустил это мимо ушей.

— Отец туда пошел. Как позавтракаешь, тоже отправляйся к ним.

— Что мне там делать? Жарко сегодня. Лучше на речку схожу.

— Вай-вай, не говори так, сынок. Это долг человеческий — в горе не оставлять друг друга. Из трех кишлаков собираются к ним в дом люди. Покойный был почитаемым человеком. Думали, до ста лет доживет. Ан нет, года не дотянул.

Турсунбаю уже, видно, надоели материны наставления, и он недовольно оборвал:

— Ну, хватит! Голова уже болит от ваших разговоров.

Заметив, что сын рассердился, мать примолкла и только сказала:

— Хорошо, сынок. Больше не буду. Но пойти в дом Расула-бува падо. Все дружки твои там. Говорят, даже сам Юлдаш Ахунбабаев приехал.

Парень широко зевнул, еще раз потянулся и встал. Мать ушла в комнату, вынесла ему чистый носовой платок и новую маргиланскую тюбетейку.

Когда он направился к калитке, она нежно, с материнской лаской посмотрела сыну вслед, как будто и обид у нее не было.

— Хоть бы чаю попил, глупенький ты мой!

Выйдя на улицу, Турсунбай в нерешительности остановился, не зная, куда все-таки держать путь.

Потом, вспомнив, что мать, кажется, говорила что-то про панихиду и что на нее приедет сам Председатель Верховного Совета республики Ахунбабаев, решил пойти в дом Расула-бува. «Интересно, какой из себя Ахунбабаев?» Мать рассказывала, что, когда отец был однажды в Ташкенте и по старой памяти зашел к Юлдашу-ата, как величали Ахунбабаева в народе, тот заинтересовался: «Как сынок-то, небось уже вырос в настоящего джигита?»

Турсунбай, не раздумывая, направился к гузару.

На тихой в обычные дни улочке было шумно и многолюдно. Из многих соседних кишлаков собрались люди на похороны Расула-бува.

Среди людей, запрудивших улицу, прокатился шепот: «Ата едет! Юлдаш-ата едет!»

Шум мотора, который с каждой минутой приближался, вдруг смолк. Хлопнули дверцы. Из-за поворота показалась группа людей. Выставив вперед клиновидную бородку, шел среднего роста старик. Это был Юлдаш Ахунбабаев. Рядом с ним шагало местное руководство — Раимберды, Икрамджан, Умматали и еще какие-то люди.

— Удивительный это был человек, — говорил о Расуле-бува Раимберды. — Все его в кишлаке почитали. Восемь-рых сыновей и дочь вырастил, тридцать восемь внуков у него. Больше всех, бедняга, любил свою единственную дочь. И надо ж такому случиться: пришел в гости к дочери и на руках у нее и умер.

Икрам вспомнил вчерашнюю встречу со стариком. Значит, бува как ушел навестить внука, так и не вернулся домой. Там и отдал богу душу.

Ахунбабаев хорошо знал Расула-бува. Тоже кое-что вспомнил:

— С его младшим братом мы вместе батрачили в кишлаке Ишантупи. Он, бывало, часто навещал нас там. Приедет, гостинцев привезет, а мы и рады. В прошлом году в Ташкент с внуком приехал. Прихожу на работу, ждет в приемной. «Так и так, мол, выучите мне его. Пусть человеком настоящим станет, образованным, грамотным. Пусть

увидит то, чего мы не видели». Пристроил я его внука в медицинский техникум.

— Да,— заметил Раимберды.— Он сейчас здесь на какиулах. Скоро и у нас в кишлаке свой доктор будет.

Огромная толпа людей загрозила улицу перед домом Расула-бува. Словно весь кишлак вышел попрощаться со стариком. Люди стояли вдоль дувалов, мальчишки взобрались на деревья, несколько аксакалов присели на супе, на которой обычно любил сидеть Расул-бува.

Ахунбабаев присел на корточки у входа в дом. Люди подавали знаки, чтобы Юлдаша-ата проводили на почетное место. Но Ахунбабаев, попросив не беспокоиться, продолжал сидеть. На супе потеснились. Раимберды приподнял его под руки и усадил рядом с аксакалами на супу.

Мулла прочитал зауспокойную молитву, и траурная процессия направилась на кладбище. Когда вышли к гузру Зирилланы, люди, ехавшие на арбах, повстречав процессию, сходили с них, конные спешили, чтобы на своих плечах хоть несколько шагов пронести гроб, затем передавали его другим. Ранние завсегдатаи чайхан, парикмахеры, продавцы и просто прохожие вскакивали со своих мест, оставляли свои дела, чтобы отдать дань почтения и проводить в последний путь уважаемого в кишлаке человека.

Эту древнюю народную традицию очень чтит и берегли в Зириллане. В этом каждый видел свой великий долг перед уходящим в последний путь.

Ахунбабаев тоже нес на плечах гроб, сменяясь с другими, и вспоминал своего отца. Отец его с покойным дружил когда-то. И когда умер отец Юлдаша-ата, Расул-бува приезжал в кишлак хоронить друга. С тех пор Юлдашвай сохранил любовь и уважение к этому человеку. Ему сейчас казалось, что он хоронит родного отца, потому что Расул-бува был одним из самых дорогих и близких отцовых друзей.

Юлдаш-ата никогда не забывал об этом старце, которому пошел недавно сотый год, даже там, в Ташкенте, будучи Председателем Президиума Верховного Совета, занимаясь государственными делами, помнил о нем. И когда путь его лежал в эти края, он обязательно заезжал к Расулу-бува, чтобы почтить старика и получить его благословение. Вот и не стало теперь Расула-бува, которого любили и уважали в кишлаке все от мала до велика. Ни одна

свадьба, ни одни поминки не обходились без его участия. Жениха и невесту перед обрядом бракосочетания привозили к нему получить благословение аксакала. Приходили к нему с новорожденным, чтобы он нарек малыша именем.

Люди, несущие гроб на плечах, и толпа, шедшая вслед, повернули к кладбищу. Тулянбай долго вглядывался в лица, выискивая кого-то. Наконец он схватил за локоть мужчину с редкой бородой, поспешающего за всеми.

— Умматали-амаки, скорее бегите домой.

Мужчина от неожиданности остановился и растерянно посмотрел на Тулянбая:

— Что случилось?

— Ваш сын всю махаллю на ноги поднял — с арбаками дерется, — отдышавшись, сказал Тулянбай.

Умматали, ни слова не говоря, работая локтями, стал быстро выбираться из толпы. Он уже привык к тому, что его находят и отправляют домой со свадеб или похорон, потому что опять напроказничал его сын. Умматали и не припомнит, когда, на какой свадьбе или поминках, он досидел спокойно до конца, как все люди. Сын его, Азизхан, не было дня, чтобы не устроил скандала или не ввязался в драку. Вот и сейчас. Умматали спешил к сыну и думал о том, что же произошло.

Многие арбакеши, оставив свои арбы на перекрестке, ушли за гробом. Вот этим и решил воспользоваться Азизхан. Он распряг двух лошадей, посадил на них верхом ребят, затем, сняв с петель одну створку чьих-то деревянных ворот, лег на спину и положил ее себе на грудь. После этого приказал ребятам взойти на этот помост на лошади. Вернувшись и не обнаружив лошадей, арбакеши услышали шум и восторженные крики ребят. Каково же было их удивление, когда они увидели такую картину: красный от натуги Азизхан, на груди которого стояла лошадь с наездниками, отдавал приказания загнать на помост вторую лошадь. Сначала арбакеши растерялись. Потом, рассердившись, разогнали мальчишек. Один из них подошел и дал пощечину Азизхану, успевшему вскочить и отбросить ворота. Тот вскипел, а парень он был горячий, схватив обидчика за пояс, перекинул его через дувал. Тут остальные арбакеши набросились на него с кулаками. Но и они с ним не справились. Азизхан одного отшвырнул влево, другого — вправо. Раскидав их по сторонам, стоял

посреди улицы, уперев руки в бока и покрикивая: «Ну, кто смелый, подходи поближе!»

Когда пришел Умматали, четверо арбакешей, стоя поодаль, на противоположном берегу арыка, ругали на чем свет стоит Азизхана, но подойти боялись.

Вообще арбакешни народ драчливый да и в мастерстве ругаться никому не уступят. Видя, что молодцы, которым не было равных по силе ни в Ташлаке, ни в Маргилане, бояться подойти к Азизхану, Умматали пристыдил их:

— И не совестно вам! Испугались какого-то мальчишку. Такие здоровенные верзилы и испугались.

Подталкивая сына в спину, Умматали ответил Азизхана в сторону.

— Да будет мне наконец покой? Смогу я хоть когда-нибудь в гостях спокойно выпить пиалу чая? Да будь проклят этот Хаджимукан, научивший тебя бороться!

Азизхан боялся отца. Что бы он ни натворил, стоило Умматали прийти и взглянуть в глаза сыну, у того опускались руки и немел язык. Так было и на этот раз.

Оглядевшись, Умматали увидел все еще лежащую посреди улицы створку ворот. Он сердито посмотрел на сына, и Азизхан, ни слова не говоря, подхватил тяжелую дверь и, протащив ее на руках до ворот, водрузил на место. Когда сын отправился домой, Умматали повернулся к толпе и крикнул:

— Ну, топайте туда, откуда пришли! Представление окончено! А вы что стоите разинув рот, brave наездники! Запрягайте-ка своих лошадей и валяйте отсюда. Тоже мне палваны!

Разогнав ротозеев, Умматали мрачный пошел за Азизханом, чтобы дома построже наказать сына. Но парня нигде не было. Умматали обошел дом, заглянул в сад — никого.

А Азизхан уже давно, перемахнув через дувал, играл с друзьями на соседней улице.

Умматали минуту стоял, глядя на него, улыбнулся и укоризненно покачал головой:

— Вот хитрец, а? Лишь бы образумился с годами!

Отец действительно очень беспокоился за судьбу сына. «Как необузданный дикий конь, норовист и пуглив. Скипет с себя любого, кто пытается его оседлать. Да, лишь бы был жив-здоров. А придет день, попадетс я ему сильная и

волевая жена, уж она-то его обуздает, станет Азизхан тогда смиренным и послушным».

Таковыми мыслями успокаивал себя Умматали.

III

А вскоре в кишлаке Зириллама на гузаре произошло вот какое событие. Привели связанного Азизхапа на площадь. От побоев на лице кровоподтеки и синяки. Разорванная рубашка висит лохмотьями. Ранние посетители чайханы и просто прохожие были свидетелями, как здоровенный детина избивает в кровь Азизхана, а тот только молча сносит удары.

И тут кто-то из толпы крикнул:

— Есть у тебя совесть, Акбар? Хватит избивать беззащитного! Ты ведь забудешь его до смерти!

А детина, не обращая внимания на возмущавшуюся толпу, продолжает бить, приговаривая:

— Убивать таких надо! Живьем в землю закапывать!

— Да опомнись ты! — схватил кто-то его за руку.— Если в чем-то виноват, милиция накажет. Прошли те времена, когда самосуд устраивали.

По рядам собравшихся прокатился гул: «Раимберды-тога идет! Слышали? Сам Раимберды-тога идет!»

Пройдя сквозь расступившуюся перед ним толпу, в круг вышел председатель колхоза Раимберды Тухтабаев.

— В чем дело?

Увидев избитого в кровь, связанного Азизхана, спросил:

— Что еще натворил этот неугомонный?!

Детина, видимо, не хотел говорить при всех, но потом, все же осмелев, сказал:

— Этот негодник на рассвете забрался в мой сад.

— Своровал что-нибудь?

— Да я бы его тысячу раз простил, если бы своровал. Хотел влезть в постель к моей младшей сестре. На мое счастье, чутко сплю, проснулся от шороха. Ведь я ее недавно просватал. Через четыре дня свадьба. Этот негодник хотел опозорить нас.

Раимберды сердито взглянул на Азизхана:

— Он правду говорит?

Азизхан виновато опустил голову:

— Правду. Я только хотел спросить у нее.

Брат девушки чуть не задохнулся от возмущения.

— Вы только послушайте, что он говорит. Если бы не с черными мыслями, так лазил бы он через дувал! Или, может, одурманенный наркотиком, пришел у нее еще анаши попросить? Ну конечно, для этого надо одеяло отгибать!

— Да не курю я ничего. Дело у меня к ней было.

Его бестолковые ответы вызывали в толпе смех.

Раимберды, не удержавшись, тоже засмеялся.

— Интересно все же, что за дело у тебя к ней было?

Азизхан, не ожидавший такого вопроса, задумался. Раимберды вспыхнул.

— Хей, что, язык проглотил, что ли? Отвечай же!!

— Она обещала мне дать почитать книгу «Тахир и Зухра».

— У, ты! — брат девушки занес над головой Азизхана кулак, но не успел ударить, его схватили за руку и оттеснили в толпу. — Сейчас как дам, будешь знать, как на расвете «Тахира и Зухру» читать, — не унимался он.

Раимберды велел всем разойтись.

— Представление окончено! И ты, Акбарали, отправляйся домой! Я его сам пропесочу. — Взяв Азизхана за руку, он повел парня за собой.

Акбарали увязался было за ними, но Раимберды строго прикрикнул:

— Сказал тебе, иди домой!

Раимберды впереди, за ним Азизхан молча зашагали в правление. Народ стал расходиться. Какой-то озорной подросток в шутку бросил Акбарали:

— Надо сестричку твою доктору показать.

Его слова подлили масла в огонь. Акбарали посмотрел на подростка так, словно готов был проглотить его живьем. Тот вмиг нырнул в толпу. А Акбарали, махнув на все рукой, отправился восвояси.

Азизхан молча шагал за председателем. Был он отчаянным в Зириллеме сорванцом. И чего только он не творил — ни одна драка, ни один скандал в кишлаке не обходились без его участия. Крепкий и сильный от природы, он мог постоять за себя, да и друзей не давал в обиду. Как и все мальчишки, в детстве разорял он птичьи гнезда, на спор лазил на высокие деревья, не раз падая и ушибаясь. Когда же в кишлаке никого не осталось, с кем бы он мог помериться силой, Азизхан решил обойти всю окру-

гу, чтобы побороться со своими сверстниками — силачами-палванами: бывало, побеждал, но и битым не раз приходилось возвращаться, но это не отбивало у него охоты искать новых приключений.

А стоило ему прознать, что кто-то из зирилламинских девчат удостоился внимания парня из другого кишлака, Азизхан не успокаивался, пока, не разыскав смельчака, не награждал его тумаками, чтобы впредь неповадно было заглядываться на чужих девчат.

Наделенный недюжинной силой, он развлекал соседских мальчишек тем, что останавливал проезжавшие мимо тяжело груженные арбы, удерживая за заднее колесо, или забрасывал себе на спину зубами тяжелые мешки с зерном или с мукой. В кишлаке он получил прозвище «Козырь». И вот в сердце этого парня неожиданно вспыхнула любовь.

Обычно влюбленные пары бывают застенчивы; услышав знакомый девичий голос, тяжело вздыхают. Но Азизхан таким не был. И любовь его была такой же безрассудной и бестолковой, как он сам.

Разве мог Азизхан когда-нибудь предположить, что Лютфиниса, та самая Лютфиниса, с которой он бегал вместе в школу, дергал за косички, лишит его покоя и сна, заставит его вздыхать почами. Любовь в нем проснулась неожиданно, вдруг. Она грянула как гром среди ясного неба, вспыхнув ярким, горячим пламенем. И вот с этого самого момента Азизхан неожиданно для себя стал искать встречи с Лютфинисой, следить за каждым ее шагом. А повстречав девушку в безлюдном, тихом переулке, забывая про обходительность, обнимал ее, прижимал крепко к груди. Да и Лютфиниса особо не противилась этому. Как и все кокетливые девушки, она слегка лишь ломалась — как-никак девичью честь надо блюсти и гордой быть, — но позволяла Азизхану обнять и поцеловать себя. Узнав об их тайных встречах, брат Лютфинисы Акбарали поколотил сестру. Но и эта мера не помогла. Как говорят, запретный плод сладок, девушка еще больше потянулась к Азизхану. Лютфиниса, на которой лежали все домашние дела, совсем забросила хозяйство и стала только следить за собой. Соберется на улицу, незаметно выскользнет за калитку и давай пудриться и душиться, чтобы брат не заметил. Там, где она пройдет, долго еще стелется за ней аромат духов. Этот дурмящий запах еще больше сводил с ума Азизхана.

В те дни, когда не удавалось договориться о встрече, он часами ходил возле ее калитки. Как-то Лютфиниса не пришла на свидание в условленное время. Азизхан прождал ее до утра, а на следующий день, встретив ее на улице, сильно поколотил девушку. Но Лютфиниса не обиделась на него.

Совсем потерял голову ее брат Акбарали от этой бестолковой любви и тайных встреч Лютфинисы с Азизханом. Были бы живы родители, посоветовался бы, как поступить, но они давно ушли в мир иной, оставив решать судьбу дочери ее старшему брату. И наконец, не выдержав, Акбарали просватал сестру за маргиланского ремесленника. Назначили и день свадьбы. Акбарали, чтобы оградить себя и сестру от каких-либо случайностей, перестал выпускать Лютфинису на улицу.

Узнав о приготовлениях к свадьбе, Азизхан вовсе потерял покой. Поехал в Маргилан в надежде выследить жениха и избить до смерти, но, так и не встретив его, вернулся ни с чем в кишлак. Послал тогда записку девушке: «Выйдешь замуж — зарежу!» Передали ей его послание или нет, но ответа Азизхан не получил.

Он стал ночами бродить вокруг дома Лютфинисы. И вот сегодня ночью, вконец исчерпав свое терпение, перелез к ним в сад через дувал. Он крался так осторожно, что даже не разбудил огромную собаку-волкодава, сторожившую сад. Азизхан решил выкрасть девушку. Правда, не знал, согласна ли она, но это его и не волновало. Азизхан тихонько подполз к айвану, где спала его возлюбленная. Она лежала, накрывшись до подбородка одеялом, длинные косы ее рассыпались по подушке. Опьяненный запахом ее волос, Азизхан тихонько потянул за край одеяла: девушка в темноте, не узнав Азизхана, вскрикнула от испуга. От ее крика все в доме проснулись. На шум сбежались соседи. Азизхан, вместо того чтобы бежать прочь, почему-то бросился к сложенной у дувала куче хвороста и спрятался за ней. Его поймали, скрутили веревками руки и стали колотить — кто палкой, кто кулаком, стараясь попасть в голову, но Азизхан не вырывался и не сопротивлялся. Били его, пока не устали; Азизхан стиснул зубы и не издал ни звука.

А Лютфиниса стояла на айване, обхватив столб, и плакала от бессилья, оттого, что не может помочь Азизхану.

Когда подошли к конторе, Раимберды окликнул какой-то старик и стал на кого-то жаловаться председателю. Вос-

пользовавшись тем, что Раимберды-тога отвлекся, Азизхан шмыгнул в соседний переулок, а оттуда дворами вновь добрался до дома Лютфинисы.

Акбарали очень удивился, застав Азизхана сидящим в тени дерева напротив их калитки. Он даже протер глаза — не сон ли? Что же делать, если этот толстокожий добрых слов не понимает, кулаки на него не действуют. Может, уговором, мольбой попробовать. Подойдя к Азизхану, он приложил руки к груди и умоляющим голосом произнес:

— Послушай, дорогой! Ведь по-хорошему прошу, оставь мою сестру в покое, не позорь нас! Как мне людям в глаза смотреть?! Или уехать из кишлака?

Ни один мускул не дрогнул на лице Азизхана.

— Можешь переезжать, но Лютфинису оставишь.

— Да с тобой разве как с человеком договоришься? И зачем только мы, дураки, забрали тебя обратно от Хаджимукана, уж и оставался бы у него. Вот горе-то на мою голову, — сказал Акбарали и, с силой толкнув ногами калитку, вошел во двор.

И тут же со двора донеслась его ругань и плач Лютфинисы; зазвенела разбитая посуда.

Азизхан услышал:

— Коли глазами телка не моргнет, бычок веревки не оборвет. Если б ты, мерзавка, не кокетничала с ним, он бы, поганец, так не лип к тебе!

— Кроме Азизхана, ни за кого не пойду. Лучше отравлюсь, чем за другого замуж выйду! — давясь слезами, кричала Лютфиниса.

— Что хочешь с собой делай, все равно по-моему будет.

— А я покончу с собой, оставлю письмо, что вы меня довели до самоубийства.

Из-за забора сквозь звон разбиваемой посуды слышались крики и плач Лютфинисы, топот убегающих ног.

Азизхан улыбнулся и встал. «Здорово! Молодец!» — повторял он про себя, одобряя Лютфинису.

Азизхан решительно направился домой в надежде хорошо отоспаться и потом уже придумать, как поступать дальше.

Прохожие удивленно оглядывались на улыбающегося парня в разорванной рубашке, с синяками и ссадинами на лице, гордо шагавшего по улице. Знакомые и друзья улы-

бались; другие удивленно таращились на него: «Видали влюбленного?! Вот это и есть тот самый Меджнун!» Вслед ему доносился хохот.

Но ни насмешки, ни обидные слова не трогали сейчас Азизхана.

IV

В доме Акбарали готовились к свадьбе. Скоро придет жених со своими дружками и улицы кишлака наполнятся веселыми криками и звуками сурная. Кишлячные девушки, близкие подружки Лютфинисы, окружив невесту, распевая свадебные песни, проводят ее в дом жениха.

Когда Азизхан думал об этом, он готов был завывать от боли, будто нутро ему грызли собаки. Он уходил из дому чуть свет и долго где-то бродил, вздыхая и охая в одиночестве.

Отец его, Умматали, принарядившись — надев новый халат и тюбетейку, — ушел с утра в дом Акбарали, где сегодня готовили плов. Азизхан никак не мог успокоиться — стоило ему вспомнить о сегодняшней свадьбе Лютфинисы, не находил себе места, вскочив, метался по комнате, шлепая себя по лбу.

Но еще больше заняло в груди, когда над кишлаком раздались задорные звуки сурная, раскатистый бас карная и веселая барабанная дробь. Он с силой толкнул ногой калитку и вышел на улицу. Азизхан был в таком состоянии, что, попадись кто ему сейчас под руку, избил бы до смерти. В отчаянии он взывал к аллаху сжалиться над ним, требовал справедливости, забыв о том, как сам, проникнув в чужой двор, собирался выкрасть девушку; встречался с ней тайком, допьяна целовал ее, вопреки всем запретам Акбарали.

Достигнув совершеннолетия, Азизхан как раз переживал тот возраст, когда казалось, что все в этом мире подвластно силе.

Дружки жениха с веселыми криками приближались к дому Акбарали. Азизхан и не заметил, как ноги сами понесли его в ту сторону.

Темнело. Улицы, подметенные и политые водой по случаю свадьбы, были чистыми и прохладными. Женщины, глядевшие из калиток на свадебное шествие, завидев Азизхана, жалостливо качали головами. «Какое бедняге все

это вынести?!» Парень ничего не замечал. А может, просто не придавал их словам значения. Азизхан, стоя за деревом, некоторое время наблюдал за свадебным шествием. У самой калитки толпа расступилась, образовав круг; музыканты заиграли громче, парни и мальчишки пустились в пляс. Азизхан поглядел по сторонам и, незаметно шмыгнув в переулок, перелез через дувал. Облюбовал себе место на высокой развесистой груше, откуда хорошо просматривался двор с расстеленными для гостей коврами на сури. Он устроился поудобнее на крепкой ветке и набрал полную пазуху крепких, еще незрелых груш.

Наконец пляски закончились и жених в окружении своих дружков прошел во двор, где были накрыты для гостей дастарханы. Женщины осыпали жениха конфетами и серебряными монетами. Мальчишки с радостным визгом ползали по земле, собирая сладости и деньги. Азизхан достал из-за пазухи увесистую грушу и прицелился в жениха, который заметно выделялся в толпе — он был в чалме, украшенной какими-то блестками. Но в этот момент его заслонил какой-то долговязый парень. Азизхан стал выжидать более благоприятного момента.

Сначала рассадили стариков на ковры. Молодежь расположилась за столами на длинных, сколоченных наспех скамьях. Двое дружков, взяв жениха под руки, подвели к дому. Кто-то догадался, подставил жениху табуретку, и тот сел. А муллу, который стоял рядом, усадили напротив. Шли приготовления к обряду бракосочетания. Азизхан прицелился в муллу и с силой швырнул грушу. Пущенный как из пращи, тяжелый плод сбил с головы старика чалму. Люди в недоумении стали озираться и пожимать плечами, ничего не понимая. Кто-то поднял с земли размотавшуюся чалму и подал мулле. Стало совсем темно. Включили четыре большие лампочки, подвешенные на деревьях. Сильный яркий свет хорошо освещал двор.

Муллу уже успел снова намотать чалму. Азизхан вновь взял его на прицел. Удар пришелся тому в голову, и мулла, схватившись за ухо, с воплем подпрыгнул на стуле. Азизхан обрушил настоящий град на жениха. У того было разбито в кровь лицо. Досталось, конечно, и кое-кому из его дружков. Во дворе поднялся такой шум и гам, что никто не мог сообразить, что же происходит. Азизхан последнюю грушу швырнул в окно, и оно со звоном разлетелось на мелкие осколки.

Азизхан, довольный, опять наполнив пазуху грушами, тихонько спустился с дерева в сад и исчез в темноте. За дувалом стоял невообразимый шум — кричали, звали на помощь, бранились, смеялись, — словом, свадьба была расстроена.

Этот беспорядок продолжался с полчаса. Жениху обмыли лицо. Оно все было в синяках и в ссадинах.

Но мулла отказался читать обрядовую молитву.

— Мне моя жизнь дороже, — сказал он. — Можете сами благословить молодых.

Как ни уговаривали его, не смогли уговорить. Мулла встал и отправился домой. Но Акбарали успел поймать его за полы халата у самого выхода и втащил обратно во двор.

— Мы ведь на вас надеялись, таксыр. В этом кишлаке нет у нас другого муллы, знающего старые обряды. Я ведь за вами в Куву людей посылал, чтобы привезли вас.

Акбарали так сердито посмотрел на старика, что вконец перепуганный мулла вынужден был согласиться.

— Хорошо, хорошо, сынок! Но сделать это лучше в комнате.

Акбарали, довольный тем, что уговорил муллу, подхватил его под руку и провел в комнату. Жених с распухшим лицом поплелся за ними.

И тут вдруг одна за другой стали хлопать и гаснуть электрические лампочки — это Азизхан добывал их из укрытия в соседнем дворе. Стало темно хоть глаза коли. Уже было успокоившийся народ опять пришел в замешательство — люди в темноте натыкались друг на друга; звенела разбитая посуда; кто-то опрокинул самовар, и угли шипели, заливаемые водой; стоял такой гвалт, что ничего нельзя было понять. И сквозь эти крики слышался визгливый голос муллы: «Ягнята мои, кто наступил на конец моей чалмы? Где же мои кавуши?»

— Вайдод! — завопили вдруг женщины. — О мы, несчастные! Этот негодник, как и грозился, выкрал-таки Лютфинису!

Зажгли фонари, принесли свечи.

Акбарали от стыда и обиды заскрежетал зубами. Вытащив из чехла нож, которым только вчера резали теленка, присланного в подарок женихом, процедил:

— Зарежу! Убью гада!

Жених со вспухшим и красным, как помидор, носом схватил Акбарали за ворот:

— Найди девушку, подлец! А-а! Хотел продать мне паршивую овцу, скрыл, что у нее есть любовник. Давай сюда мне мою жену.

Один из аксакалов одернул его:

— Стыдно, сынок, так говорить. Не обручившись, нельзя называть девушку женой. Это не по шарияту.

— А чего мне стыдиться? Пусть вам будет стыдно! Пусть вот этому обманщику будет стыдно! Семьсот целковых я потратил на свадьбу и мне же стыдиться?! Если немедля не вернешь мне денег, подожгу твой дом.

Акбарали аж заскрежетал зубами. Таких слов он обычно не прощал. Но сейчас вынужден был взять себя в руки и виновато сказал:

— Потерпите, найду ее! Если даже в небо взлетела, за ноги стяну, под землю провалилась — за уши вытащу.

— Ты теперь свою порочную сестру посреднику отдай.

Когда Акбарали горячился, пальцы его сжимались в кулак. Да и сейчас он готов был наказать обидчика, но если шайтан шептал проучить жениха, то ангел призывал к смирению и покорности.

Ввернули в патроны новые лампочки — стало опять светло. Во дворе был такой беспорядок, словно здесь проходили кулачный и рукопашный бой. Столы и скамейки опрокинуты, паласы сбились в кучу, под погами валяется еда, втопанная в землю. Стиснув зубы, Акбарали стоял перед женихом с ножом в руке, низко пригнув голову, потом вдруг поднял голову и зло посмотрел в глаза жениху:

— Неудобные слова вы мне сказали. Если бы это произнес кто другой, я бы из него кишки выпустил и намотал бы на голову, как чалму. Сестра пригнула мне голову перед вами и за это ответит. Мать родила меня мужчиной, и я должен вытерпеть любое тяжелое испытание. И вас прошу не горячиться. Зайдем-ка лучше в дом и поговорим. Свадьба продолжается, люди не расходятся, а ну, музыканты, давай!

Акбарали быстро зашагал в дом, увлекая за собой жениха. Следившие за ними люди уставились на дверь, за которой они скрылись. Через некоторое время Акбарали вышел, огляделся вокруг и, увидев сидевшего в углу и все еще охающего муллу, который прикладывал к вспухшему уху мокрую вату, взяв его за руку, усадил на стул. Потом, что-то сказав ему, исчез снова в доме. Гости молча наблюдали за всем происходящим. Что он собирается делать? Не-

ужто девушка наплась?! И все устремили на дверь любопытные взгляды. Акбарали появился быстро. Гости — женщины и мужчины, старики и дети — повскакали с мест.

Акбарали ташил за руку свою пятнадцатилетнюю дочь. Девочка, не понимая, чего от нее хотят, испуганно таращила глаза и все повторяла: «Это не я! Я не виновата!» Она почему-то решила, что ее обвиняют в бегстве тети, в том, что она помогла бежать Лютфинисе. Акбарали подвел девочку к жениху и крикнул мулле:

— Читайте молитву, аксакал!

Все ахнули от удивления. Из толпы вышел седобородый старец и, стуча клюкой, подошел к стоявшим возле мoulлы.

— Ты в своем уме, дурень! Одумайся! Что ты делаешь?

Акбарали, недовольный тем, что ему помешали, оттолкнул старика и отвернулся, давая понять, чтобы не вмешивались не в свое дело.

Жених, молодой человек лет тридцати, был невысоким и плотным. Девочка перед ним дрожала, как кролик, брошенный в клетку ко льву. Наконец, сообразив, что происходит, она, как подкошенный стебелек, упала перед отцом на колени, прося у него пощады.

У наблюдавшего за всем этим Умматали сердце обливалось кровью — он чувствовал и свою вину, но подойти боялся. Он стоял в толпе односельчан, прислонившись к дувалу и весь как-то сжавшись: ему почему-то казалось, что если Акбарали заметит его, то кинется к нему, схватит за ворот рубахи и начнет трясти, требуя разыскать сына. Чуть раньше, когда Акбарали выхватил из чехла нож, у Умматали поджилки затряслись от страха и он, чтобы не упасть, присел на сури. Умматали прекрасно понимал, что в случившемся виноват Азизхан. И вот теперь жертвой всех этих злоключений становится пятнадцатилетняя девочка, совсем еще ребенок, которая и в куклы-то не разучилась играть и бегать босиком по пыльным улицам с подружками. И такой человек, как Акбарали, гордый и сильный, настоящий джигит, который ни перед кем шапки не снимет, а если тубетейка с его головы слетит, за деньги любого заставит поднять, нынче не может смотреть в глаза людям.

Умматали в душе очень переживал случившееся. «Что ты натворил, сынок? Что же ты так осрамил Акбарали перед всем кышлаком? Этот случай черным пятном ляжет те-

перь на его душу! Простит ли он тебя? Ведь не успокоится, пока не отомстит! А каково мне?! Разве люди не проклянут меня за то, что я воспитал такого сына? Разве они не вправе плюнуть мне в лицо?! Ты заживо похоронил меня, сынок!»

Снаружи послышался шум приближающейся машины, и несколько минут спустя во двор вошел Раимберды-тога. Видно, кто-то из мальчишек успел известить его о случившемся.

Завидев Раимберды, все облегченно вздохнули. Председатель колхоза пользовался заслуженным авторитетом у односельчан — депутат Верховного Совета СССР, член бюро обкома, был он уважаемым в кишлаке человеком, к слову и к совету которого прислушивались и стар и млад.

Не обращая внимания ни на кого, он прошел к тому месту, где сидели жених и мулла. Акбарали стоял понуриив голову.

— Постеснялся бы людей. Есть власть, есть закон! А вы!..— Раимберды обернулся к гостям.— Можете потихоньку расходиться. Считайте, что свадьбы не было.

— А со мной что будет? — осторожно спросил его жених.

Раимберды-тога многозначительно посмотрел на него:

— А вы встречались с девушкой до свадьбы? Получили ее согласие?

Жених удивленно, не понимая, зачем это надо, пожал плечами и кивнул на Акбарали:

— Вот с ним договаривался. Если бы он не дал согласия, неужто бы я женился на его сестре?

— А вы разве не знали, что по нашему новому закону без согласия девушки не имеет права жениться на ней?

— Столько потратил на свадьбу и теперь нельзя? Через суд я с него взыщу деньги... Я им покажу...

Тога сердито оборвал его:

— Суд не примет во внимание ваше заявление. Свадьба без согласия девушки считается незаконной. Глядите еще, как бы вас самого не привлекли к ответу.

Жених замолчал, словно воды в рот набрал, и испуганно заморгал глазами.

Собравшиеся на свадьбу гости стали потихоньку расходиться.

Раимберды-тога укоризненно посмотрел на Акбарали. Обычно веселый и жизнерадостный парень, который за

словом в карман не полезет, умеющий всегда постоять за себя, сейчас стоял понурив голову и от стыда прятал от него глаза. Раимберды стало жалко его.

— Послушай, сынок! Ну что ты так пригорюнился! Сам виноват! Если бы раньше подумал, как молодым помочь,— все было бы иначе. Сестру твою сокол унес. А ты знаешь, каким бывает сокол. Никому не даст в обиду свою соколицу. А если, случается, отобьют ее у него, то он, бросившись камнем с большой высоты, разбивается о скалы. Лютфинису унес настоящий сокол. Не преследуй и не ищи их. Настанет день, сами придут с повинной. На коленях у тебя попросят прощения.

Акбарали молчал. Тога, попрощавшись, вышел на улицу.

Долго стоял Акбарали, прислонившись к дверному косяку. Пропели первые петухи. А во дворе, перешептываясь, женщины убирали со столов посуду, сметали в кучу осколки, сворачивали паласы, но Акбарали ничего этого не замечал.

В душе его все сильнее разгорался огонь мести.

Как сквозь туман услышал голос жены: «Папочка, иди-те спать, уже поздно». Акбарали ничего не ответил.

Погасили свет.

И тень Акбарали, стоявшего у входа в дом, растворилась в темноте.

Умматали охватила тревога. Лишь бы Акбарали чего-нибудь не сделал с парнем. Может, лучше сообщить в милицию?

Умматали ворочался в постели — тревожные мысли не давали ему заснуть. Как только подрос его Азизхан, не стало в доме покоя. У других дети как дети — тихие, послушные, родительскому слову не перечат. А Азизхану говори не говори, как об стену горох — все свое гнет. В кишлаке все уже привыкли к его проделкам и внимания не обращают. Как-то, — кажется, тогда Азизхану было четырнадцать лет, — возвращаясь с работы домой, Умматали услышал со двора восторженные ребячьи крики. Стремглав влетел во двор, и перед глазами его предстала такая картина — Азизхан лежал на спине, держа на груди дверь, которую вытащил из петель, и на нее взобрались несколько

мальчишек. Умматали разогнал тогда всех, а сына отругал. А через год Азизхан выкинул другой номер: повиснув на стволе урючины вниз головой, держал зубами трехгодовалого телка, обвязанного скатертью. А был случай, когда Раимберды-тога строил водопровод для колхозного медпункта и сгрузил на улице двадцать водопроводных труб. Азизхан со своими дружками играючи свернул все эти трубы в кольца. Дорого пришлось Умматали заплатить за шалости сына, и сгоряча он так отхлестал Азизхана ремнем, что тот сбежал из дома и целую неделю скрывался у дяди, пока Умматали сам не привел его домой.

Умматали удивлялся, откуда у парня столько силы и энергии. Как ни старался вспомнить — ни в его роду, ни в роду жены таких силачей не было. Так вот и рос у тихих, спокойных родителей озорник и непоседа, который никому в кишлаке проходу не давал.

И сейчас, вспоминая все это, Умматали успокаивал себя тем, что Акбарали вряд ли сладит с его сыном. Если только не застанет его ночью, врасплох, когда Азизхан будет спать. Но Азизхан спит чутко, просыпаясь от малейшего шороха, — бабочка пролетит, и то услышит.

Где он сейчас? Сыт ли, голоден? И куда подался с Лютфиписой? Может, к дяде направился? Нет, он туда не пойдет. Знает, что прежде всего там будут его искать. Скорее всего, он ушел в тугай¹. Но разве там долго пробудешь — спать и есть надо.

Что ни говори, а сын он ему, и болит душа за него. Как и любой отец, Умматали живет мечтами о том дне, когда наконец Азизхан станет взрослым мужчиной и будет приносить своим трудом пользу людям, станет гордостью родителей, родных и близких. Ведь парень-то он не плохой — не пьет и не курит. Только вот необузданный какой-то, горячий. Если припомнить, немало хороших поступков он совершил — вынес из огня близнецов, когда вспыхнул пожар у соседа, во время наводнения, бросившись в холодную воду, спасал колхозное стадо. И как несовместимы эти его хорошие поступки с его озорством. Он как бурливая горная река, направь ее в правильное русло, напоит влагой жаждущие поля и сады. Сколько пользы принесет. А нет, так размочит она берега, затопит посевы и причинит столько вреда. Но кто укротит эту реку?!

¹ Т у г а и — камышовые заросли.

Умматали думал, и казалось, мыслям его не будет конца.

Рассвело. Умматали и не заметил, что жена его уже встала и подметала двор, при всяком скрипе или стуке поглядывала она на калитку — может, это сын вернулся с гулянья. О случившемся вчера Умматали ничего ей не сказал. В последнее время жена заметно сдала, пошаливало больное сердце, кружилась голова, и порой она даже теряла сознание. Расстраивать ее не хотелось, но сказать надо. Не поведаетшь сам, узнает от других, которые не преминут добавить что-нибудь свое. С горошину слово в орех раздут. На чужой роток не накинешь платок.

Умматали, наклонившись над арыком, умылся, вытерся поясным платком и спокойно, стараясь не выдавать волнения, сказал жене, поглядывавшей на калитку:

— Можешь не глядеть. Упрямец твой не придет сегодня. Может даже, его несколько дней не будет. Только ты не волнуйся.

Жена резко повернула к нему испуганное лицо:

— Ой, умереть мне на этом месте. Чует материнское сердце: в милицию он попал. И вы ничего не сделали для того, чтобы его вызволить?

— Да успокойся ты,— продолжал он спокойным тоном.— Ничего такого не случилось. Сын твой жив-здоров. Просто вчера он выкрал себе невесту с чужой свадьбы в подвенечном платье, только и всего.

— Ой, позор! Какой позор! — запрочитала жена, и слезы градом покатались из глаз.

Она присела и, хлопая ладонями по коленям, все причитала и плакала.

— Ты что, впервые слышишь о проделках сына? А?.. Впервые слышишь?! Ничего не случилось. Все тихо-мирно. Подумаешь, всего-навсего свадьба расстроилась...— стал успокаивать жену Умматали.

Этот шуточный тон мужа, когда речь шла о судьбе сына, еще больше рассердил ее.

— Что вы масла в огонь подливаете? Вы лучше скажите, что нам теперь делать? Это вы во всем виноваты — сына распустили, вовремя не одернули, не приструнили!..

А Умматали все отшучивался:

— Ничего ведь страшного не случилось. А наоборот, считай, без всяких расходов и калыма мы невесту в дом за-получили. Другие за нас расплатились, и бычка зарезали,

и плов варили, и музыкантов наняли. Нам только обручить их осталось и ввести в дом луноликую невестку.

Жена зарыдала пуцце прежнего.

— Вы еще и издеваетесь надо мной! Никого мне не нужно! Я сыну, если захочу, дочь председателя исполкома сосватаю!

— Да, — вздохнул Умматали, — за твоего сына, кротко-го как ягненок, мечтают выйти замуж дочери председателей исполкомов и Хорезма, и Ташкента. Уж все глаза проглядели, ожидаячи тебя. Лучше успокойся. Нечего понапрасну слезы лить. Хватит крика и слез в доме Акбарали. Давай-ка лучше сядем вот сюда и подумаем, как нам дальше жить. Что делать, если сын приведет девушку домой? Вот задача, а?

Жена Умматали притихла — муж говорил по делу. Как это ей сразу в голову не пришло. Как посмотрит на это махалля? Соседи, родные?! Как она посмотрит людям в глаза? Разве думал об этих последствиях ее сорванец, выкрадывавая Лютфипису?

Из всех проделок, с которыми давно свыклись родители, эта была похлеще других. Да и как могут они сейчас облегчить страдания и горе брату Лютфинисы, ее родным.

Умматали, хлопнув себя по коленям, вскочил с места.

— Собирайся, жена! Никому ни слова! Иди переоденься, пойдем к Акбарали и скажем, что берем на себя все расходы по вчерашней свадьбе. Невесту примем в дом. Если не согласна со мной, можно собирать манатки, — в кишлаке нам оставаться нельзя. Ну, так что?

Жена с удивлением взглянула на него:

— С ума сошли, что ли? Чем вы оплатите расходы? Или припрятанные денежки у вас есть? Скажите, чтобы и я знала!

— Э-э, глупая женщина, откуда у меня могут быть припрятанные деньги. Скотину продадим! Наскребем сколько-нибудь!

— Стельную корову?! Которая не сегодня-завтра отелится! Неужели вы думаете, я вам позволю это сделать?

Муж с женой спорили долго. Умматали все же уговорил ее пойти к Акбарали. По улице шли быстро, стараясь не задерживаться, кивком головы отвечая на приветствия односельчан, и вслед доносилось: «Молодец Азизхан! Так поступают настоящие джигиты!!!» Эти слова одобрения придавали им еще большую уверенность.

Акбарали от стыда готов был провалиться сквозь землю. Не в силах выйти на улицу, ходил по двору из угла в угол, как загнанный в клетку зверь. Увидев входящих к нему Умматали с женой, он сначала опешил. Но тут же, придя в себя, снова принялся поносить их:

— Да будьте вы прокляты, воспитавшие такого подлца. Ну-ка топайте отсюда, пока целы!

— Успокойся, сынок! И выслушай нас!

— Оставили меня на весь кишлак, разорили, и после этого у вас хватает совести переступить порог моего дома? Стыда у вас нет! А небось считаете себя благочестивыми людьми?!

Умматали и сам с трудом сдерживал себя. Он так сердито посмотрел на жену, которая было раскрыла рот, что та вмиг примолкла.

— Все? Кончил? Теперь выслушай меня и не перебивай. Во-первых, все, что ты получил от жениха, весь калым мы возвратим ему. Во-вторых, мы оплатим все твои свадебные расходы. Твоя младшая сестра войдет в наш дом невесткой. Только не шуми, не кричи, все уладится.

Акбарали задумчиво почесал подбородок. Было такое впечатление, что он согласен с их условиями, но он вдруг переменялся в лице, махнул сердито рукой и зло сказал:

— Этого ни деньгами, ни помолвкой не искупить. Позор пал на мою семью. И только кровью я смогу смыть его. Уходите! У меня нет сестры. Именем моих покойных родителей я отрекаюсь от нее!

— Подумай, о чем говоришь, сынок,— возразил ему Умматали.— Язык без костей, мелет что попало. Мы пришли спасти твою честь. У нас ведь тоже были свои планы, которые мы связывали с Азизханом. Как же быть нам?

Акбарали, занесший ногу на ступеньку, ведущую на террасу, остановился и, резко обернувшись, процедил сквозь зубы:

— Пока я не отомщу этому нечестивцу и жалкому трусу, не быть мне Акбарали. Теперь уходите. А не то я не ручаюсь за себя.

Муж с женой переглянулись.

— Не вовремя мы пришли,— сказала жена.— Видно, он с утра чапан свой наизнанку надел.

Умматали молча направился к калитке. Жена его на пыпочках последовала за ним. В этом мрачном доме, казалось ей, справляют поминки, а не играют свадьбу.

Вслед им доносились проклятия Акбарали.

— Он не ругался, и ты ничего не слышала, — предупредил Умматали жену. — Крепись, женушка. Все беды теперь падут на наши головы. Слух об этом пойдет гулять по кишлакам. Так что на всю Фергану нас ославят...

— Лишь бы Акбарали что-нибудь не сделал с нашим сыном.

Умматали тоже думал об этом, но, чтобы не выдать тревоги, сказал:

— Он не такой! Да и сын твой не даст себя в обиду. Чего ты беспокоишься?

— Да убережет его бог от всяких случайностей!.. Где ж теперь мой родненький бродит? — запричитала она с надрывом, и слезы медленно катились по ее морщинистому лицу.

Умматали сердито взглянул на жену:

— Перестань реветь! Не пропадет! С голоду не помрет!

— Хоть бы узнать, как он там.

— Где бы он ни был, вернется сюда. Куда он со своим хвостом денется? Где спрячется? Примем их в дом без благословения брата — народ нас осудит. Так что позор Акбарали и наш позор. Давай, жена, лучше переедем в другой кишлак.

— Из родного кишлака меня только ногами вперед вынесут, — снова всхлинула жена Умматали. — Никуда я отсюда не поеду.

Умматали предложил такое сгоряча. Куда им ехать? Ведь дурная слава следом потянется.

Так и шагали — впереди угрюмый, задумчивый Умматали, позади плачущая жена. У поворота на свою улицу Умматали неожиданно остановился.

— Ты иди, — сказал он жене. — А я пойду поговорю с Раимберды-тога. Как-никак он голова нашего кишлака. Может, что и дельное подскажет. Как он посоветует, так и поступим.

Умматали прошел мимо базарчика, сухо отвечая на приветствия знакомых. Мысли его сейчас были заняты одним — Азизханом. Наверно, и в Зирилламе, и в Ташлаке, и в Яккатуте, и в Заркеште — словом, во всех кишлаках Ферганской долины только и разговору было что об этом случае на свадьбе. И в чайхане, на базаре, в поле, на перекрестках — всюду люди только и толкуют о происшедшем.

— Слышали! Азизхан Лютфинису прямо у жениха из-под носа увел!

Одни одобряли его поступок, другие осуждали.

— Если бы девушка не согласилась, ее бы силком не уволокли.

— Верно говорят: если буренка глазами не моргнет, бычок веревки не оборвет!

До Умматали долетали обрывки этих разговоров, и на душе становилось легче.

VI

А тем временем Азизхан с Лютфинисой пробирались сквозь густые заросли камыша. Камыши еще не пожелтели, стебли кое-где были зелеными. Всю ночь шелестевшие на ветру, они теперь словно дремали под теплыми лучами утреннего солнца. В лужах неустанно квакали лягушки, встревоженно крикали дикие утята.

Атласное платье Лютфинисы было изорвано в лохмотья о кусты и колючки. Да и сама она вся перепачкалась в грязи, но от нее все еще исходил приятный запах духов. Азизхан шел впереди, прокладывая дорогу, раздвигая руками густые заросли камыша. Он временами оглядывался, подбадривая девушку, и без умолку повторял:

— Не устала, Лютфи? Ты у меня молодец! Смелая девушка!

То вдруг замолкал, подходил к Лютфинисе, обняв за талию, осыпал нежными поцелуями ее глаза, губы, щеки.

Они не знали, куда идут и как будут жить. Думать об этом не хотелось, хотя ни гроша в кармане у них не было, ни крыши над головой.

Но разве их могли сейчас волновать такие мелочи, когда они были пьяны от любви и счастливы и им казалось, что счастливей никого нет на белом свете. Утопая по колена в болотистой грязи, они все продолжали идти. Порой Азизхан оборачивался и ласково гладил волосы Лютфинисы и шептал на ухо красивые и удивительно нежные слова.

Лютфиниса никогда не была такой счастливой.

Вскоре они выбрались на большую поляну. Справа снова тянулись густые заросли камыша, а слева до самого горизонта раскинулась бескрайняя желтая степь. И казалось, нет конца и края ни этой степи, ни этим тугаям. Азиз-

хан вдруг насторожился — до его слуха донесся натужный рев мотора. Звук исчез, потом послышался снова, но уже где-то поблизости.

— Ты отсюда ни шагу! — предупредил девушку Азизхан. — Я пойду посмотрю, что там.

— А если тебя поймут? Что мне тогда делать? Я тоже пойду с тобой.

Азизхан хвастливо заметил:

— Пусть попробуют! Ты не бойся, сейчас вернусь!

Он быстро побежал в другой конец поляны и бесшумно исчез в зарослях. Пробираясь он осторожно, стараясь не шуршать камышами, как охотник, напавший на след стада оленей.

Раздвинув густые камышинные стебли, Азизхан увидел дорогу и застрявшую в кювете машину. Невысокого роста старик лет шестидесяти с усталым лицом стоял, упершись руками в бока, и любовался бескрайней степью. Невдалеке от него молодой парень, то ли таджик, то ли узбек, в ковровой тубетейке, открыв капот газика, копался в моторе. Из открытой горловины радиатора струями бил пар. Задние колеса машины наполовину увязли в грязи. Из-под брезентового полога торчала тренога и лопата.

Почувствовав, что ему бояться их нечего, Азизхан вышел из укрытия. Старик тут же обернулся на шорох и, увидев молодого человека, радостно заулыбался, радушно ответил на приветствие Азизхана.

— В чем дело, ата? — весело спросил Азизхан.

— С самого утра мучаемся. Застряли вот посреди степи, — объяснил старик на чистом ферганском диалекте и кивнул на машину.

Азизхан обошел вокруг машины, остановился возле глубоко увязшего в глине левого колеса и, выпрямившись, сказал:

— Давайте попробуем. Говорят, от одного заяц сбежит, а двое возьмутся — ему не скрыться.

— Э, куда там, — махнул рукой шофер, недоверчиво поглядывая на самоуверенного парня. — Попробуйте, если сможете!

По его разговору Азизхан понял, что шофер родом из Намангана. Засучив рукава, он подошел к машине сзади.

— Ну-ка, садись! — приказал он шоферу. — И поддай как следует газу, а я сзади подтолкну.

Шофер пехотя забрался в кабину. Мотор натужно за-

ревел — машина дернулась, из-под колес полетели комья грязи, забрызгав Азизхана с ног до головы. Он изо всей силы уперся плечом. Еще усилие, и газик выкатился на сухое место. Старик удовлетворенно поглаживал седую клиновидную бородку и твердил: «Вот молодец, а! Вот палван, а!»

Шофер, радостно улыбаясь, выскочил из кабины и, подбежав к Азизхану, затряс его руку.

— Силен, друг! В этой машине сорок четыре лошадиных силы, и с самого утра не могла выбраться отсюда, а у вас у одного силы больше, чем у нее. Далеко вам ехать? Скажите, хоть на край света отвезу. Если бы не вы, сидеть бы нам тут не знаю сколько! Спасибо, друг!

Старик с бородкой тоже подошел к Азизхану и двумя руками пожал ему руку.

— Если бы я был шахом, выполнил бы любое твое желание, сынок. К сожалению, я не шах, а всего-навсего инженер-ирригатор. Большое тебе спасибо за помощь, здорово выручил ты нас. В Куйганяре меня ждут руководители республики.

Старик снял с руки часы и протянул их Азизхану:

— Возьми их, сынок. Не стесняйся, бери!

Покрасневший от волнения Азизхан отстранил руку старика:

— Нет, отец, не возьму. У меня нет таких срочных и важных дел, чтобы сверяться по часам. Вам они больше пужны.

Старик инженер оказался упрямым и все настаивал принять подарок.

— У меня есть другие, карманные. Ну, возьми их! — уговаривал он.

Азизхан наотрез отказался принять дорогой подарок. Старик никак не мог успокоиться, не зная, как отблагодарить парня, выручившего их из беды. Открыв дверцу кабины, он стал рыться в своем чемоданчике. Азизхан подошел и с трудом заставил его закрыть чемодан.

— Послушайте, отец. Если вы что-нибудь будете предлагать мне, я обижусь на вас. Возьму и закачу машину обратно в грязь.

— Если так, то не буду, — засмеялся старик и, сняв очки, спрятал их в карман. — Спасибо большое за твою доброту. Удач тебе во всем.

И, садясь в машину, бросил шоферу:

— Поехали скорее, сынок. В Каратепе перекусим, а там через Шахрихан и Хаккулабад до Куйганяра доберемся. А тебе далеко ехать?

Азизхан, словно ожидая этого вопроса, живо ответил:

— Если не трудно, довезите нас до Каратепы.

— Ну, слава богу,— облегченно вздохнул старик инженер.— Хоть как-то отблагодарить смогу. Постой, что это ты сказал — нас? — Он выглянул из кабины и посмотрел по сторонам.— Ведь ты же один!

— Нет, нас двое.

— Ну так зови его скорее.

Азизхан, радостный, нырнул в заросли камыща. Спустя некоторое время, запыхавшись, он притащил за руку Лютфинису. Старик, увидев девушку, снова достал очки и зацокал:

— Ой какая красивая! Ей-богу, прямо красавица!

Лютфиниса, смущенно опустив глаза, теребила кончик платка.

Шофер завел мотор. Молодые взобрались в машину. Лютфинису усадили рядом с шофером, а инженер с Азизханом сели позади. Машина несколько раз подпрыгнула на ухабах и устремилась вперед.

Лютфиниса впервые ехала в машине. От страха она вцепилась в сиденье и почти не дышала. Молодые всю дорогу молчали, и старик инженер заговорил первым:

— Когда едешь по бескрайней голой степи, от ее однообразия и уныния дремать хочется. Казахи на верблюдах десятки километров покрывают и всю дорогу поют. Что увидят, о том и поют. Это чтобы не заснуть и не заблудиться в степи. А что мы сидим и молчим? Как бы нам самим не задремать, парень. Давайте поговорим. Ну, начинай ты! Кто будешь? Откуда родом? И что это вы, как разбойники, прячетесь от людей?

Лютфиниса обернулась и с тревогой посмотрела на Азизхана: смотри не проболтайся!

Азизхан призадумался: стоит ли рассказывать старику обо всем, что случилось? Со вчерашнего вечера на сердце скребли кошки: он очень переживал за родителей, особенно за мать — выпесет ли она свалившееся на нее горе, выдержит ли ее больное сердце такую нагрузку. Азизхан понимал, что после их побега в кишлаке переполох, что об этой свадьбе знают теперь не только в соседних кишлаках, но и на много верст вокруг. Он сам очень переживал, что

так случилось, но ведь иного выхода у него не было. Да и все это тяжелым камнем лежало на душе. Лучше рассказать, и гора с плеч. Человек он с виду хороший, добрый, этот инженер.

— Из кишлака мы убежали, отец! — Он кивнул на Лютфинису: — Со свадьбы ее выкрал. Всю ночь от погони скрывались в тугаях.

И Азизхан все по порядку выложил старику. Шофер, который молча крутил баранку, откинул даже голову назад, прислушиваясь к нему и порой от удивления качая головой. Старик слушал внимательно — лицо его то становилось серьезным, то расплывалось в доброй улыбке, а когда Азизхан закончил свой рассказ, он долго молчал. Шофер же под впечатлением услышанного все продолжал качать головой. Лютфиниса, то ли от страха, что ехала впервые в машине, то ли оттого, что теперь, когда Азизхан все рассказал, их поймут и отошлют обратно в кишлак, сидела ни жива ни мертва.

Машина быстро мчалась по ровной дороге. Мимо проплывал унылый пустынный пейзаж: кусты верблюжьей колючки, одинокие чахлые деревца саксаула, барханы, а высоко в ясном безоблачном небе парили орлы.

Вспугнутые ревом машины, из зарослей камыша, с озерца с криканьем вспархивали дикие утки и со свистом пронеслись над самой головой.

Старик сидел закрыв глаза, то ли он задремал, утомленный дальней дорогой, то ли о чем-то думал. По его одежде, по усталому лицу было заметно, что он уже не первый день колесит по этой степи.

Еще когда сели в машину, Азизхан заметил лежащий в ногах закопченный медный чайник и алюминиевый котелок, на ухабах они побрякивали, ударяясь друг о друга. Брезентовый верх машины, привязанный кое-где веревками, хлопал на ветру.

Азизхан сидел тихо, боясь разбудить соседа. Тот вдруг спросил, так и не открывая глаз:

— В кишлак не собираетесь возвращаться? Впрочем, вам нельзя сейчас туда. А родственников, как я понял, в этих краях у вас нет? — Он откинулся на спинку сиденья и сквозь прищур задумчиво посмотрел на Азизхана. — Нелегко вам придется.

Снова наступило молчание.

— А впрочем, постой! — оживился вдруг старик и хлопнул Азизхана по плечу.— Поехали с нами! Работа есть, жилье. Ни в чем нужды у вас не будет.

— Далско ли?..

— Сначала в Куйганяр. К вечеру, надеюсь, до Учкур-гана доберемся. Там и будете жить. Хозяйство свое заведете. Нам пужны такие сильные и смелые парни,— улыбнулся старик.

Азизхан призадумался. А ведь они с Лютфинисой хотели сойти в Каратепе. Там у них была какая-то дальняя родственница, но это от родного кишлака недалеко. Узнает Акбарали, не даст им тогда покоя. А этот человек и работу и жилье предлагает. Этот русский инженер не врет. Да и какой ему смысл их обманывать. Наверное, лучше согласиться.

Азизхан, наклонившись к переднему сиденью, что-то зашептал на ухо Лютфинисе. Она в ответ пожала плечами: мол, поступайте как знаете!

А старик в ожидании ответа закрыл глаза и словно бы вновь задремал.

— Хорошо, отец. Мы согласны. Вам не придется краснеть за нас. С любой работой я справлюсь. Прикажите только — горы сверну!

— Вот и хорошо,— сказал старик.— Дадим тебе работу по твой силенке. Камни будешь ворочать, как легендарный Фархад. Перегородим Нарын и пустим ее живительные воды в эти степи. Потом обуздаем буйную Карадарью и соединим каналом обе реки. Ну как, справишься?

Азизхан расплылся в улыбке и, сложив руки крест-накрест на груди, ответил:

— Если работа по силам человеку, то справлюсь.

Старик кивнул:

— Порой, конечно, будет и не по силам...

— И такая работа тоже по мне, отец,— гордо сказал Азизхан.

Инженер многозначительно посмотрел на него и потечески ласково обнял его за плечи.

Вскоре дорога запетляла меж дувалов, глинобитных домиков со стогами сена и гузапай на крышах и вывела их к гузару Каратепы. Шофер остановил машину у чайханы, расположенной в тени густых деревьев. Стояла утренняя тишина. Грузный чайханщик, заснувший сидя на стуле, с грязным полотенцем в руке, проснулся от шума.

В эти края редко заезжали машины. Не прошло и минуты, как газик тотчас же окружила шумная ватага ребятишек — одни были голышом, другие в мокрых трусах, — вероятно, они купались где-то поблизости; животы, грудь и колени в налишем на мокрое тело песке. Они восторженно разглядывали машину. Кто посмелее, осторожно, как бы боясь спугнуть что-то, трогал капот, другие с опаской и с любопытством посматривали со стороны.

Чайханщик принес на подносе хлеб, сахар, несколько персиков, поставил его перед гостями. Чтобы показать, что он знает по-русски, обращаясь к старику инженеру, сказал: «Издрас, пожалиста, чай кушай» — и горделиво посмотрел по сторонам. Но, к сожалению, поблизости не было никого, кто бы мог по достоинству оценить его знания.

Лютфиниса, стесняясь незнакомых мужчин, отошла в сторонку и села на сури. Улыбаясь, наблюдала за мальчишками. Что ждет ее и Азизхана завтра, она не знала, да и не думала об этом, лишь бы рядом с ней был ее любимый. Закусив кончик платка, Лютфиниса украдкой любовалась Азизханом, и ей он казался настоящим сказочным батыром.

А «сказочный батыр» настолько проголодался, что, не обращая ни на кого внимания, уплетал за обе щеки лепешку, с шумом запивая ее горячим чаем.

VII

Азизхан с Лютфинисой вышли из машины на выезде из Каратепы. Они передумали ехать в Куйганяр, где можно встретить своих земляков. А днем появляться на людях было и здесь небезопасно. Кишлак Каратепы славился своим базаром на всю округу: сюда, особенно летом, вереницами шли арбы, груженные знаменитыми ташлакскими хандаляками. Из всех близлежащих деревень — Урманбека, Насриддинбека, Ишантупи и других — съезжались на базар дехкане, одни подороже продать, другие подешевле купить. Кто-нибудь из знакомых мог заметить Азизхана с Лютфинисой и конечно же сообщить Акбарали. О том, что случилось на свадьбе в Зирилламе, вероятней всего, знали и в других кишлаках.

Когда они вышли из машины, старик инженер долго сокрушался, что им приходится расставаться, уж больно он переживал за судьбу молодых. Но пусть будет так, как они

решили. Он знал, что здешние парни ни перед чем не остановятся ради любимой. Недаром тут бытует столько легенд и народных сказаний о таких вот безумно влюбленных.

— Парень, — сказал старик, — ты передумал. И, считаю, напрасно. Но если вы не найдете себе пристанища, приезжайте ко мне. В Куйганяре или Учкургане спросите любого, где найти инженера Белявского, вам покажут. Ну что ж, тогда не прощаюсь. До свидания!

Шофер завел мотор, машина тихо заурчала на малых оборотах. Старик сел, хлопнул дверцей, и газик, как ретивый конь, сразу рванул с места.

Молодые решили переждать здесь до наступления темноты, а вечером разыскать какую-то дальнюю родственницу Азизхана, которая, овдовев, жила в этом кишлаке одна. Переночуют у нее, а дальше будет видно что делать. Солнце близилось к полудню. До вечера еще было далеко. Хорошо хоть, что сыты, — это уже снимает половину забот. Азизхан взял Лютфинису за руку, и они побрели в степь.

Ранняя дождливая весна выстелила степь густой травой, которая еще не успела выгореть на солнце. Над головой с веселым звоном носились жаворонки, словно резвились на теплом ветру. Ветерок шелестел травами и доносил пряные запахи полевых цветов. Там-сям среди зеленой равнины проглядывали голые холмики. На вершине высокой скалы, непонятно как оказавшейся здесь, сидел, уподобясь батыру, набросившему на плечи чапан, степной орел и глядел с сожалением на цветущую степь. Если бы не эта густая трава, все полевые мыши, зайцы стали бы его добычей. А сейчас все живое пряталось в густых зарослях сочной травы, радуясь жизни. Двое влюбленных, очарованные этим красочным многоцветьем, ароматом душистых трав, пением птиц, забыли о своих заботах.

Солнце постепенно клонилось к закату, порозовел горизонт, а выше, над ним, небо было ярко-бирюзового цвета. Вдали они заметили три темные точки. Что это могло быть, откуда трудно было разглядеть. Азизхан с Лютфинисой направились в их сторону. Шли они довольно долго, пока не поняли, что это киргизские юрты. Азизхан много слышал о гостеприимстве киргизов, об их хлебосольстве. Сейчас, в их положении скитальцев, найти приют в степи было как нельзя кстати. И он, взяв за руку Лютфинису, ус-

корил шаг. Девушка еле попевала за ним. Справа от холма пасся небольшой табун лошадей, тут же рядом несколько верблюдов с равнодушно-усталым видом жевали верблюжьей колючку, ципали траву три коровы с телятами.

Почувяв незнакомцев, из-за юрты с лаем выскочила собака. Не добежав до них нескольких шагов, она остановилась и, скребя задними лапами землю, сердито зарычала. На ее лай прибежали другие. Азизхан с Лютфинисой не трогались с места, боясь, что они набросятся на них. Из средней юрты вышла старуха и, отогнав собак, жестом пригласила молодых людей подойти ближе.

Они несмело направились к ней. Лютфиниса от страха, что собаки могут прибежать снова, пряталась за спину Азизхана.

— Добро пожаловать, молодые! — сказала старуха, испытующе оглядывая их. — Далеко путь держите?

Азизхан ответил, что они заблудились в степи.

Старуха, почувствовав, что людей этих можно не опасаться, пригласила их следовать за ней.

Из соседних юрт за ними наблюдали две молодки. Одна из них, та, что в красном бархатном жилете, украшенном бусами и монетами, которые позванивали при малейшем ее движении, была совсем юной. Другая постарше, лет двадцати пяти, одета проще. Рукава засучены, и подол длинного темного платья заткнут за пояс, — видно, чем-то была занята.

Как и многие семьи чабанов, что пасут стада на отгонных пастбищах, они оторваны от внешнего мира. Вот почему, видно, так обрадовал и вызвал любопытство приход двух незнакомых людей.

Азизхан не спеша пошел за старухой. Лютфиниса все никак не могла освободиться от чувства робости и, то и дело оглядываясь, шла следом за ним. Из-за юрты послышался чей-то кашель и появился старик с ножницами для стрижки овец в руке. Реденькая бородка, узкие с прищуром глаза, на вид ему было лет за шестьдесят. Подошел, поздоровался с молодыми и, велев невесткам заварить чай, пригласил гостей в юрту.

— Что же вас привело сюда? — спросил он, предлагая молодым занять почетное место на кошме.

Азизхан промямлил что-то невнятное в ответ.

Старик был человеком бывалым. Он усадил гостей на

кошму, сам сел напротив и, искоса поглядывая на гостей, крикнул наружу:

— Принесите поесты!

Азизхан стал рассказывать, как они заблудились в степи.

Старик, полузакрыв глаза, недоверчиво выслушал его, поигрывая кистями кошмы. Вошла старшая невестка и поставила перед свекром горячий кумган с чаем.

Киргизы и казахи предпочитают ходить в рваных чарыках, лишь бы пить настоящий крепкий чай. И пить не из чего попало, а из хорошей звонкой пиалы. Недаром сложили поговорку: пусть у киргиза лучше нога сломается, чем пиала разобьется. Из чайных пиал кумыс не пьют. Кумысом угощают из деревянных чаш. Младшая невестка принесла стопку красивых в цветочках пиал и тоже поставила перед свекром. Старик не спеша налил чай из кумгана в пиалу, потом перелил его обратно, хитровато улыбаясь узкими глазками, сказал Азизхану:

— Неправду говоришь, сынок. По другой причине ты оказался здесь.

Азизхан, смущенный тем, что разоблачен, рассказал ему все как было.

Старик слушал его не перебивая.

— Э... Да ты как настоящий джигит поступил, сынок. Киргиз, пока не выкрадет себе девушку, не успокоится. Что же дальше собираетесь делать?

Азизхан многого из сказанного стариком не понимал и беспомощно моргал глазами.

— Что? Не понимаешь по-киргизски? Тогда скажу тебе на твоём родном языке. Мужественный ты парень, коль решился на такой поступок.

Прислушавшись, старик вскочил и вышел из юрты. Молодые последовали за ним.

Солнце погасло. Вечерний степной воздух приятно бодрил. Двое всадников гнали к стойбищу табун — пыль, поднятая ими, легкой завесой висела в воздухе.

— Приготовьте мужьям воды умыться!

И обе невестки ушли за водой. Слышно только, как позванивают монеты, вплетенные в косы младшей невестки.

Спешившись, парни расседлали коней, загнали табун в загон, сооруженный из ивовых прутьев. Потом подошли и поздоровались с отцом.

— Как кобылки-то? — спросил старик.

— Все в порядке, отец. Одна ожеребилась. Жеребенок хороший, крепенький.

Поздоровавшись с гостями, парни ушли за юрту, где их ждали жены с кувшинами воды. Умывшись и переодевшись, братья подошли к ним. Старуха тем временем растелила кошму во дворе и пригласила мужчин к дастархану. Как только все расселись, старик наполнил кумысом до краев большую чашу и протянул гостю. Женщины сидели отдельно. Молодухи, окружив Лютфинису, все о чем-то расспрашивали и, любуясь ею, трещали: «Бери, не стесняйся! Какая красивая! Недаром от тебя выкрал!»

Сгустились сумерки. Старик встал, принес зажженный фонарь и, повесив его на крюк, торчавший в средней юрте, снова сел на место.

Стало тихо. Правда, тишина эта была относительной—ночная степь была наполнена разными голосами: стрекотали кузнечики, крикали в озерах дикие утки, слышалось пение перепела и еще десятки разных звуков. И вдруг совсем недалеко протяжно завыл степной волк. У Лютфинисы мурашки по телу побежали — она вся съежилась и испуганно посмотрела по сторонам. Молодые женщины успокоили ее:

— Не бойся! Ничего он тебе не сделает!

Собака, грызшая брошенную стариком кость, настороженно повернулась в ту сторону, откуда доносился вой.

После еды старик прочитал молитву и подсел поближе к Азизхану.

— Уже поздно, сынок. Идти вам все равно некуда. Оставайтесь-ка тут. Поможешь моим сыновьям, а девушка твоя моей старухе. Не понравится у нас — удерживать не станем. Мы отсюда далеко не уйдем—корму много, еще не один месяц табун здесь продержим. Бог даст, и у вас все образуется.

Азизхач в знак согласия молча кивнул. Идти им действительно было некуда. В кишлак возвращаться поздно. А тут их так приветливо встретили, накормили и напоили. Надо отплатить старику за гостеприимство и доброту. Конечно, он поможет сыновьям старика попасти табун, да и Лютфиниса не будет сидеть сложа руки. Она искуснаястряпуха — уж так плов приготовит, что пальчики оближешь.

Старик велел старшей невестке постелить ему и Азизхану на воздухе, а Лютфинису старуха увела к себе.

Джигиты, поев, сразу ушли в свои юрты. Лежа рядом со стариком, Азизхан глядел на чистое степное небо, усыпанное звездами, и долго не мог заснуть. Старик тихо посапывал.

Как замечательно, что есть на свете такие удивительно сердечные, с открытой душой люди, думал Азизхан. И ему захотелось сделать для них что-нибудь хорошее, какое-нибудь доброе дело. Встреча с этими людьми навела его на приятные размышления.

Раньше он как-то не задумывался о жизни. Все прошлое теперь казалось безоблачным сном. А жизнь вон какой оказалась непростой штукой. Правда, никакие неожиданности и трудности не испугают его, но рядом — Лютфиниса. Будь Азизхан один, он так бы не переживал. «Раз я взял на себя ответственность за судьбу другого человека, не имею права теперь поступать опрометчиво», — думал он.

Азизхан даже не заметил, как заснул, так и не распутав до конца запутанных хитросплетений жизни.

Он проснулся оттого, что солнце припекло ему голову. Старика рядом не было. Тот встал чуть свет и уже успел проведать в загоне лошадей и позавтракать. Старуха возилась у очага — что-то варила в большом черном казане. Ноздри Азизхана защекотал знакомый с детства запах кипяченого молока. Лютфиниса возле старухи в большом алюминиевом тазу месила тесто. А старик возился с лошадью — перекинув через спину хурджун с двумя бидонами, закреплял седло.

— Проснулся, сынок?! Возьми эту лошадь. Вон за тем рыжим холмом речка Сарыджуга. За водой съездишь. Заодно и умоешься там.

Азизхан любил ездить верхом. Он не дал долго упрашивать себя, встал, не спеша подошел к лошади, похлопал ее по шее и, вложив ногу в стремя, лихо вскочил в седло.

— Смотри не гони обратно, — только и успел крикнуть вдогонку старик. — Всю воду расплескаешь.

В небе послышался гул. Азизхан, вскинув голову, увидел летящий над степью самолет. Это был обычный «кукурузник». На шум самолета из соседних юрт повыскакивали сыновья старика. Описывая круги над их стойбищем, самолет снизился — уже отчетливо можно было различить летчика в защитных очках и шлеме. Он помахал им и, высунув руку, что-то бросил: в воздухе, подхваченные пото-

ком ветра, запорхали, как белые голуби, какие-то бумажки. Ветер относил их в сторону. Самолет, сделав еще один круг над ними, отдалился и скрылся за горизонтом. Потревоженные гулом самолета, все еще беспокойно топтались в загоне лошади, лаяли собаки. Старший сын старика, вскочив на неоседланного коня, помчался в ту сторону, куда относил ветром бумажки.

А тем временем Азизхан стрелой летел к холму. Путь до речки оказался не таким близким. Версты три-четыре до нее было. Легко и непринужденно бежал конь, рассекая грудью камышовые заросли. Обогнув рыжий холм, он вынес Азизхана на берег речки. Спрыгнув на мягкий прибрежный песок, Азизхан снял бидоны и, войдя по колено в воду, набрал в них воды. Вспомнилось ему, как с ватагой кишлячных ребят они ходили рано утром купаться на речку. И ему захотелось окунуться в эту прохладную воду. Он разделся и нырнул — вода на середине оказалась холодной как лед. Он плескался в воде, и им овладело радостное чувство беззаботности. Лошадь подошла к речке и, ткнувшись мордой в воду, стала пить. Подождав, пока она утолит жажду, Азизхан вылез, взял ее под уздцы и ввел в речку. Он стал пригоршнями черпать воду и лить ей на круц, на холку. Лошадь удовлетворенно фыркала и тыкалась бархатными губами в его шею.

Опять низко пролетел «кукурузник». Летчик что-то кричал ему и махал рукой. Азизхан вылез из воды, стуча от холода зубами. Пора было возвращаться к юртам. Лошадь хорошо знала дорогу домой: Азизхан отпустил поводья, предоставив лошади свободу. Еще издали, подъезжая к юртам, Азизхан почуял запах жареного лука — и ему страшно захотелось есть. Он легонько поддал лошадь коленями, и та припустилась рысью. Невестки уже накрыли дастархан в юрте старика. Лютфиниса напекла такие вкусные и румяные слоеные лепешки — катламу, что пальчики оближешь. Все собрались за дастарханом. Только старшего сына старика все еще не было. Старик раза два выходил из юрты посмотреть на дорогу — не видно ли парня. И когда он сел, беспокойно ерзая, на кошму, снаружи послышался конский топот. А спустя некоторое время в юрту, весь потный, вошел старший сын с пачкой каких-то бумаг. Положив их на край дастархана, он вышел умыться. Старик взял одну из бумажек, повертел ее в руках — читать он не умел — и протянул младшему сыну. Тот тоже повер-

тел газету в руках и, сказав, что тут написано по-узбекски, передал ее Азизхану.

— Прочти, сынок, прочти! Похоже, правительственная бумага это. Во время раздела земли тоже точно такие бумажки сбрасывали с аэроплана. Ну-ка прочитай, что там написано.

Бумаги были двух видов: в листовке сообщалось о начале строительства Большого Ферганского канала. Приглашались все желающие принять участие в этой грандиозной стройке. Там даже был нарисован проект БФК. Вторая оказалась первым номером газеты «На Сталинской стройке», датированной первым августа тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Положив газету и листовку рядом с собой, Азизхан отхлебнул из пиалы чай.

— Как попьешь чаю, сынок, считаешь мне газету, хорошо? — попросил старик.

Катламу, приготовленную Лютфинисой, все ели с удовольствием, и никто не мог удержаться от похвалы.

— Молодец, доченька! Ай как вкусно!!! Как-нибудь теперь плов приготовишь, хорошо? — облизывая вымазанные жиром пальцы, сказал старик.

Лютфиниса от похвал смутилась и сидела опустив глаза.

— Старуха! — обратился старик к жене, дожевывая катламу. — Теперь ты избавилась от приготовления еды. Бог послал мне еще одну невестку. Помощницей тебе будет.

После завтрака сыновья старика завернули в поясные платки по лепешке и погнали табун в степь. Азизхан тоже было собрался с ними, но старик упросил его остаться и почитать ему газету. Лютфиниса у очага занялась приготовлением плова, но не оказалось моркови, и старуха, оседлав коня, поскакала в кишлак.

В юрте остались старик с Азизханом. Старик прилег на кошке, подложив под голову подушку.

— Ну что там написано, сынок?

Азизхан не спеша принялся читать вслух. Он внимательно вчитывался в каждое слово, и мысли его унеслись туда, на стройку. Почему он струсил, не послушался русского инженера? А ведь тот уговаривал его с Лютфинисой поехать с ним. Читая газету, он все больше убеждался в том, что место его там — на стройке Большого Ферганско-

го канала. И он еще прославит себя хорошими делами, а родители и земляки будут гордиться им.

Старик не спеша попивал чай и, слушая Азизхана, кивал: «И-е, и-е, хорошо!»

А снаружи доносился звонкий говор, смех Лютфинисы и молодых женщин.

VIII

Издавна Куйганяр в летние месяцы становился самым оживленным кишлаком. Отсюда брали воду дехкане Мирабада, Хаккулабада, Наймана и Чинабада — разветвленная сеть арыков тянулась в разные стороны. Несмотря на то, что Чинабад находился на слиянии Карадарьи и Нарына, кишлак вечно страдал от безводья. Две реки, протекавшие в пизине, не только не давали ни капли влаги кишлаку, но даже в самые жаркие летние дни не веяло от них прохладой. Вот и ходили чинабадцы за пятнадцать — двадцать километров в Куйганяр ставить на реке запруды.

С самой ранней весны до поздней осени шли из Чинабада и Хаккулабада в Куйганяр арбы, груженые хворостом. Ветви и связки хвороста, свисавшие через край, пыли и шурша, волочились по земле. Пыль, поднятая этим нескончаемым потоком волокущих хворост арб, была видна от самого Байтока. Этим хворостом запружали реку до середины, поднимая в ней уровень воды: бурный поток устремлялся в Кипчак-арык, а там, минуя кишлак Сиза, растекался по сотням других арыков, становясь причиной скандалов и ссор до драк, и наконец достигал Чинабада. Порой мирабы¹ еще не успевали проделать полпути к дому, как запруду смывало потоком. И тогда снова тащились арбы с хворостом в Куйганяр.

Недаром Куйганяр прозвали «базаром мирабов». За лето до шестидесяти — семидесяти мирабов перебывает здесь, оставаясь в кишлаке по несколько дней, а то и неделя. И все это время их собственное хозяйство остается на присмотр кишлачных дехкан: они на участке мираба и копают, и сажают, и поливают — словом, делают все, чтобы мирубу только урожай собрать. От каждого кишлака по два «мертвых мираба» выделяется на весь сезон, в чью

¹ М и р а б — лицо, ведающее распределением воды в оросительной системе.

обязанность входит следить за запрудой, за уровнем воды в Кипчак-арыке, вырытом в стародавние времена по приказу Яркула-мингбаши.

И еще Куйганяр славился на всю округу своими чайханами. На одном берегу реки две чайханы, на другом тоже две. В одной чайхане не переводились чинабадские сипайчики¹, другая была всегда полна случайными путниками и больше выполняла роль караван-сарая. Чайхану на правом берегу построили сами байтокцы, настелили на деревянные топчаны новые паласы с бахромой, сверкала чистотой посуда, и гостей усаживали на пышные красивые одеяла. Заведовал ею сын известного в прошлом чайханщика Гани Лысого, бывшего хозяина этой чайханы. Другая принадлежала андижанцу Беркинбая-хафизу². Люди искусства, андижанская интеллигенция часто наведывались сюда.

Гузар же Куйганяра — оживленный перекресток — превращался в дни отдыха в место народных гуляний. Часто в чайхане Беркинбая-хафиза собирались андижанские хафизы и поочередно с рыбаками рассказывали друг другу байки. Мясники не успевали передохнуть — резали одного барашка за другим, торговцы даже на миг не могли отойти от прилавка, около каждого всегда стояла толпа. А дехкане из окрестных кишлаков еще до полудня успевали продать целые горы дынь и арбузов. И едва хватало лепешек, которые выпекали за день две пекарни из восьми мешков муки. Но этот шумный, оживленный, наполненный музыкой и песнями, криками, базарным гулом Куйганяр с наступлением темноты словно проваливался в тишину. И только в лавке чайханщика из Байтока горела подвесная керосиновая лампа и утомленные припоздавшие путники одиноко трапезничали, съедаемые комарами. Другие чайханщики, убрав даже лошадей в стойлах под москитную сетку и клетки с перепелками, пораньше укладывались спать.

Звон комаров и мошек, не дающих раскрыть глаз, да кваканье лягушек властвовали над Куйганяром всю ночь.

Народ здесь жил честный и простой. Не знали и не ведали они ни хитрости, ни обмана.

¹ Сипайчи, сипайчик — человек, ставящий на реке запруду.

² Хафиз — народный певец.

Мирабадцы на земле, куда с таким трудом приходит вода, сажают горький перец и огурцы. В то время как дехкане других кишлаков, вырастив богатые урожаи дынь и арбузов, имеют с этого большую выгоду, мирабадцы, не продав и мешка огурцов за полцены, везут их обратно домой и скармливают скоту.

О Куйганяре сложена удивительная легенда.

Рассказывают, что один парень из племени кипчаков полюбил девушку Айджамал из соседнего кишлака. Но так как он был другого рода, родители девушки отказались выдать дочь замуж за бедного парня. Страдал и мучился он от любви к своей возлюбленной. И, не вынеся отказа, парень сжег себя.

Вот с тех пор это место так и называется Куйганяр — «Сгоревший влюбленный». А рядом находится другой кишлак — Айджамал.

Но все это только легенда.

Через Куйганяр течет Карадарья. Там, где она размыла и разрушила берега, остались пологие овражистые склоны, поросшие камышами почти в рост человека. Каждый год весной дехкане сжигают тугаи и сеют на этих заболоченных местах рис. Может быть, поэтому эти места и стали называть «Куйган жар» — «Сгоревшая балка». У тюркоязычных народов часто слово «жар» путают с «яр». Ведь многие кишлаки под Андижаном называются Ярбаши, Акяр, что означает — Начало оврага, Белая балка.

Но куйганярцам больше по душе легенда о влюбленных.

С наступлением осенних холодов жизнь в чайханах замедляется. Да и сам Куйганяр пустеет, становится малолюдным, неприглядным. В единственном караван-сараяе иногда переночует какой-нибудь заблудившийся путник. Да прокричит жалобным голосом три раза в день с башенки мечети муэдзин, призывая правоверных к молитве, и его голос теряется в безлюдных оврагах. Порой безмолвную тишину разрывают одинокие выстрелы охотников на диких уток.

Так и живет Куйганяр — летом шумно и весело, а зимой пребывая в сонной дремоте. Этой привычке он не изменяет уже многие сотни лет.

И вдруг нарушилась вековая традиция.

Теперь на улицах Куйганяра арбам стало тесно: одна за другой, груженные домашним скарбом, они стекаются

сюда почти со всей Ферганской долины, и люди, сидящие на них, о чем-то горячо спорят, что-то обсуждают.

У всех на устах слова: Карадарья, Нарын. Не стало покоя в Куйганяре. В один день тысячи людей выгрузились в кишлаке со своими вещами. Прибывшие сюда на сорока арбах мастера тут же принялись соорудить тридцать новых чайхан, пять пекарен, двадцать парикмахерских, сапожную лавку, аптеку и медпункт. На станции из вагонов стали выгружать кетмени, лопаты, ломы, тачки, носилки. От железной дороги вдоль берега реки проложили небольшую узкоколейку. И люди впервые увидели невиданную доселе в этих краях громадных размеров машину с длинным хоботом и со странным названием «экскаватор». На эту машину, изрыгающую тучи дыма, как на диковинку собрались поглазеть сотни людей. Кто-то назвал ее богатырем-палваном, другой — «бегающим по земле паровозом», третий — слонем с железным хоботом.

Грохоча и лязгая, подошел еще один состав. Паровоз оглушительно засвистел, сотрясая воздух своим свистом, и вагоны, клацая друг о друга буферами, остановились. Из них стали выпрыгивать люди с кетменями и лопатами, с одеялами.

Утром этого же дня состоялся пленум Ферганского обкома партии, на котором обсуждались вопросы ухода за хлопчатником и о незамедлительном начале строительства Большого Ферганского канала. На нем было принято решение до начала стройки обработать кетменями весь хлопчатник и провести культивацию. Выступивший на пленуме с большой речью Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Усман Юсупов сообщил, что дехкане, уже закончившие сельхозработы, могут ехать работать на строительство. И вот первый эшелон ферганцев сразу после пленума прибыл в Куйганяр. Древний кишлак еще не видел такого скопления народа. Старики вспоминали, что Яркул-мингбаши на той по случаю обрезания сына пригласил тысячу гостей. Тогда на клеверном поле было поставлено тридцать сури, в двадцати двух казанах готовили еду. Вот уже три десятка лет рассказ об этом празднестве передается из уст в уста. Теперь же только для сооружения плотины в Куйганяр приехали пять тысяч человек, разбили сотни палаток для жилья.

Штаб строительства плотины пока занят размещением и трудоустройством прибывающих.

Крытый брезентом газик остановился возле чайханы Беркипбая, и из него вылез инженер Белявский.

Большинство сидевших в чайхане хорошо знали Белявского. И по рядам сразу прошел шепот:

- Русский мираб приехал.
- Хозяин воды.
- Хозяин губернской воды.
- Слава богу, жив-здоров еще!

Какой-то старик поднес Белявскому пиалу холодного зеленого чая.

Принимая из рук старика пиалу, Белявский подмигнул ему:

— Как дела, Тепленький? А я-то уж думал, тебя нет давно в живых! Молодец, так и надо держать! Посмотришь, какие героические дела будут совершать люди, а там и умереть будет не обидно.

Старик улыбнулся беззубым ртом:

— А я нарочно, чтобы посмотреть плотину, не умираю. Как построят, так на другой день и помру, решил я,— нашелся он.

Поблагодарив старика за чай, Белявский вернул ему пиалу.

— Правильно задумал. Вот когда умрешь, я сам тебя в газету, что на стройке будет выходить, как в саван, заверну и в землю опущу,— сказал он и похлопал старика по плечу.

Старик, названный Белявским «Тепленьким», был родом из этих мест. Из Учкургана. Последние годы он жил в кишлаке Урганчи. Несмотря на преклонный возраст — было ему за восемьдесят,— у старика не было ни жены, ни детей. Вообще-то он за свою жизнь женился четыре раза. И каждый раз жены, не прожив с ним и двух месяцев, сбегали от него. И когда у одной из его жен спросили, в чем причина ее ухода от такого хорошего человека, та ответила: «Муженек оказался тепленьким. Ни горячим, ни холодным. Пока он мирабом был, вода всю энергию у него отобрала». С тех пор за стариком так и закрепилось прозвище «Тепленький».

Большинство сидящих в чайхане были сипайчи и мирабами. Белявский знал каждого в лицо и по имени. Еще до революции, когда он работал в Ферганском генерал-губернаторстве инспектором водного хозяйства, ему приходилось встречаться с этими людьми. Со многими из них он

дружил, бывал с ними рядом в дни радости и не забывал в минуты печали и горя. О каждом из них он знал почти все. И то, что он вспомнил прозвище старика, а тот не забыл, как звали Белявского, было приятно всем, и они, довольные, улыбались. Белявский, посмеявшись вместе с друзьями, направился в здание сельсовета, где инженеры обсуждали проект канала.

Азизхан с Лютфинисой, оглушенные шумом пронесшихся мимо машин, арб и мчавшихся куда-то людей, разинув рты, медленно шли по мосту. От растерянности Лютфиниса и слова не могла вымолвить, а только, еще крепче ухватившись за пояс Азизхана, испуганно озиралась по сторонам, и, когда проезжавшие совсем рядом грузовые машины засигналили снующим под самым их носом пешеходам, она испуганно заметалась по мосту, вызвав брань шоферов.

На них никто не обращал внимания. К кому обратиться, куда идти, они не знали. Так вдвоем, держась за руки, чтобы не потерять друг друга в толпе, они дошли до чайханы. Там тоже было видимо-невидимо людей с только что пришедшего из Ферганы поезда. Всюду, куда ни глянь, сидели вновь прибывшие строители — усталые, но довольные, они о чем-то оживленно спорили, смеялись, шутили. Кто расположился на сури, кто сидел на свернутых в тугие узлы одеялах в ожидании дальнейших указаний. Азизхан подошел к одному из них и робко спросил:

— Дядя, а из Ташлака кто-нибудь приехал?

Пивший холодную родниковую воду прямо из горлышка металлического чайника мужчина смахнул ладонью с усов капли воды и ответил:

— Нет, ташлакцы не приехали. Говорят, канал через соседние кишлаки пройдет. На тех участках они и порешили работать.

Азизхан с трудом подавил в себе чувство радости. Как хорошо, что нет среди прибывших его земляков. Если бы сюда приехали ташлакцы, ему с Лютфинисой пришлось бы вновь искать пристанища в другом месте. Акбарали не оставил бы их в покое. Увел бы у него Лютфинису, и, конечно, был бы большой скандал.

Он стоял в нерешительности, не зная, куда теперь податься, как кто-то крепко схватил его за локоть. Резко обернувшись, он увидел шофера Белявского с огромным арбузом под мышкой. Правда, он не сразу узнал его — тот

был одет теперь опрятно, лицо чисто выбрито и выглядел красивым молодым человеком. От него за три версты разило одеколоном.

— Э-э, палван-ака, вот это встреча! Если есть у вас время, выпейте со мной хоть пиалу чая.

Азизхан был рад этой встрече. Лицо его сияло, словно он встретил давно разыскиваемого человека.

— Спасибо, дружище. Спасибо! — радостно закивал он. — Я вас как раз разыскивал. Инженер-тога говорил, что я смогу найти его в Куйганяре.

Парень повел их за собой. Они подошли к небольшой столовой, выстроенной для работников штаба. Повар тут же принес три порции дымящегося лагмана и поставил их на сколоченный из досок стол.

Шофер выскочил на улицу и через минуту появился с горячими лепешками, которые перекидывал из руки в руку, чтобы не обжечься. Запах свежее испеченного хлеба щекотал ноздри, и у Азизхана с Лютфинисой, не евших со вчерашнего дня, засосало под ложечкой. Они, не дожидаясь приглашения, с аппетитом стали уплетать лагман.

Не успели пообедать, как с улицы послышались крики. Азизхан, правда, успел опустошить касу, но не встал из-за стола, поджидая Лютфинису, доедавшую лагман.

Когда они вышли на улицу, то увидели людей, спешащих к чайхане — там уже собралась небольшая толпа. Парень-шофер предложил им немного погулять, пока он освободится и найдет дядю Филиппа, — вероятно, так звали старика Белявского. И он ушел, чтобы поставить свой газик куда-нибудь в тени.

Гордый и ничего не страшась джигит, выкрававший себе невесту и считавший, что на такое способен только настоящий батыр, Азизхан был в полной растерянности. Как дрессированный медведь, который ждет приказа своего хозяина, он как-то притих и сник. Если бы Азизхан сейчас не находился в незнакомом кишлаке и эти люди не были бы ему чужими, он обязательно что-нибудь уже натворил: подрался бы с кем-нибудь или, чтобы продемонстрировать свою силу, поспорил бы с кем-нибудь и вырвал дерево с корнями. Но, как говорят, «даже у пришлое собаки хвост бывает поджатым», Азизхан смиренно ждал того, что уготовано ему судьбой. А судьба его теперь находилась, по всему, в руках русского инженера.

Присоединившись к бегущим, Азизхан с Лютфинисой тоже направились к чайхане.

Какой-то парень, взобравшись на крышу пекарни, кричал в рупор:

— Кто хочет помериться силой, пусть идет к чайхане Беркинбая Файзиева! Кто себя считает палваном, пусть спешит к чайхане Беркинбая Файзиева!

На площади перед чайханой собралось столько народу, что яблоку негде было упасть. Только что подошедшие, ничего не видя, толкали стоящих впереди, протискивались к центру и все спрашивали:

— Что случилось? Что там собираются делать палваны?

— Говорят, будут бороться.

— В такую жару? Может, что другое?

— А чем же еще им заниматься, как не борьбой? Не тесто же месить для лагмана?

Азизхану с Лютфинисой удалось протиснуться в первые ряды, и тут толпа расступилась, и на середину круга вышел невысокого роста смуглый мужчина крепкого телосложения. За ним стояли начальник строительства Тешавой Мирзаев, инженер Белявский, начальник проектного отдела Азизов. Народ сразу притих. Только слышно было Азизхану, как кто-то шептал соседу, что руководители пришли на митинг прямо с совещания и что сразу после их выступления состоится кураш — народная борьба. Начальник строительства Мирзаев был личностью известной не только в республике. Говорили, что он выступал в Москве в Большом Кремлевском дворце, докладывал о своих успехах. И Молотов сказал о нем: «Вот настоящий агроном!» А Сталин добавил: «И к тому же замечательный оратор».

Тешавой Мирзаев поднял руку, призывая народ к тишине. И когда говор стих, он неторопливо начал:

— Товарищи! Друзья! Только что закончилось совещание штаба строительства канала. Принято решение с завтрашнего дня, засучив рукава, начать трудиться по всей трассе канала. На трассу длиной двести семьдесят километров одновременно выйдут работать сто шестьдесят тысяч человек. Этот незабываемый день — праздник не только для нас с вами, строителей, этот день останется в истории как один из замечательных трудовых подвигов узбекского народа. Но работа на трассе канала не везде одинаковая. Есть у нас участки на стройке и посложнее, где

смогут трудиться только сильные и крепкие люди — наши палваны, силачи. От имени ЦК Компартии и правительства республики к вам хочет обратиться с речью Усман-ата Юсупов. Пожалуйста, ата, вам слово.

Вытирая платком потный лоб и шею, Юсупов сделал шаг вперед и заговорил. Он долго рассказывал о важности этой грандиозной стройки. Из его речи чувствовалось, что он хорошо знает труд дехкана, неплохо разбирается в ирригационных вопросах. В конце своего длинного выступления он сказал, что по предложениям, поступившим в правительство республики, установлены сроки строительства канала в сорок пять дней и что в эти же сроки необходимо возвести Куйганярскую плотину.

— Сегодня мы собрали здесь всех палванов Ферганской области. Пятьсот самых сильных джигитов продемонстрируют нам свою силу на самом трудном участке канала. Учкурганская плотина, водопады Лугумбека и, наконец, плотина в Куйганяре с нетерпением ждут поединка с нашими джигитами. Штаб строительства принял решение о создании трех больших бригад батыров. На Учкурганском участке бригаду возглавит известный вам всем прославленный строитель Лаганского канала Дунан Дусматов, на Лугумбекском участке — Джура-палван Гаипов из Булакбаша. А на строительстве Куйганярской плотины будет руководить бригадой Али-палван из Избаскена.

Азизхан, стоя в первом ряду, внимательно слушал Усмана Юсупова, боясь пропустить хоть слово. Как же так, думал он, неужели ни одного палвана из Ферганы?! Ферганские силачи еще никому не уступали победы в кураше — народной борьбе, они больше других завоевывали призов на состязаниях, а тут, на таком большом и ответственном участке, их не оказалось.

Как только Юсупов закончил свое выступление, Азизхан протиснулся еще ближе и крикнул:

— Можно мне вопрос? Почему никто из ферганских силачей не возглавил бригады?

Вместо Усмана Юсупова на вопрос ответил Тешавой Мирзаев:

— Не горячитесь, товарищ! Ферганские палваны сейчас работают на строительстве Талкудукского канала в пустыне, на самом трудном и тяжелом участке.

Сидевший на стуле в первом ряду Эш-палван подмигнул Азизхану:

— Э, брат, ферганские палваны такие. Любят работать поближе к дому, чтобы жены не скучали.

Слова Эша-палвана задели Азизхана за живое. Повернувшись к нему, он сказал:

— Ну-ка, повторите еще раз, что сказали, палван-ака!

Эш-палван и ухом не повел. Отвернувшись от него, он махнул на зеленого юнца рукой: мол, проходи! Прходи!

Азизхан весь вскипел. Он подбежал к обидчику и враз поднял его вместе со стулом. Толпа ахнула и расступилась, а Азизхан, выйдя из круга на середину улицы, швырнул стул вместе с Эшем-палваном так, что стул разлетелся на куски, а Эш-палван растянулся в пыли. Азизхан, не глядя ни на кого, возвратился на свое место, где ждала его Лютфиниса. Толпа гудела. Один из палванов побежал помочь Эшу-палвану встать. Белявский укоризненно покачал головой и что-то шепнул на ухо Юлдашу Ахунбаеву.

Тотчас же в президиуме все стали перешептываться. Эш-палван в круг не возвращался.

Тепавой Мирзаев объявил, что все могут отдыхать, а бригадиров попросил задержаться. Люди расходились, обсуждая происшедшее. Азизхан тоже было отправился на поиски знакомого шофера, но какой-то парень сказал, что его просят подойти к Усману-ата. Азизхан еще никогда в жизни не разговаривал с таким большим и важным человеком. О чем он с ним хочет говорить? Азизхан неохотно подошел к секретарю ЦК, уверенный, что тот сейчас отчитает его за только что совершенный поступок. Но Юсупов встретил его с улыбкой. Поздоровавшись с ним за руку, взгляделся в его по-детски наивные глаза, оглядел ладную, крепкую фигуру парня и спросил:

— Откуда будешь?

Азизхан ответил, что он из кишлака Зириллама.

— Из колхоза Раимберды? Так, хорошо! Да ты, я вижу, самолюбивый парень. Зирилламинцы все такие. Умеют за себя постоять. И много вас приехало?

Азизхан молчал, стесняясь рассказывать о себе и Лютфинисе. Белявский, заметив, что парень растерялся, ответил за него:

— С невестой приехал, Усман-ата. Смелый джигит. Может, нам на плотине его оставить?

— Давайте его самого спросим, — сказал Юсупов. — Где бы ты хотел поработать, сынок?

— Там, где вы считаете нужным. Но только дайте мне работу самую тяжелую. Хочу показать кое-кому, на что способны ферганцы.

Юлдаш-ата, все это время наблюдавший за ними, подошел, похлопал Азизхана по плечу:

— Послушай, земляк. Это не ты ли выкрал сестру Акбарали со свадьбы?

Азизхан склонил голову и тихо сказал:

— Простите меня, ата! Да, это я.

— А где же девушка?

Азизхан кивнул в сторону, где в толпе, пряча от мужчин лицо, стояла Лютфиниса.

В Учкургане должен был состояться точно такой же митинг, и руководители республики заспешили туда. Поговорить было некогда, и Юсупов поручил Джуре-палвану заняться молодыми.

— Позаботься о них: накорми, напои, устрой их с жильем. Возьми этих молодых под свое крылышко. Этот парень еще себя покажет,— Юсупов посмотрел на Азизхана.— Сила у тебя как у слона, сынок. Понапрасну не растрачивай ее, направь на пользу людям. Народ на твою щедрость ответит в десять раз большей щедростью.

Руководители сели в автомобиль, и машина, тяжело урча, запылила по дороге. Азизхан стоял, глядя им вслед, когда кто-то положил руку ему на плечо. Он оглянулся и увидел Джуру-палвана.

— Здорово ты его, молодец,— сказал он улыбаясь.— Эш-палван с синяком в медпункте сидит. Пойдем к нему. Ты попроси у него прощения. Как-никак ты моложе его.

Сколько Азизхан до этого творил разных шалостей в своем кишлаке, ни перед кем не извинялся. А теперь он будет просить прощения у совершенно незнакомого человека, да к тому же насмеявшегося над его земляками? Азизхан заупряился.

— Послушай меня, сынок. Палваны всегда помогают побежденным подняться после боя на ноги. Таков обычай.

Азизхан много слышал об этом человеке. Слава о нем как самом сильном и непобедимом борце прошла от Джалалабада до Чимкента. И вот такой уважаемый человек уговаривает Азизхана просить прощения у Эша-палвана. И Азизхан согласился. Они направились к медпункту.

Эш-палван с перевязанной щекой сидел на скамейке

возле медпункта и пил чай. Он холодно посмотрел на Азизхана. Допив чай, поставил пиалу на скамейку и встал.

— Твой Эш-ака еще никогда так не позорился, брат. Здорово ты меня.

Эш-палван взял со скамейки свой новый чапан и, отряхнув его, набросил на плечи Азизхану.

— Будешь помнить Эша-палвана. И пусть удача сопутствует тебе в жизни!

Больше не сказав ни слова ни Азизхану, ни Джуре-палвану, он повернулся и зашагал по дороге к Зеленому мосту.

— Теперь не вернется,— сказал кто-то.— Здорово его осрамили. Уедет к себе в кишлак. Не знаете вы Эша. Для него поражение равносильно смерти. Ушел теперь навсегда, бедняга.

Взглядами молча проводили его, пока не исчез из виду. Эш-палван хотя и не видел и не слышал, но чувствовал, как за спиной у него в чайхане переговариваются люди, указывая на него пальцем: «Вон идет побежденный молодым борцом!» Потому, не оборачиваясь и не поднимая головы, он шел через мост к себе домой.

У Азизхана зацемило в груди. Он впервые пожалел о своем поступке. Очень переживал. Но было уже поздно.

И стоявший рядом Джуре-палван молчал, потрясенный случившимся. Потом, кивнув Азизхану с Лютфинисой, повел их устраивать к булакбашинцам.

IX

Над Арсланбабом сверкали молнии и гремел гром, приводя все живое в трепет. Люди выходили из домов, встревоженно вглядывались в темное сумрачное небо, вспыхивающее иногда яркими сполохами, боялись града или ливня. Гром поутих и уже слышался издалека, приглушенно, как кашель больного за стеной. Люди облегченно вздохнули: «Пронесло, а не то затопило бы все вокруг, и досталось бы тогда строителям канала!» Но покой этот длился недолго. Со стороны гор, подняв облака пыли, надвигалась буря. Черная туча закрыла небосвод. Сильный ветер закрутил в воздухе столбы пыли, а его новый порыв подхватил и понес к небу хворост, палки, большие ветви деревьев, и они носились в воздухе как легкие щепки. Стало темно и мрачно, словно кто заслонил солнце

одеялом. Пыль и песок набивались в уши, лезли в глаза. И эта сумасшедшая игра природы продолжалась более часа. Люди потихоньку выглядывали из своих домов. Глядя на небо, хранившее еще следы только что бушевавшей стихии, кто-то из аксакалов сказал:

— Видно, неуютно аллаху начатое нами дело, коль он так разгневался.

Солнце сквозь пыльную мглу едва просвечивало желто-бледной монетой. Стоявший рядом с аксакалом мужчина сплюнул жевательный табак, вытер ладонью губы.

— Все будет наоборот, отец. Вот увидите. Угодные аллаху дела делаем. Это он таким образом благодарит своих рабов за великий почин и от обиды, что не может принять участие в строительстве канала, послал нам на помощь ветер. Поверьте мне, через день или два воды в реке поубавится. Ветер высушит и укрепит снег в горах, и даже солнце бессильно будет что-нибудь сделать с ним. Вот тогда мы и начнем ставить запруду. Дожили до седин, а ничего не знаете, отец!

Это был Абдусамад-мираб. Вся его жизнь прошла на воде: сколько построил запруд, сколько отводных арыков — он не помнил. Абдусамад-мираб был опытным ирригатором, который достойно и умело сражался с паводковыми водами на Карадарье и Нарыне, самых капризных и бурных горных реках Ферганской долины. И еще он был самым близким другом и советчиком инженера Белявского — «Хозяина воды», как звали того в народе. Может, потому Абдусамад-мираб говорил по-узбекски, вставляя и русские словечки.

О том, что ветер задерживает таяние снега, он знал из собственных наблюдений и многолетнего опыта.

К вечеру того же дня на правом берегу Карадарьи возле Куйганярского моста начали сгружать из машин и арб бревна и хворост для запруды. Туда же тракторами отволокли деревья, поваленные в бурю. А утром на этом месте уже высилась целая гора необходимого для сооружения запруды материала.

Из Андижана прибыла большая бригада сипайчи. Загнав своих лошадей в караван-сарай, все они сидели в чайхане Беркинбая Файзиева. Среди вновь прибывших сипайчи был древний старик с седой до пояса бородой. Выпив пиалу чая, он тут же стал прохаживаться по берегу, наблюдая за течением реки.

Это был известный в республике Хасан-сипайчи. Говорили, что за свою жизнь он поставил на реках более пяти тысяч запруд. Его уважали и почтительно называли своим учителем многие ферганские сипайчи. Несмотря на преклонный возраст, Хасан-сипайчи вместе с учениками прискакал верхом в Куйганяр. Задумчивый, он брел вдоль берега, словно разговаривал с рекой, с ревом несущей свои воды. О чем он думал в этот миг перед схваткой с грозной рекой? Может быть, мысли уносили его в те далекие годы, когда он, еще молодой паренек, впервые начинал ставить свои запруды на реках. А теперь думал он: «Кто знает? Может, это мой последний бой. Кто победит в нем? Но это будет настоящая схватка. Это будет бой на славу, самый трудный из всех боев, что мне удалось выдержать!»

Старик немного волновался. Давал знать о себе ревматизм, и ноги часто сводило судорогой в холодной воде. Старик возвращался обратно с некоторым чувством беспокойства: справится ли он? В чайхане Беркинбая, как всегда, было оживленно. Известный хафиз — народный певец Джура-пистон, поднеся ко рту блюдце, запел узбекскую народную песню. Все притихли, слушаая его.

А в чайхане напротив тоже не смолкал смех. Там известные маргилянские комики Юсуф-кызык¹, Ахунджанкызык смешили собравшихся, рассказывая веселые истории.

Посреди площади остановилась легковая машина, и из нее вышли «Хозяин воды» — Белявский и Тешавой Мирзаев.

Белявский всегда разговаривал громко даже с теми, кто находился рядом с ним. Это было профессиональной привычкой мирабов и сипайчи, так как им приходилось говорить друг с другом, стараясь перекричать гул ревущей реки. Не знающие этой его привычки обижались. Даже были случаи, когда упрекали: «Мы не глухие, чтоб нам кричать на ухо!» Однажды во время распределения воды в Шахрихансае он что-то громко сказал одному из мирабов, тот так обозлился, что давай кричать на Белявского:

— Те времена прошли, Хозяин воды, когда ты всей гу-

¹ Кызык, кызыкчи — комик, клоун.

бернией командовал. Не кричи на меня! Э, губернский прихвостень! Любимчик генерала!

Белявский молча сел на коня и уехал.

В этих краях он жил давно. После окончания в 1902 году Петербургского ирригационного института Белявского направляют в Туркестан. Ферганский генерал-губернатор назначает его инспектором водного хозяйства. С тех пор пеший и конный он исхаживает Ферганскую долину вдоль и поперек. За эти годы Белявский приводит в порядок многие ирригационные сооружения, пришедшие в негодность. Обучившись у простого народа, у мирабов многим премудростям, он пишет научные труды. Эти труды впоследствии издаются и в Москве, и в Петербурге. Его очерки публикуют газеты Туркестанского вилайета. И даже после революции и установления в Фергане советской власти Белявский продолжает работать инспектором водного хозяйства, делясь своим богатым опытом инженера с учениками. Он прикладывает теперь максимум усилий к тому, чтобы практически осуществить ряд проектов по орошению засушливых степных районов, не поддержанных в свое время царским правительством. Белявский разрабатывает проект, предусматривающий перекрытие Нарына в районе Учкурмана и строительство канала, пересекающего всю долину. Ознакомившись с его проектом «Главный Ферганский канал», специалисты в Ташкенте и в Москве полностью одобряют эту идею. Белявский пользуется большим авторитетом и уважением в партийных и советских учреждениях. Народ же, как и прежде, ласково называет его «Хозяином воды» и «Русским мирабом».

Штаб строительства канала назначает Белявского начальником участка в Учкурмане, где должна сооружаться головная плотина. А в Куйганяр Белявский приехал специально посмотреть, как ставят запруды его опытные друзья-коллеги.

Сойдя с машины, он не поспешил в штаб. Сначала тепло, обмениваясь шутками и прибаутками, поздоровался со своими старыми друзьями мирабами.

— Рад тебя видеть, Рябой мираб! В Лагане не показывался, а тут, видно, хлопку твоему вода потребовалась.

Отпустив руку рябого мужчины, он похлопал по плечу высокого худого старика. Это был известный шахриханский сипайчи, уйгур по национальности, ставивший запру-

ды на Шахрихансае. Его раза два уносило течением, и он чудом спасался.

— Как вы поживаете, ахун? Это вам не Хутан-арык в Андижане, где вы студите свой кумыс, а настоящая Карадарья, — подмигнул ему Белявский.

Уйгур был очень обидчивым и упрямым человеком. Бывало, дадут ахуну хороший совет, но, если это ему не по душе, обязательно сделает по-своему. И только Белявскому он не перечил.

Однажды он сидел в Шахрихане в чайхане, ковыряя острым ножичком в ступне — вытаскивал занозу. Сидевшие в чайхане парни решили потешиться над ним, ну и давай советовать:

— Эй, ахун, не там занозу ищете.

— Она чуть выше.

— Справа поковыряйте, справа.

Но уйгур, не обращая на них внимания, продолжал искать занозу. Насмешники не отступали:

— Там смотри!

— Нет, слева!

Разозлившись, уйгур несколько раз всадил ножичек в ногу. Из ран заструилась кровь, а он кричал парням:

— Ну что, довольны? Хватит или еще?

Правда, потом несколько дней он не появлялся на улице, сидел дома с перевязанной ногой.

— Смотри, ахун, не сбеги, не закончив сооружения плотины, перевязав ногу тряпкой, — решил напомнить ему Белявский тот случай.

Весело посмеявшись вместе со всеми, Белявский направился в штаб.

Завсегдатаи чайханы обычно все знают. Когда Белявский ушел, они стали говорить о «Хозяине воды», о том, что он до революции дружил с бедняками, разделяя с ними и радости и печали. И на свадьбу придет, бывало, и на поминки. Обо всем вспомнили.

— Русский, а наши обычаи соблюдает и уважает совсем как узбек. Хоть и неверный, а прямо как мусульманин.

— Дочь свою за узбека выдал замуж. Внуку тоже по-узбекски Айпапшой назвал. Подумать только...

Внимание сидевших привлекла черная легковая машина, показавшаяся на мосту.

— Усман-ата едет, — сказал кто-то.

Подъезжая к чайхане, машина замедлила ход. Самого Усмана Юсупова в ней не было. Позади шофера сидели двое молодых людей — один с орлиным носом, в очках, другой — поменьше, плотный, широколобый.

— Ого! — радостно воскликнул один из мальчишек. — Да это же Гафур Гулям. Интересно, а кто рядом с ним?

— Не узнал? Так это же Хамид Алимджан! — толкнул его в бок другой.

Попросив шофера остановиться у чайханы, поэты вышли из нее. Шофер проехал дальше и поставил машину в тени. А Гафур Гулям с Хамидом Алимджаном прошли прямо в чайхану Беркинбая. Чайханщик, поставив на сурни чайник с только что заваренным чаем, выбежал навстречу.

Посетители молча наблюдали за прибывшими в гости именитыми поэтами. Гафур Гулям по обыкновению шагал ухарски, широко расставляя ноги, чуть выставив правое плечо вперед. Обнявшись, он поздоровался со своим давним другом Хафизом-чайханщиком и затем представил ему Хамида Алимджана:

— Познакомьтесь, Беркинбай-ака! Вот этот парень и есть поэт Хамид Алимджан.

— А как же, слышали, слышали. Хоть самого не видели, а стихи его читали. Прошу вас, сюда. Сейчас покрепче чай заварю.

Гафур Гулям извинился за столь короткий визит и, объяснив, что в Лугумбеке их ждет Усман-ата, направился к стоящей в тени карагачей машине.

— Приедем, когда будете ставить на реке запруды. Вот тогда и приготовите нам настоящий андижанский плов.

Когда поэты уехали, кто-то заметил:

— А я Гафура Гуляма сразу узнал по большому носу! Другой в шутку добавил:

— А я Хамида Алимджана по ушам!

В тот день через Карадарьинский мост проехала не одна машина — автобусы и грузовые, легковые машины и газики. Артисты и музыканты, композиторы и художники съезжались сюда на открытие строительства канала.

А прохожие, толкая друг друга, спрашивали: «Которая из них Халимахан? А Тамару Ханум видели?»

Маленький кишлак стал похож на большой вокзал. Народ все прибывал и прибывал.

Куйганяр за все время своего существования не видел такого праздника. Чайханщики еле успевали поворачиваться, отовсюду слышались музыка и пение народных певцов, крики пекарей и самсапазов¹, шум и гам играющей ребятни. А по Зеленому мосту, грохоча на стыках рельсов, шли состав за составом, груженные цементом, досками, кирпичами и другими стройматериалами.

Х

Азизхан теперь был спокоен за Лютфинису и мог на целый день отлучаться по делам. Джура-палван поселил их у одной старушки. Арзихон-ая, так звали хозяйку, жила одна. Единственную дочь она выдала замуж, и та уехала в город. Лютфиниса сразу же понравилась старушке, и они быстро сдружились. Джура-палван привез им на арбе риса, муки, арбузов и дынь.

Азизхан ходил довольный. Скоро и он приступит к работе. Завтра вместе с парнями из бригады Джуры-палвана он переедет в Лугумбек.

Дни стояли жаркие и в прямом и переносном смысле. Бронзовые от загара люди работали кетменями, таскали носилками землю под жаркими лучами солнца.

И на строительстве плотины в Куйганяре работа не прекращалась ни на минуту. Работали не покладая рук и днем и ночью при свете прожекторов и факелов. Гул тракторов и переклики людей с одного берега на другой слышались аж в соседних кишлаках. Над рисовыми полями вдоль течения Карадарьи теперь витали целые полчища комаров и всяких мошек, которые особенно не давали покоя строителям ночью. Плечи, обожженные солнцем, щипало, а тут еще комарье.

Всю ночь проворочавшись в постели, строители дремали утром во время завтрака и только на трассе за работой забывали о сне. Но комариные укусы не столь безобидны. На стройке появилась лихорадка, и врачи, медсестры обходили и раздавали людям таблетки акрихина.

Азизхан уже через два-три дня стал самым популярным человеком на стройке. После победы над Эшем имя его было у всех на устах. Вечерами, после работы, стоило Азизхану появиться в чайхане, как ему тут же уступали

¹ Самсапав — пирожник.

место в самом почетном углу. Только и разговору было о плавале, который победил самого Эша. Мальчишки ходили за ним по пятам. Это льстило Азизхану, доставляло удовольствие. У него даже изменилась походка — ходил важный и напыщенный.

Лютфиниса с Арзихон-ая тоже работали на стройке в женской бригаде — таскали посылками землю. Бедняжка Лютфиниса так уставала за день, что, добравшись до постели, тут же засыпала.

Сегодня, закончив работу, Азизхан возвратился домой рано. Было душно.

В Куйганяре в эти дни стоит сильная жара, хотя и дует с гор прохладный ветерок. Но к вечеру ветер утихает и в воздухе повисает духота. Хоть бы один листочек на тополях шелохнулся. И вот тогда спасу нет от комаров ни людям, ни животным, ни вообще живому существу. А бедные коровы, съедаемые мошкаррой, бестолково мычат, обмахиваясь хвостом, мотая головой и продолжая жевать траву. И только под утро, как только прокричат первые петухи, с гор снова дует прохладный ветерок и, несмотря на то что стоит саратан — самое жаркое время лета, — люди ночью спят под ватными одеялами: под утро обильно выпадает роса, и можно простудиться. А тут еще из города приезжал лектор и читал лекцию на тему «Есть ли жизнь на луне?». И когда он рассказал о том, что на луне большие перепады температур — ночью до ста градусов мороза, днем — сто градусов жары, то кто-то заметил, что Куйганяр тоже ничем от луны не отличается.

Когда Азизхан, обмахиваясь поясным платком, вошел во двор, Лютфиниса стирала белье.

— Ие! — удивился он. — Ты сегодня раньше меня?!

— Нашу бригаду переводят на другой участок. Тут мы закончили работы.

— А далеко отсюда? — поинтересовался Азизхан.

— Не знаю, — пожалала плечами Лютфиниса, развешивая белье на веревке. — Идите умойтесь. Я там ведро воды нагрела.

Лютфиниса поливала ему из кружки, а Азизхан, наклонившись, широко расставив ноги, пыхтя и фыркая, стал умываться. Кто-то позвал хозяев с улицы. Лютфиниса, бросив кружку в ведро, выглянула за калитку. Вернулась быстро.

— Вас там какой-то мужчина спрашивает.

— Какой еще мужчина?

— Не знаю. В темноте лица не разглядела.

Азизхан с полотенцем через плечо, вытирая на ходу лицо, вышел на улицу. А спустя некоторое время привел с собой гостя. И только когда Лютфиниса зажгла керосиновый фонарь и, отвернув фитиль, повесила на столб, она узнала пришельца. Это был Эш-палван. Что ему нужно от Азизхана в столь поздний час? Его приход встревожил ее.

Эш-палван казался каким-то сникшим. Нет в нем прежней уверенности в себе. Он сидел на айване, скрестив ноги и низко склонив голову, тербил полу халата, видно не зная, с чего начать разговор. Потом, наконец осмелившись, Эш-палван поднял взгляд на Азизхана:

— Я хотел сказать тебе два слова, брат.

Азизхан наклонился к нему, как бы всем видом говоря, что он весь внимание.

— Нет, нет! Я могу сказать об этом только наедине.

Азизхан глазами попросил Лютфинису удалиться. Но Лютфиниса, обеспокоенная таким поведением гостя, еще больше заволновалась и стояла как вкопанная.

Тогда Азизхан сказал:

— Пойди погуляй. У нас тут чисто мужской разговор. Лютфиниса, недовольная, повернулась и ушла в дом. Азизхан придвинулся поближе к гостю:

— Я вас слушаю, Эш-ака.

Эш-палван покашлял в кулак и, улыбнувшись, робко начал:

— Пусть мои слова не будут в тягость тебе, брат. Но после того самого случая не могу я вернуться в кишлак. И на стройку тоже. Я ждал, когда стемнеет, чтобы не показываться людям на глаза. Ты еще молод и не понимаешь этого. Ведь недаром говорят: пусть лучше у быка шея сломается, чем джигит голову склонит. А ты заставил меня сделать это. Мои лопатки еще ни разу не касались земли. Ты убил меня, парень.

Из глаз Эша-палвана ручьем хлынули слезы. Он стыдливо отвернулся и, развязав поясной платок, стал вытирать лицо.

— Убил ты меня, парень, убил...

Азизхан растерялся и не находил слов, чтобы успокоить этого человека. Он чувствовал себя неловко оттого, что перед ним сидел здоровенный мужчина и обливался

горькими слезами, и не просто мужчина, а известный, непобедимый силач. Азизхан переживал, что по его вине этот некогда гордый человек сломлен и мир теперь ему не мил. И если бы как-нибудь он мог утешить Эша-палвана, Азизхан не колеблясь сделал бы все от него зависящее. Но чем помочь ему? Азизхан положил руку на плечо Эшу-палвану и сочувственно спросил:

— Чем я могу помочь вам, палван-ака? Что я могу такое сделать, чтобы унять ваше горе?

Палван поднял на него мокрые от слез глаза:

— Только ты один и можешь мне помочь, дорогой брат. Только прошу, не отказывайся. Тебя ведь тут еще не знают и потому никто не осудит. Завтра на площади после концерта Тамары Ханум под судейством Джуры-палвана будет состязание борцов. Я вызову тебя на бой. И ты сдашься. Дорогой мой брат, если ты не пойдешь мне навстречу, не знаю, что я с собой сделаю. Я покончу с собой, вспоров себе живот. И пусть проклятье моих малых деток падет на твою голову.

От этих слов Азизхан так разозлился, что даже вскочил с места. Гость тоже встал.

— Что попросишь, все отдам тебе ради этого! Только согласись...

Эш-палван замолк. Азизхан, взъяренный, сжав кулаки, надвигался на него.

— За кого вы меня принимаете? Я не из трусов! И если у вас хватит смелости схватиться со мной, пожалуйста, выходите в круг, померяемся силой.

Эш-палван растерялся, опешил.

— Тогда хотя бы сведем бой к ничьей. Ну прошу тебя...

Азизхан задумался. Он понимал, что Эшу-палвану нелегко. Если Азизхан не согласится с его просьбой, тот может и впрямь что-нибудь сделать с собой. Он такой. Возьмет и липит себя жизни. Азизхан слышал, что многие побежденные силачи уезжали из родных мест и скитались в чужих краях. А сколько было таких, что смерть предпочитали позору. Азизхан умерил свой пыл.

— Хорошо! — махнул он рукой. — Пусть будет по-вашему.

Эш-палван просиял, двумя руками обнял его за плечи и притянул к груди.

— Спасибо. Ты настоящий джигит. Пусть удача не изменит тебе. Значит, договорились, да?

— Джигит только раз дает слово,— решительно ответил Азизхан.

Эш-палван провел ладонями по лицу, благословляя и благодаря его. Когда гость ушел, Азизхан долго не мог успокоиться. Он ходил по двору из угла в угол, раздумывая, правильно ли поступил. Лютфиниса за дверью слышала весь разговор. Она тоже размышляла: не ошибся ли Азизхан, согласившись с условием Эша.

Азизхан долго не мог заснуть. Он лежал, глядя на темное звездное небо, и все думал: «Хорошо. Эш-палван бросит мне вызов. Но ведь в кураше ничьих не бывает. Кто же тогда победит? Борец, вызвавший другого в круг и не одолевший его, считается проигравшим. Следовательно, победителем стану я».

Успокоившись, он повернулся на правый бок и тут же захрапел.

Утром, работая на плотине, слышал, как люди шептались:

— Говорят, Эш-палван бросил вызов Азизхану. Согласится ли парень? Говорят: кто откажется, тот считается побежденным.

Азизхан только улыбнулся про себя. Так вот где, оказывается, собака зарыта. Это стало ясно вечером во время концерта. Двое незнакомых парней отозвали его в темное безлюдное место. В руках их блеснули ножи. Ни один мускул не дрогнул на лице Азизхана, он только сердито спросил, чего им от него надо.

— Ты сегодня сдашься Эшу-палвану. Ляжешь на лопатки. Если нет, пеняй на себя.

Азизхан рассмеялся. Это задело самолюбие парней. Один из них угрожающе двинулся к нему:

— Ну как?

Вместо ответа Азизхан неожиданным и резким ударом в челюсть свалил с ног одного и пинком выбил нож у другого. Нож отлетел далеко в сторону.

— Ищите труса в другом месте. Передайте своему палвану: уговор дороже денег!..— бросил им Азизхан и пошел досматривать концерт.

Но и сидя на концерте, глядя на поющую и танцующую Тамару Ханум, Азизхан чувствовал, как все внутри у него дрожит от негодования. Стараясь успокоить себя,

он сидел крепко стиснув зубы и сжав кулаки. После концерта объявили, что через несколько минут состоится кураш — состязание силачей-борцов. Скамейки расставили по кругу. Расстелили в центре брезентовый палас. С повязанными вокруг пояса тремя платками на середине ковра, играя крепкими мускулами, вышел Джура-палван Гаипов. Он сообщил собравшимся, что в сегодняшнем кураше примут участие работающие на строительстве канала борцы — палваны из Андижана, Намангана, Ферганы и Исфары. Потом он представил каждого отдельно. Не забыл упомянуть и молодого силача Азизхана из кишлака Зириллама Ферганской области. Азизхан на середину не вышел, а только помахал рукой из толпы Джуре-палвану. Джура-палван как главный судья соревнований стал знакомить всех участников и зрителей с условиями состязания.

— Победивший в одном бою премируется будильником. Одержавший победу дважды — патефоном и грампластинкой с записью. Пластинку с дарственной надписью подарит сама исполнительница песни Тамара Ханум. Победивший в трех схватках или положивший на лопатки противника один раз и не дождавшийся желающего состязаться с ним завоюет главный приз — велосипед «Украина».

Первый ряд вокруг ковра занимали борцы — они сидели, скинув с плеч чапаны и подложив их под себя в ожидании вызова. Начинать первым всегда трудно. Правда, находятя иногда смельчаки, уверенно выбегающие на середину круга, но настоящие палваны сидят скромно, поглядывая на толпу, и ждут достойного соперника. Эп-палван выглядел озабоченным. Вытянув шею, он робко поглядывал по сторонам, вероятно выискивая в толпе Азизхана. Тот сидел не разжимая кулаков и тоже со стороны наблюдал за соперником.

Джура-палван обошел круг и, остановившись возле Азизхана, ловко схватил его за локоть, вытащил на середину круга.

— Молодой палван из кишлака Зириллама! — громко объявил он. — Есть желающие помериться силой?

С виду Азизхана нельзя было принять за силача-палвана — невысокого роста, хоть и широкоплечий, но худощав. Он скорее был похож на гимнаста, чем на борца. Не знавшие его силачи даже не взглянули в его сторону и

продолжали сидеть, скрестив руки на груди. Эш-палван собрался уже было выйти в круг, как его опередил другой палван, высокий крепкий мужчина с обвислой грудью. Кара-палван, так звали борца, тяжело ступая, вышел на ковер, пренебрежительным взглядом окинул Азизхана, всем своим видом говоря: да я его ведь изувечу, зря парня выставили.

— Ну как? Будешь бороться? — спросил Джура-палван Азизхана.

Тот кивнул. Секунданты проверили, правильно ли завязаны поясные платки у борцов, и затянули потуже узлы. Кара-палван немного расслабился, всем своим видом показывая, что это для него не борьба, а забава, и, чтобы потешить публику, он решил проучить парня — пусть попробует сначала оторвать его от земли. Азизхан без всякой разведки сразу кинулся в бой. Он крепко ухватился за пояс соперника и с силой потянул его на себя. Азизхану послышалось, как Кара-палван даже икнул от натуги. Не обращая на это внимания, он высоко приподнял Кара-палвана над землей, пронес его к середине ковра и, ловко бросив через себя, уложил на лопатки так молниеносно, что никто и ахнуть не успел.

Джура-палван помог Кара-палвану подняться, стряхнул со спины его пыль, а затем, подойдя к Азизхану, дважды приподняв его за пояс, объявил победителем. Кара-палван, низко опустив голову и пряча глаза от людей, покинул круг. Джура-палван поднял руку Азизхана, и они совершили круг почета. Люди бросали ему деньги. Азизхан покраснел от стыда — в жизни он не брал денег за это, — чтобы пройти и сесть на свое место, вырвался из рук Джуры-палвана, но ему преградил путь какой-то старичок:

— Не глуми, сынок. Таков обычай. Не возьмешь, обидишь народ.

Азизхан, не послушав старика, сел в сторонке. Джура-палван принес и положил у его ног платок с деньгами.

— Эти деньги заработаны тобой честным путем. Возьми их.

Азизхан от смущения не знал, куда себя деть.

Джура-палван знал, что молодой палван еще не устал, так как схватка продолжалась недолго. Он вызвал еще желающих схватиться с Азизханом. На этот раз никто не спешил выходить на ковер. Азизхан испытывал чувство ца-

слаждения и гордости от одержанной победы. Теперь и взгляд его и походка стали иными. И, проходя на середину ковра, мимо сидевшей в первом ряду Тамары Ханум, он, улыбнувшись, подмигнул ей.

Борцы-палваны перешептывались, толкали друг друга в бок, но выйти в круг не решались. И тут тяжело поднялся с места борец, известный на всю Ферганскую долину как Ягач-палван. Он был высокого роста, длиннорукий, с морщинистой кожей лица и шеи. Толпа даже ахнула от удивления. Зрители хорошо знали этого силача. Из рядов стали выкрикивать:

— Эй, Ягач, меряйся силою со своими сверстниками. Что? С мальчишкой теперь решил сладить?

— Оставь в покое парня!

— И не стыдно выходить против мальчишки, который тебе в сыновья годится?

Но сидевшие в первом ряду палваны только подзадоривали его:

— Ну-ка покажи этому выскочке! Бахвалится еще! Теленку только до кормушки бегать, а он уже бодаться лезет. Прочучи его, чтобы в другой раз неповадно было.

Азизхан все это слышал, и его охватила такая злость, что он решил во что бы то ни стало сразиться с этим долговязым.

Джура-палван спросил его, согласен ли он схватиться с Ягач-палваном. Азизхан кивнул. А из толпы кричали, что нельзя допускать этого боя. Тот старик, что уговаривал Азизхана принять собранные у народа деньги, как петух паскакивал на Джуру-палвана, размахивая руками.

— Ты в своем уме, Джура? Вы что, хотите изуродовать мальчишку? Не позволим!

Старик подбежал к Азизхану и стал тащить его из круга. Азизхан упирался. И когда кто-то из толпы крикнул: «Да оставьте вы его! Видите, он сам не хочет без боя сдаваться!» — старик отпустил его и, качая головой, вернулся на свое место.

Азизхану раньше довелось как-то видеть Ягач-палвана на состязании борцов в Маргилане. Высокого роста, длиннорукий Ягач-палван подолгу водил по кругу соперника, выматывая его и не давая тому ухватиться за пояс. Азизхан доходил ему до плеча, да и руки у него были покороче. Он хорошо понимал, что одолеть Ягач-палвана без смекалки он не сможет.

Проверили пояса, обменялись рукопожатиями. Секунданты и судья отошли в сторонку.

Ягач-палван сразу же схватил Азизхана за пояс. Держал его почти на расстоянии метра от себя, не давая Азизхану уцепиться за него. Толпа ревела.

— Пусть даст парню ухватиться за пояс!

— Это нечестно! Держать и не подпускать к себе соперника! Не по пра-ви-лам! — кричали люди.

Ягач-палван, улыбаясь, насмешливо поглядывал на кричавших, но рук не отпускал. Он подмигнул кому-то в толпе, как бы говоря: зря стараетесь, сейчас я вашего ба-тыра в бараний рог согну.

Держа соперника на расстоянии вытянутой руки, он старался сбить Азизхана с ног, но это ему не удавалось. Азизхан ловко уворачивался от подсека. Так они дважды обошли круг, и у Ягач-палвана пот выступил на лбу. А Азизхан, согнувшись, переминаясь с ноги на ногу, все выжидал удобного момента для атаки. Когда они прошли круг по четвертому разу, Ягач-палван был уже весь мокрый от пота. На пятом круге Азизхан почувствовал, что Ягач-палван начинает сдавать и теряет силы. И тогда Азизхан стал тянуть соперника к себе. Как ни упирался Ягач-палван, но сопротивляться молодому палвану он уже был не в силах. И наконец, крепко уцепившись за пояс руками, Азизхан рванул противника на себя и поднял над землей. Ягач-палван повис в воздухе, болтая ногами. А остальное уже было делом техники — Азизхан так крутанул Ягач-палвана, что тот, сделав сальто, упал прямо на лопатки. Еще не успел поверженный подняться с ковра, как в круг выбежал Эш-палван.

— Я вызываю его на бой! Я хочу схватиться с ним!

В толпе опять зашумели, послышались возбужденные голоса:

— Не соглашайся, парень! Хватит! Он устал! Достаточно того, что он двоих положил! Эй, Эш, ты в своем уме? Тебе мало того, что он разок уже тебя уложил?

Азизхан оказался в трудном положении: не согласиться — значит нарушить слово, данное Эшу. Он чувствовал себя изрядно уставшим, а Эш, видно, ждал этого момента. Азизхан был из тех, кто держит данное им слово. Отказаться от обещания — значит поступить низко, смалодушничать. Будь что будет, решил он и стал снова завязывать пояс на бедре. Народ сразу притих. И даже те, кто считал,

что Азизхану лучше покинуть ковер победителем, чем проигрывать в третьей схватке, с интересом наблюдали за тем, что происходит.

Какой-то парнишка сложил собранные в толпе деньги в платок и положил их перед Лютфинисой, которая от стыда готова была сквозь землю провалиться.

Эш-палван, завязав пояс на бедре, вразвалку подошел к Азизхану, пожал ему руку и покровительственно похлопал соперника по плечу, а потом во всеуслышание похвалил: «Молодец, удалец!» Сам же дал Азизхану ухватиться за бельбаг.

Азизхан крепко взялся за пояс, потянул несколько раз на себя, как бы примериваясь к рывку. Насколько силен противник, он не знал. Настоящая схватка начинается после того, как борцы ухватят друг друга за пояса. Теперь они, согнувшись и не подпуская соперника более чем на расстояние вытянутой руки, пошли по кругу, переминаясь с ноги на ногу. Лишь бы Эш-палван не сплутовал, думал Азизхан. Так, изучая друг друга, они прошли не один круг. Эш-палван, видимо решив, что Азизхан устал, попробовал раза два потянуть на себя соперника, но парень, как железный, не сгибался. Попробовал Эш-палван приподнять его, но у того словно тяжелые мельничные жернова к ногам привязаны. После пятого круга у Эша пропала всякая надежда одолеть Азизхана, и он зашептал ему на ухо:

— Ты помнишь уговор, браток?

— Помню,— ответил Азизхан.

— Еще пройдем два круга и разойдемся с миром.

— Нет, палван-ака, не будет по-вашему. Кто-то из нас должен победить.

— Ты что? Забыл про уговор, парень?

— Если бы в дело не вмешались два ножа, убей меня, я даже лег бы на лопатки. Но вы поступили подло, а теперь хотите, чтобы я сдержал слово? Думали запугать меня? Я должен вас проучить.

— Ты молод еще, браток. На свадьбе твоей буду служить. С меня баран причитается. Хочешь, двести рублей наличными дам?

— Мало!

— Триста!!!

— Мало! Мало! Мало! — крикнул в голос Азизхан.

— Тише! С ума сошел! Ну хорошо, пятьсот рублей!

— Вот теперь согласен! — ответил Азизхан, получая от торга наслаждение. Рывком потянув Эша на себя, он оторвал его от земли и, крутанув, как пропеллер самолета, уложил на лопатки.

Лежа на земле, Эш-палван сплунул и выругался:

— Подлец, одолел-таки меня.

Толпа с криками бросилась к ним. Азизхана на руках унесли из круга, прежде чем к нему подоспел Джурапалван.

Состязание борцов окончилось, и люди стали расходиться по домам. Эш-палван продолжал сидеть на земле, на том самом месте, где его уложил Азизхан. То, что за последнее время он дважды публично потерпел поражение от какого-то соплияка, совсем согнуло и сломало его. Этот молокосос не сдержал данного слова. Растоптал, втер в грязь человека, который по возрасту годится ему в отцы. Ну хотя бы согласился на ничью. Ведь он не просил его сдаться, лечь на лопатки.

Эш-палван с трудом, опираясь на правую руку, встал, отряхнул одежду от пыли. Пылавшие ярким пламенем факелы догорели и только искорками вспыхивали от дуновения ветерка. Эш-палван, тяжело ступая, опустив низко голову, побрел по дороге. Из куйганярских чайхав доносились веселый смех, шумный говор и песни. На противоположном берегу Карадарьи, в Зеленом театре, Тапкентский драмтеатр имени Хамзы показывал пьесу «Бай и батрак». Весь народ от мала до велика собрался там. Разошедшиеся с состязания люди веселились в чайханах.

Эш-палван стоял в нерешительности, не зная, куда пойти. Показываться людям на глаза он не мог.

Эш-палван услышал чьи-то шаги — по тропинке с холма спускались двое. Эш притаился за кустом. По голосу узнал одного — Али-палвана. Это был прославленный в республике борец, один из известных в округе силачей. Он тоже был среди сидевших в первом ряду палванов. Почему он, старый и верный друг, не вышел и не проучил выскочку, когда тот уложил Эша? Эш-палван решил сейчас высказать все, что о нем думает, вылить злобу, душившую его.

Али-палван о чем-то увлеченно рассказывал своему спутнику. И когда перед ним неожиданно вырос Эш, он опешил:

— Ты? Что тут делаешь? Я думал, ты уже ушел!

— Что мне, живым в могилу лечь? — сказал Эш с обидой в голосе. — А вы сами тоже хороши.

Али-палван сразу смекнул, на что намекает Эш, и, зная, что успокаивать его все равно что ставить мертвому припарки, ответил:

— Так тебе и надо. Любого, кто не считается с силой противника, ожидает такая участь.

Эш-палван проглотил эту обиду. Чуть поостыв, перешитительно сказал:

— А я вам верил, Али-ака. Меня-то он одолел. Почему же вы не вышли сразиться с ним? Я думал, вы отомстите за меня.

Слова Эша еще больше озлили Али-палвана.

— Никак не поумнеешь. Разве борец выходит на ковер, надеясь на силы другого? Сначала приглядишься, потом прикинь, а поспеет время, тогда и выходи в круг.

А Эш-палван все никак не унимался:

— А вы забыли, Али-ака, как, когда вас клали на лопатки, Усар-палван ваших противников укладывал на ковре одного за другим. Вы такой, я знаю, только о себе и думаете.

Али и Усар были родом из одного кишлака. Оба учились борцовским премудростям у отца Али. И если один из них терпел поражение в схватке, второй шел помериться силой с тем же противником. Но когда побеждали Али, Усар никогда не выходил в круг. Поэтому ферганские силачи прозвали Усара «запасным палваном». Эш решил, видно, сейчас напомнить об этом.

— Эх-ха, вон ты о чем?! — укоризненно покачал головой Али-палван. — Так вот, чтобы верно понял, слушай не одним ухом, а двумя ушами. Я никогда в жизни не гонюсь за дешевой славой. Измотанного и слабого соперника за пояс не возьму. Сражаюсь только с сильным и равным противником. В народе говорят: если хочешь повеситься, то делай это на самом высоком и крепком суку. Так что меня с собой не равняй. Ты ищешь соперников послабее, уставших после нескольких схваток. А я — сильных и крепких. Ты упомянул Усара. Так Усар-палван ни разу не клал на лопатки побеждавших меня соперников тут же после схватки со мной. Он вступал с ними в открытую и честную борьбу на других состязаниях. А выжидать, пока соперник устанет, это нечестно, не по правилам.

— Я знаю, он бы и вас положил, не испугайтесь вы его!

Сердце-то у вас дрогнуло,— со злорадством сказал Эш-палван.

— Может быть. Но запомни: этот мальчик сейчас силен как лев. С какой бы стороны ты ни подступил — кинет тебя из любого положения.

Эш-палван кивнул:

— Согласен, Али-ака. Но скажите, смогли бы вы его победить?

— В начале состязания или в конце?

— Не понимаю, что вы хотите сказать?

Али-палван улыбнулся:

— Когда он только вышел на ковер или уставшего после нескольких схваток?

— Все равно когда!

Али-ака стал растолковывать Эшу:

— Во-первых, я тебе уже говорил, что бороться с уставшим соперником не в моих правилах. Во-вторых, я бы с ним не боролся.

— Почему? — удивился Эш.

— Мой покойный отец так завещал мне. Я тоже в семнадцать лет, как этот юнец, семерых известных палванов уложил на ковре одного за другим. Не веришь? Можешь у Юсуфджапа-ака спросить. Он тоже выступал на этом праздничном состязании. Сколько призов и денег я тогда получил! Так мой покойный отец, сгребя в кучу все эти завоеванные мной халаты и деньги, отправился в Маргилан раздавать эти халаты поверженным мной палванам. Собрал их всех за угощением и попросил благословить сына. Возвратившись в кишлак, он подозвал меня к себе и сказал — до сих пор звучат в ушах у меня его слова: «Э, невежда, эти палваны не такие уж простаки, чтобы проиграть тебе, они намеренно сдались. Пусть ряды наши пополнятся еще одним молодым палваном, думали они, сдаваясь тебе». Понял теперь?

Эш-палван как заведенный:

— Так вы мне не ответили, проиграли бы вы ему или нет?

— Хочешь знать правду? Не проиграл бы. Уложил бы я этого юнца. Но если бы я это сделал, я бы не простил себе то, что я сломал уверенность в своей силе у человека, наслаждающегося мигом победы. Придет время, и он испытает горечь поражения. Вот почему я не вышел. А ты ходишь озлобленный. Ты что, впервые проиграл? Многие

тебя побеждали. Ну, если тебя так совесть заела, уезжай подальше отсюда, в другие места, и там борись, коль не хочешь, чтоб твои земляки узнали о твоих поражениях.

Эш-палван, не дождавшись от друга утешения, махнул на него рукой и быстро зашагал по дороге. Али-палван долго глядел ему вслед и качал головой.

Азизхан возвращался домой, ведя за руль велосипед, на багажнике которого был укреплен патефон и целый узелок с деньгами. В левой руке он еще нес будильник. Лютфиниса, возвратившаяся домой раньше его, лежала в постели, накрывшись с головой одеялом, обиженная на него за то, что он взял деньги. Увидев сияющего Азизхана, она сердито отвернулась к стене. Азизхан поставил на стол патефон, покрутил до отказа ручку и достал пластинку, подаренную Тамарой Ханум.

И в полночь над спящим кишлаком полилась знакомая всем мелодия песни «Платочек». Лютфиниса вскочила и, подбежав к патефону, сняла мембрану.

— Хватит! Люди давно спят.

Азизхан улыбался, от него исходил приятный запах духов, оставшийся от поцелуя Тамары Ханум.

XI

Мираббаши оказался прав. Спустя два дня после бури воды в реке поубавилось. Быстрая и бурная Карадарья присмирела. А ночью приток воды настолько упал, что река оголила весь правый берег и текла теперь посередине, там, где было глубже.

Сипайщики, готовые к работе, стояли на берегу. Рабочие, возводящие насыпь железной дороги, тоже пришли посмотреть, как будут ставить запруду.

Какой-то седобородый старик, сбросив с себя чапан, взял длинный шест и спустился на илистое дно реки. Над кишлаком завис теплый вечер. К берегу подогнали трактор, и тракторист включил фары, высветив в темноте фигуру старика. Это был известный в Ферганской долине сипайщик Хасан-ата Буранбаев. Стоя по колено в иле, он повернулся к собравшимся на берегу и поднял вверх ладони для благословения.

— Аминь! Пусть живительной водой полнятся наши реки и арыки. Да будут памятны нам наши предки, всю жизнь жаждавшие воды. Аминь!

— Аминь! — донесся с берега хор голосов.

И в реку спустились остальные сипайщики с веревками и мотками проволоки, с бревнами и досками и другими нужными материалами.

Хасан-ата уложил на земле три бревна и с помощью других сипайщиков связал один конец бревен проволокой. Остальные стали делать то же самое. Одно из трех связанных бревен старик взвалил на себя, двое других тоже взяли на плечи по бревну, и все трое спустились в воду. Добравшись до того места, где они собирались поставить треногу, Хасан-ата оседлал свое бревно и стал топить свободный конец, стараясь зацепить за дно. От натуги вены на шее старика вздулись, резче обозначились скулы, и это ясно было видно при свете фара. Наконец бревно, оседланное Хасаном-ата, уперлось в дно реки. Два других бревна, подхватываемые течением, тянули в сторону. Парни с трудом пытались затолкнуть их под воду, но сильный глубинный поток выталкивал их обратно. На помощь этим парням спустились еще двое. Старик, прикрыв глаза рукой от яркого света, крикнул трактористу, чтоб тот выключил фары.

Светало. Уже различались очертания берега. По сигналу Хасана-ата в воду один за одним начали спускать и остальные треноги. Второй сипай не успели упереть в дно реки, и его, вытолкнув сильным подводным течением, понесло вниз. Парни, оседлавшие эти бревна, плыли на них, как на плотках.

— Кто смелый, пусть спускает еще одну треногу! Давай скорее! — продолжал командовать старик.

Не дожидаясь, пока сипайчи спустят в реку следующую треногу, старик вылез из воды, оттолкнул одного из парней и, опустив конец бревна в воду, лихо оседлал его. А река в том месте бурлила и клокотала, как взбесившаяся. Командовавший с берега мираббаши Абдусамад укоризненно покачал головой.

— Зря ата опять в воду лезет. Устал уже. Мои парни сами бы справились. Неугомонный какой-то старик. Джигиты, поберегите его! Пусть один из вас подплывет ближе, а то ему одному не справиться с толстым бревном. Помогите ему!

Трое парней тотчас же спустились в воду и направились к Хасану-ата. Но сильным течением их отнесло далеко в сторону.

Азизхан, наблюдавший за всем этим с берега, скинул с плеч чапан и, сунув его в руки оторопевшей Лютфинисы, побежал вверх к мосту через Карадарью. Растолкав людей, столпившихся там, он с перил прыгнул в воду. Быстрое течение понесло его вниз, к ставившему запруду старику. Чтобы не отнесло в сторону, Азизхан усиленно помогал себе руками, и через какое-то время он уже был возле старика, с трудом сдерживающего бревно. Ухватившись за другой конец, Азизхан с силой надавил на него.

— Держи второе бревно! — крикнул ему старик.

Крепко обхватив его, Азизхан вскарабкался на второе бревно и стал топить его.

— А теперь третью подпорку тяни вниз, сынок! Удачи тебе, сынок, во всех твоих дела! Скорее тоши!

Азизхан, поймав третье бревно, с такой силой осадил его, что сам вместе с ним оказался под водой, место это оказалось глубоким. Люди на берегу притихли. Все затаив дыхание ожидали, когда же появится Азизхан. Через минуту-две над водой показалась его голова. Высунувшись по плечи, он мотнул головой, стряхивая с волос воду.

Все облегченно вздохнули.

Сипай крепко всеми тремя опорами упирался в дно реки в самом ее глубоком и бурном месте, но даже сильное течение не могло сдвинуть его.

Азизхан улыбулся и подмигнул старику. Тот вдруг побледнел и, крепко вцепившись руками в бревно, с трудом произнес:

— Ногу судорогой свело, сынок.

Окажись старик один, он мог и не выплыть, сил не хватило бы справиться с бурным течением. Азизхан не мешкая бросился к Хасану-ата.

— Обхватите меня за шею, отец!

Старик, держась одной рукой за бревно, другой ухватился за Азизхана. За многие годы работы сипайщиком такое с ним случилось впервые. Всегда выходявший победителем в схватке с водой, теперь он не в силах был от боли даже поднять голову. Хасан-ата крепко обхватил Азизхана за шею, и тот не спеша поплыл к берегу. Наконец ноги его коснулись дна, и на руках он вынес старика. Тотчас же их окружили люди. Азизхан уложил Хасана-ата на еще холодный, не прогретый солнцем песок и стал растирать согнутое колено. Из медпункта уже спешила санитарка: кто-то успел сообщить о случившемся. Не распра-

шивая, в чем дело, она намочила спиртом ватный тампон и быстрыми движениями начала растирать ногу. Как ни больно было старику, но он терпел, крепко стиснув зубы. Кто-то набросил на плечи Азизхана чапан. Тот незаметно сбросил его на землю и исчез в толпе.

— Смелый парень!

— Откуда он?

— Хороший джигит!

Азизхан, довольный, пробирался сквозь толпу. Лютфиниса, наблюдавшая вместе со всеми, как Азизхан помогал старику, была напугана. Увидев его целехонького и невредимого, она успокоилась, но дрожащие руки выдавали ее волнение, и она без конца вздыхала.

— Небось замерзли? Наденьте-ка скорее чапан.

Азизхан небрежно накинул на плечи халат, поданный Лютфинисой, всем видом показывая, что то, что он совершил, это пустяк. К ним подошел мираббаши Абдусмад.

— Ну-ка, пойдем-ка, брат! Тобой большое начальство интересуется.

Лютфиниса, пока он одевался, заботливо вытерла его мокрую голову, забрызганное грязью лицо.

— Может, сапоги наденете? — спросила она робко, считая, что в таком виде неудобно появляться перед начальством.

Азизхан, махнув рукой, с важным видом зашагал за Абдусмадом. Лютфиниса еле поспевала за ними.

— Наденьте сапоги, ведь стыдно босиком идти.

Азизхан прикрикнул:

— Да замолчи же ты! Ну что заладила: надень да надень! Все равно снова в воду мне лезть.

Мираббаши повел его к железнодорожной насыпи. Там руководители республики осматривали стройку.

— Ие, вот те на! Да это же наш палван! — заулыбался Белявский при их появлении.

Азизхан при высоком начальстве стоял чинно, скрестив руки на груди.

Лютфиниса к мужчинам не подошла. Прикрыв лицо кончиком платка, она с любопытством наблюдала за ними. Усман Юсупов заразительно смеялся, слушая рассказ Ахунбабаева о том, как Азизхан выкрал себе невесту, набив шишки жениху и мулле. Но сейчас не время было обсуждать этот его поступок. Ведь руководители республики пригласили Азизхана подбодрить теплыми и добрыми

словами за хорошую и умелую работу на возведении запруды. Но Юсупов, под впечатлением рассказа Ахунбабаева, все никак не мог успокоиться. Подойдя к Азизхану, он вдруг спросил, кивнув в сторону Лютфинисы:

— Почему ты ее выкрал, сынок?

— Потому что люблю... — ответил Азизхан.

— Любящий человек посылает сватов, договаривается о свадьбе.

— А брат не хотел ее выдавать за меня.

— И ты тогда решился на самый крайний шаг. Смотри какой смелый!

Белявский, желая помочь растерявшемуся парню, сказал:

— Уж вы простите его, Усман Юсупович. За такую работу ему можно много грехов отпустить. У этого парня силы как у мощного трактора. Надо только радоваться, что на стройку прислали еще одну машину.

— Ну тогда простим, — подмигнул Азизхану Юсупов. — Вот построим канал и на твоей свадьбе погуляем. А ты должен беречь себя, сынок. Ты нужный нам всем человек.

Азизхан, поблагодарив Юсупова за добрые слова, спустился снова к сипайщикам. Юсупов с восхищением смотрел на удаляющуюся крепкую и сильную фигуру Азизхана.

Запруда ставится до середины реки. На перегороженной половине закладывается бетонный фундамент под плотину. Затем перекрывается вторая половина, а река пускается по первоначальному руслу. Сипайщики все продолжали работать. Азизхан, сняв халат, отдал его Лютфинисе и с разбегу прыгнул в воду. Около пятидесяти молодых парней были заняты установкой сипаев. По три человека на каждый сипай, они подплывали со связанными бревнами к месту установки и, раставив острые концы их в стороны, начинали топить, стараясь зацепить за дно. Это не всегда удавалось — река, частично запруженная, устремляла поток в открытую горловину, бурно огибая препятствие. Не справившиеся с бревнами парни, уносимые вместе с ними сильным течением, выплывали чуть подальше, там, где река вновь текла спокойно, вытаскивали бревна и заново начинали атаку.

Азизхан работал на самом трудном участке. Он уже до того наловчился, что после нескольких его усилий бревно,

как кол, вонзалось в дно реки. Оставалось только закрепить две оставшиеся опоры. А потом все это завалить и засыпать щебнем, прутьями, булыжником. После каждой удачно забитой сваи он гордо поглядывал на стоявших на насыпи руководителей стройки. Да и взгляды тех, кто стоял наверху, были прикованы к ловким и умелым движениям Азизхана. На берегу мальчишки обвязывали хворост проволокой, стягивая прутья потуже, поплотнее. К полудню на реке было установлено двадцать три сипая. Палваны, укропавшие реку, порядком устали. От долгого пребывания в холодной воде у них окоченели руки и ноги.

Мираббаша в рупор отдал команду:

— Кончай работу, ребята! Выходи на отдых!

Подплывший к берегу первым, Азизхан выхватил рупор из рук мираббаша и объявил:

— Не вылезайте! Мы еще не все закончили. Осталось закрепить сипаи проволокой.

Схватив моток проволоки, лежавший на земле, он обмотал один конец вокруг пояса и снова бросился в воду.

Мираббаша только и успел крикнуть:

— Эй, парень! Ты что, с ума сошел?! Ну-ка вернись!

Азизхан, не обращая на него внимания, широко гребя, подплыл к последнему сипаю. Уже вылезавшим из воды парням пришлось повернуть обратно. Они стали помогать обвязывать каждую треногу и прикреплять ее к другой, рядом стоящей. Азизхан обвязал верхнюю часть бревен там, где они уже были стянуты проволокой, еще раз и перешел к другому сипаю. Проволоку он натягивал как струну, нигде не давая ослабиться и провиснуть. То же стали проделывать и остальные, объединившись по пять-шесть человек.

Завороженные ловкой и спорой работой сипайчиков, люди на берегу не расходились, хотя время обеда кончилось.

Вскоре все сипаи были связаны друг с другом. Абдусамад даже охрип, крича им: «Эй, выходите! Ды вылезайте же из воды. Обед совсем остыл!»

Азизхан влез на сипай и, как с вышки, нырнул с него в воду, но поплыл не к берегу, а против течения. Он плыл, испытывая чувство удовлетворенности и радости оттого, что и он наконец смог принести пользу людям, и это он испытывал именно сейчас, в эти минуты. И ему хотелось

работать так, чтобы завоевать еще большую благодарность людей.

В толпе на берегу он заметил Лютфинису, радостно махающую ему платком.

ХИ

Ночью, не успели пропеть вторые петухи, Умматали, так всю ночь и не сомкнувший глаз, вскочил с постели. Жена его, только задремавшая, тоже проснулась. Но она лежала молча, боясь потревожить мужа. Да и что она скажет? Вот уже более недели скребут на душе кошки. За сына она не беспокоилась. Не пропадет, где бы он ни оказался. А куда же он сунется с девушкой? На улице почевать не станут. Муж даже постарел от переживаний. Сколько упреков обрушилось на его бедную головушку. Пройти по улице спокойно не может. Скоро, бедняжка, из дома выходить перестанет, так ему стыдно перед односельчанами.

Приподняв голову, она посмотрела в открытое окно — Умматали сидел, низко опустив голову, посреди двора на суке. У нее пропал сон, но она не встала с постели, не вышла к мужу. Пусть побудет один.

У Умматали и вправду голова раскалывалась от мыслей. Он стал припоминать прошлое, все до мельчайших подробностей, от рождения сына до этого злосчастливого дня.

Почему это случилось? Что толкнуло сына на этот шаг? Ведь ни в их роду, ни в махалле, ни даже в их киплаке не было таких безрассудных людей. В кого только такой уродился? Он вспомнил, как сам раньше восхищался его детскими шалостями. Прощал ему многие проступки. Пытался говорить с ним только по-хорошему, убеждением, добрыми словами.

Когда в Заркент в кинотеатр привезли «Чапаева», Азизхан со своими дружками раз пятнадцать смотрел этот фильм. А потом они, разделившись на красных и белых, целыми днями носились по полям и садам с трещоткой для отпугивания птиц в саду, изображавшей пулемет. Азизхан голова всему. За Чапаева у них. Набросив на плечи старую овчину, приделав усы из метелок кукурузы, размахивая самодельной деревянной саблей, с криками «ур-ра!» неся он впереди ватаги ребят,

А как-то, возвратившись домой, Умматали застал сына сидящим верхом на Турсунбае. Приставив саблю к его груди, он грозно кричал: «Говори или я убью тебя, предатель!»

Умматали сидел на супе у себя дома и, вспоминая проделки сына, то улыбался, то тяжело вздыхал.

Из груди со стоном вырвался тяжелый вздох, и этот горестный вздох, как горячее пламя, опалило все внутри.

В окно выглянула жена:

— Да успокойтесь вы, отец! Ложитесь, отдохните! Ведь так и заболеть недолго!

Умматали ничего не ответил. Он встал и заходил по двору из угла в угол.

Жена, глядя на одинокую фигуру мужа, бродившего по темному ночному двору, думала о нем.

— Уж скоро светать начнет, отец! Вам отдохнуть надо!

Умматали остановился, как бы очнувшись, и посмотрел в ее сторону.

— Послушай, жена, одно не дает мне покоя. Черная мысль тревожит меня.

Жена, встревоженная состоянием мужа, забыв про дверь, вылезла во двор через окно.

— Ой, боже мой, что-нибудь случилось? Не мучайте меня!

— Да ничего, ничего, жена. Все прошло. Черт меня попутал. Иди ложись.

Умматали пожалел, что так встревожил жену. Последнее время она сильно болеет.

— Не волнуйся, женушка. Я просто подумал, что с ребятами могло что-нибудь случиться! Да что может с ними быть? Ты же знаешь сына!

Женщина немного успокоилась.

— Э, тоже мне... Чуть сердце не разорвалось от страха. По-моему, Азизхан бежал к Хаджимукану. А куда ему еще податься!

Умматали почему-то об этом не подумал. Он даже обрадовался такому предположению.

— Верно говоришь. Ну конечно, сын бежал к Хаджимукану.

Но что-то снова промелькнуло в голове Умматали, и он задумался.

— Нет, он туда не пошел. Хаджимукан его бы точно отправил обратно или сообщил бы нам, что Азизхан у не-

го. Помнишь, когда он раз бежал к нему, твой младший брат предупредил Хаджимукана — прибежит, гоните домой.

Жена разозлилась на мужа:

— Вай, а еще мужчина. Вместо того чтобы успокаивать меня, вы еще масла в огонь подливаете? Я, слабая, беззащитная женщина, и то терплю, а вы все поете! Возьмите себя в руки. Ведь помимо друзей и враги у вас есть. Узнают, как вы мучаетесь, и станут радоваться, пожелают, чтоб вам хуже стало!

Была еще ночь. Спало все живое в природе, и даже деревья в саду пребывали в дремоте. Ни одна веточка, ни один листик не шелохнется. Тихо. И только двое — мужчина и женщина — сидели на суне и думали.

XIII

Перегороженная сипаями Карадарья изменила свое русло и теперь текла слева, оголив каменистое дно. Примерно в двадцати метрах от установленной запруды следовало сперва заложить фундамент плотины. Это было только началом работы, а точнее, половиной плотины. После того как поставят фундамент, сипаи перенесут на другую половину реки. А вода пойдет через Кипчак-арык и Улгунор, огибая строительство. Сейчас с оголившегося берега к середине реки начали копать траншею для закладки фундамента. Работа эта трудоемкая — надо не только выкопать глубокий ров в каменистом дне реки, но и весь этот тяжелый грунт вынести на носилках или в специальных мешках на берег. Многие известные палваны с трудом поднимают мешок, наполненный четырьмя ведрами мокрого песка с щебнем. Кажется, нет ничего на свете тяжелее мокрого песка. Но как бы ни трудна была работа, ее следовало выполнить в крайне короткие сроки.

Штаб провел специальное совещание со строителями. Проводил его сам Усман Юсупов.

С первого дня начала стройки канала партийные и советские органы республики возглавили руководство. В этом совещании приняли участие многие народные комиссары.

Начальник штаба Тешавой Мирзаев доложил о ходе строительства, обратив внимание собравшихся на возникшие в ходе строительства трудности на Учкурганской го-

ловной плотине, Лугумбекских перепадах и Куйганярской плотине, сооружение которых идет медленными темпами.

— Что вы предлагаете? — прервал его Юсупов.

Мирзаев на секунду задумался.

— Мне кажется, лучше послушать специалистов, наших инженеров. Что, к примеру, об этом думает Белявский, наш главный инженер-ирригатор. Он хорошо знаком с местными природными условиями и, помимо всего, принимал непосредственное участие в разработке проекта канала. Послушаем, что он скажет нам и как руководитель Учкурганского участка.

Юсупов выжидающе посмотрел на Белявского. Тот встал, не спеша достал из кармана блокнот, надел очки.

— По-моему...— начал Белявский, но Юсупов, улыбнувшись, сказал:

— Говорите по-узбекски. Так понятней всем будет. Вы же хорошо знаете наш язык.

И Белявский стал говорить на чистом андижанском диалекте.

— Усман-ата, если говорить по-честному, не упустить бы нам время, ожидая техническое подкрепление, которое неизвестно когда придёт. На трассе сейчас у нас пять экскаваторов. Два уже вышли из строя. Из оставшихся трех один работает час, ну от силы два, а потом его целый день ремонтируют. За смену и четырех арб земли не накапывает. Мне кажется, нам надо больше опираться на людские ресурсы. Я хочу упрекнуть и Тешавоя. Людей он не знает. Работяги остаются в стороне, а он премирует бездельников и лоботрясов. Какое же это стимулирование? Вчера я был на Куйганярском участке. Работа там по плечу только сильным и крепким людям. В Учкургане такая бригада давно уже создана. Ее возглавляет замечательный парень, энтузиаст Дунаи Дусматов. В день по четырнадцать кубов земли копает. Вот с таких людей и надо брать пример. У меня пока все.

Белявский закрыл блокнот, сунул его в карман и, сняв очки, сел на место. Юсупов улыбался, довольный выступлением инженера. Совещание единогласно постановило усилить бригаду парней, занятых на Куйганярском участке. Мирзаев обещал сам заняться формированием бригады.

В конце совещания слова попросил народный комиссар здравоохранения Муминов.

— И ненадолго вас задержу, товарищи,— сказал он.— Есть опасность возникновения на стройке лихорадки. Необходимо принять профилактические меры. Мы уже начали давать таблетки акрихина работающим на заболоченных участках и в районах рисосеяния. Но борьба с лихорадкой требует дополнительных расходов. Кроме того, землекопы, целый день проработавшие на трассе, не могут ночью заснуть от полчищ комаров— разносчиков малярии. Тяжело им в таких условиях работать, но с этим можно бороться. Я предлагаю, если правительство республики изыщет такую возможность, разрушить частные рисовые поля вдоль трассы канала, а хозяевам выплатить денежную компенсацию.

Юсупов сидел задумчивый, постукивая по столу пальцами.

— Мы хотели бы построить канал с малыми затратами материальных средств. Как бы не оказалось, что седло дороже коня.

— Можно мне? — снова попросил слова Белявский.— Ата, я вам приведу один пример. В колхозе имени Кирова Нарынского района трасса канала проходит через частные хозяйства, и нам пришлось выкорчевать два фруктовых сада. Каждому из хозяев обещано было выплатить по шестьсот тысяч рублей. И когда мы принесли им деньги, колхозники отказались от них. «Правительство нам воду дает, неужели мы за какой-то несчастный сад потребуем с него денег?!» Мало того, они зарезали телку и двух баранов, чтобы кормить рабочих и трактористов. Народ за рисовые поля не потребует денег. Вот увидите, сами их разрушат, только объясните, для чего это нужно.

Собрание порешило сформировать бригаду врачей и санитаров для проведения лекций среди населения о профилактических мерах по предотвращению вспышки малярии.

Выйдя из конторы штаба после окончания совещания, все обратили внимание на лежавших у дороги трех верблюдов. Они лениво пожевывали траву, не обращая внимания на пронесившиеся мимо грузовые машины, шум и крики людей. Чуть поодаль трое всадников — два молодых парня в расшитых золотом черных бархатных камзолах и старик киргиз лет семидесяти — поглядывали на вышедших.

Старик спешил и, подойдя к садившемуся в машину Юсупову, спросил:

— Жусупов здесь?

— И Юсупов,— ответил Усман-ата, с любопытством оглядывая старика киргиза.

— Так ты сам Жусупов! — обрадовался старик.

Подошли Белявский, начальник строительства Мирзаев и еще несколько человек.

— С каким делом приехали, аксакал?— поинтересовался Юсупов.

— Привел двух сыновей работать на строительстве канала. Две юрты, пять баранов и двух невесток взяли с собой. Вон там они,— указал в сторону старик киргиз.

Двое братьев спешили и подошли к отцу. Поздоровались со всеми, они встали за стариком, не вступая в беседу. Юсупов оглядел их с головы до ног — парни молодые, крепкие, настоящие батыры.

— Спасибо, отец! Большое спасибо! Юрты и бараны вам самому пригодятся,— улыбнулся Юсупов.— А за парней спасибо!

Юсупов подошел к парням, похлопал каждого по плечу и, обращаясь к Мирзаеву, сказал:

— Тешавой, вот тебе два сокола. Отдаю в твое распоряжение. Аксакал,— обернулся Юсупов к старику,— а теперь погостите у нас.

— Нет, сынок. Табун меня ждет. Вдвоем со старухой будем вести хозяйство ребят. Мне пора возвращаться.

Попрощавшись со всеми, Юсупов еще раз поблагодарил старика и быстро сел в машину.

Машина мчалась по тенистым, укрытым густыми кронами чинар улочкам. Юсупов сидел на заднем сиденье и думал о том, как сильно изменилась психология дехкана, этого бывшего частнособственника. Он был под впечатлением рассказа Белявского о хозяевах, не взявших денег за выкорчеванные сады и разрушенные дома. Этот простой и щедрый народ способен на великие дела. И что там деньги, имущество — жизнь отдаст, не пожалеет ради дела.

Для человека капля воды испокон веков была дороже всех сокровищ мира.

Спустя полчаса они доехали до станции Горчаково. Здесь народу собралось видимо-невидимо. Люди с мешками, с одеялами за плечами, с узлами в руках, с кетменями, сошедшие с только что подошедшего поезда, садились на арбы, автобусы, грузовые машины или шли пешком. По-

всюду транспаранты: «Построим канал за сорок пять дней!», «Пламенный привет строителям канала!» Плакаты и лозунги развешаны на здании станции и на пристанционной площади.

Юсупов, не вылезая из машины, некоторое время наблюдал за вновь прибывшими, затем вытер вспотевший лоб и шею платком и велел шоферу повернуть в Маргилан.

От Горчакова до Маргилана машина еле ползла. Дороги запружены народом. Пробираясь сквозь толпы идущих, едущих на арбах людей, они с трудом добрались до Учарыка. Юсупов остановил машину возле всадника, пившего кумыс. Это был Раимберды-тога. Увидев вылезавшего из машины Юсупова, Раимберды спешил и, даже не смахнув капли кумыса с усов, поспешил к Усману-ата.

— Что, жажда замучила, Раим? Как успехи?

После разговоров о житье-бытье Раимберды рассказал Юсупову о состоянии хлопковых полей, о ходе строительства канала на его участке.

— А твои-то люди где? В Наймане?

Раимберды кивнул.

— На днях обязательно заеду к вам! По слухам, дела у тебя неважные. Говорят, люди у тебя бегут?!

— Да нет, не было такого, Усман-ата!

— А выкравший невесту парень из твоего кишлака прославился на весь Куйганяр. Скоро ты о нем услышишь!

Раимберды засмеялся:

— Так вы о нем. Дурной, нехорошо он поступил. Кишлак свой опозорил на всю округу.

— Зачем ты так, — сразу посерьезнев, сказал Юсупов. — Что ему оставалось делать? Скоро вы услышите о нем. Так что гордиться надо, что он ваш земляк. Ну хорошо, езжай, не буду тебя задерживать.

Опять с трудом пробираясь сквозь толпы людей, арб, велосипедов, шофер без конца сигналил. Двигатель у машины натужно ревел. Мотор перегрелся, и вода закипела в радиаторе. Шофер залил в радиатор ведро холодной воды, но машина не заводилась.

Лошадь, оставленная Раимберды без привязи, щипля траву, ушла вдоль берега арыка. Подходя к коню, Раимберды услышал веселый хохот, доносившийся из чайханы. Сегодня встретил у книжного магазина известного поэта

Гафура Гуляма и его ученика Адхама Хамдама. Вероятно, они остановились в этой чайхане.

Ведь не зря Юсуфджан-кызык спешил сюда рано утром с ведром персиков. Раимберды, взяв за уздцы лошадь, направился к чайхане.

На противоположной стороне улицы в тени старых карагачей он снова заметил машину Юсупова. Привязав коня к дереву, он посмотрел в ту сторону, откуда доносился веселый смех. На деревянном помосте сидели несколько мужчин. Одного из них он знал — это был Гафур Гулям. Юсуфджан-кызык, несмотря на свои шестьдесят лет, выглядел бодрым, он рассказывал что-то смешное собравшимся поэтам. Глаза он подвел сурьмой, а поверх чесучового халата повязал розовый платок. Еще не седая коротко стриженная борода придавала его лицу округлость. Когда Юсуфджан-кызык что-то рассказывал, он высоко поднимал брови, как будто хотел рассмешить этим, и с улыбкой глядел в глаза. Сидевший позади Гафура Гуляма Адхам Хамдам, самый молодой из присутствующих, слушал всех сложив руки на груди, готовый по первому же сигналу услужить старшим. Глаза его так и бегали от одного к другому. Он жадно вслушивался в разговор маститых коллег. В самый разгар посиделок к чайхане подошел Усман Юсупов. Машина не заводилась, и он решил передохнуть в чайхане, выпить глоток холодного зеленого чая.

Пока грузный, но энергичный Юсупов подходил к ним, Гафур Гулям, считая неприличным при нем сидеть в майке, поспешно стал натягивать китель. Одевшись, он поднялся навстречу Юсупову, заведя руку за спину и делая какие-то знаки. Адхам Хамдам, поняв его жест, вытащил из-под одеяла еще не раскупоренные припрятанные бутылки и унес их куда-то.

Юсупов, сославшись на занятость, посидеть с ними отказался. Стоя выпил пиалу холодного зеленого чая.

— Гафур, завтра перебирайтесь в Куйганяр. Там сейчас самый ответственный участок работ. Пламенное слово поэта вдохновит людей на трудовые подвиги. Хамид, а ты поезжай в Вуадиль, — обратился он к поэту Хамиду Алимджану. — Ашрафи и Яшен уже там. Узнай, едет ли туда опера. Если чего не хватает, сообщишь нам.

Юсупов подошел к стоявшему в стороне человеку с широким лицом и круглыми навывкате глазами и, взяв его под руку, повел к машине.

— Здорово, что вы приехали, домулла Айбек. Вот если бы обо всем, что тут происходит, написать такую вещь, как «Священная кровь». Не поленитесь, проедьте по всей трассе, побывайте на всех участках, познакомьтесь с людьми. Ведь такой трудовой энтузиазм охватил народ, что не писать об этом грех. Вчера, домулла, в «Кызыле»¹ читал ваш очерк «Отцы». Хорошо написано. Побольше пишите. Слова писателей окрыляют людей.

Айбек обычно говорил чуть заикаясь. А сейчас, стоя рядом с Юсуповым, он совсем растерялся и от волнения не мог произнести ни слова. Заметивший это Гафур Гулям не удержался от того, чтобы не съязвить:

— Ата, с ним надо через переводчика разговаривать. Говори же, есть у тебя язык, в самом деле?!

Айбек сверкнул на него глазами и зло бросил: «У, задира!» Айбек в жизни никого не ругал, да и не умел ругаться. И самым грубым словом, когда он злился, у него было «задира».

Вместе со всеми засмеялся и Юсупов. Глядя на них, не удержался от улыбки и Айбек.

Юсупов сказал Гафуру:

— Я ведь не зря посылаю тебя в Куйганяр. Там один парнишка творит чудеса. Из Зириллы сам. В любой работе, которую выполняют там на участке, нет ему равных. Напишите об этом в газету. Пусть Сабир сочинит песню. Уста² положит их на музыку. Сам ты напишешь очерк или стихи о нем. Покажите этого парня народу. Хорошо?

Юсупов сел в машину и уехал.

Раимберды стало неловко оттого, что совсем недавно он жаловался Юсупову на Азизхана. А про этого парня сегодня складывают песни, видные поэты республики посвящают ему газели.

Он не знал, что его сейчас больше гложет — гордость за земляка или озабоченность. Удивительно, какой-то мальчишка, сорванец — сегодня у всех на устах. Как же обрадуется Умматали, когда он передаст ему эту радостную весть.

Раимберды вскочил на коня и галопом поскакал в Зириллему.

¹ «Кызыл» — газета «Кызыл Узбекистон».

² Уста — композитор Тухтасин Джалилов.

К середине лета Карадарья совсем обмелела. Оголилось высохшее русло реки, и торчат то там, то сям огромные камни, валуны.

В Куйганяре строительство плотины шло своим чередом. В сипайщиках теперь не было нужды, а требовались бетонщики да землекопы. Азизхана включили в бригаду землекопов, но он отказался. Азизхан искал себе какой-нибудь необычной работы, такой, что не под силу простому человеку. Правда, Белявский предложил ему переехать в Учкурган, но Азизхан не согласился. Причиной тому было то, что на Учкурганском участке работал Эш-палван со своей бригадой. Эш заявил: если Азизхан приедет сюда, я вместе с бригадой уйду в другое место. А Эш сдержит свое слово. Потерпевший от Азизхана дважды поражение, он очень переживал это. Перестал показываться на людях. Если Азизхан из упрямства поедет туда, то Эш может что-нибудь натворить. От него всего можно ожидать.

Азизхан не поехал в Учкурган не потому, что испугался Эша, а потому, что ему было жаль палвана. Ведь и Эш-палван приехал на стройку реабилитировать себя в глазах людей, прославиться. Так пусть он не теряет надежды. Да и Лютфиниса без конца твердила ему:

— Не связывайтесь вы с этим проклятым Эшем. Боюсь, какую-нибудь подлость сделает вам. Держитесь от него подальше.

И вот когда Азизхан решал, как ему быть, его окликнул Джура-палван, проезжавший мимо:

— Эй, парень, как поживаешь? Давно что-то о тебе ничего не слышал!

Азизхан поделился своими раздумьями и сказал, что хотел бы поработать в Лугумбеке в его бригаде.

— Вот буду рад. Можешь прямо сейчас собирать свои манатки.

— Вы только пригласите, я приеду.

— Тогда приглашаю, поехали.

И оба громко рассмеялись. Азизхан, пообещав приехать завтра поутру, попрощался с Джурой-палваном. Дома он застал Арзихон-ая одну за приготовлением ужина. Лютфинисы еще не было. Азизхан призадумался, не зная, как объяснить Арзихон-ая, этой доброй и милой старушке,

причину пересзда в Лугумбек. Он и Лютфиниса к ней привыкли, полюбили ее, как родную.

Глядя на немолодые морщинистые руки старушки, готовившие еду, он вдруг вспомнил мать.

К приходу мужа мать Азизхана всегда принакала какой-нибудь «сюрприз». За едой, и после, и даже ночью, когда, погасив свет, ложились спать, они подолгу спорили и ругались. И причиной всех этих ссор были шалости и проделки их сына, озорника и заводилы Азизхана.

Один из самых крупных скандалов произошел прошлым летом. Их сосед агроном Тухтавой откуда-то привез привой яблони и привил его к старой яблоне в саду. Дичок уже на следующий год дал первый урожай мелких кислых яблок. Азизхан на спор с друзьями вырвал с корнем эту яблоню в обхват с самовар. Тухтавой закатил такой скандал, что Азизхан и сам был не рад, что ввязался в этот спор. Вырванное с корнем дерево сосед отволок в контору правления колхоза и написал заявление председателю. Раимберды-ака, вызвав к себе Умматали, отца Азизхана, долго с ним беседовал.

— Так это же эксперимент, опыт, понимаешь? Тухтавой специально в Пржевальск ездил за привоем. А тут такое безобразие. Ты хоть немного приструни сына, а то он у тебя совсем от рук отбился.

Умматали от председателя вернулся сердитым. Азизхан никогда не видел его таким — лицо свирепое, глаза горят, тугими складками сошлись на лбу морщины. Отец всю жизнь честно трудился в колхозе, был бригадиром, кетменщиком и землекопом; ни от кого дурного слова не слышал. А теперь, на старости лет, за сына приходится краснеть. А что поделаешь? Один он у него единственный. Отшлепает его, а у самого душа износится. А не накажет сына, так тот пуще прежнего расходится. Придет с работы Умматали и все на жену с угрозами:

— Где твой негодник? Ох уж и задам я ему!

По сердитому тону мужа жена понимает, что сын что-то натворил.

— Был только что здесь, отец. Корову в хлев загоняет. Только не бейте его, отец, не бейте, очень прошу!..

— Сына нельзя бить, жена. Мальчик — это дар бога. В одной из арабских стран в день рождения мальчика, по специальному указу короля, до утра, салютуя, палат пушки. А в Индии в каком-то из княжеств женщина, родившая

мальчика, целый день кормит его грудью, восседая на княжеском троне. А где-то есть такая страна, где женщину, родившую мальчика, навещает с подарками королева и катает ее вместе с ребенком в своей карете по всему городу. Поняла, что значит иметь мальчика?!

Азизхан, глядя на Арзихон-ая, хлопчущую у очага, вспомнил мать, и настроение у него омрачилось.

Что я наделал? С какими глазами вернусь теперь в кишлак... Ведь мог же я, как и все мои сверстники, сыграть нормальную свадьбу, исполнив мечту родителей дать пир на весь мир? Бедняжки, как они теперь? Бедная, больная моя мама сидит на айване, подперев ладонями подбородок, и небось все глаза проглядела, посматривая на калитку. А отец, вероятно, от обиды и горя совсем похудел. Лежит, читает. Да и сил-то у него, наверное, нет читать газеты. Газеты в чайхане. А он, бедняжка, не то что дойти, выглянуть на улицу от стыда перед людьми не может. Сидит взаперти. Читал бы газеты, узнал бы о нем, о том, какие подвиги совершает его сын на стройке. Если бы Азизхан тогда не выкрал Лютфинису, все было бы спокойно и не мучил бы он родителей. Расстроил такую богатую свадьбу. Вероятно, брат Лютфинисы ходил к ним, угрожая расправой, если они не возместят убытки. Азизхан почему-то об этом подумал впервые. Как же они оплатят столь большие расходы? Если бы были деньги, не бежали бы они с Лютфинисой из кишлака, а сыграли бы такую свадьбу! Азизхан вскочил с места и заходил из угла в угол. Как же он, единственный сын, мог поступить так низко и подло по отношению к своим родителям, оставив их одних страдать и мучиться за совершенный им поступок? Нет, он поступил не по-мужски, не по-сыновьи.

Азизхан быстро вошел в комнату, открыл сундучок, в котором лежал узелок с деньгами, заработанными на состязании борцов. Взяв деньги, он вышел во двор. Бросил их на палас, опустился на колени и поспешно стал пересчитывать их. Арзихон-ая с удивлением смотрела на него:

— Что ты делаешь, сынок?

— Подождите, не мешайте, — чтобы не сбиться со счета, не поднимая головы, ответил он.

Пересчитав, он сложил деньги в одну стопку и тогда улыбнулся растерянной старушке.

— Восемьсот тридцать два рубля, — радостно сообщил Азизхан.

— Что ты с ними собираешься делать?

— Нужно, нужно, ая. Я сейчас.

Снова завернув деньги в узел, выбежал на улицу.

Азизхан отправился напрямик на почту. Все помещенные почты и даже коридоры и лестница были завалены газетами, письмами, бандеролями. Перешагнув через вороха газет, он просунул голову в окошко.

— Апа, могу я отправить в Зирилламу деньги?

Женщина в очках протянула ему в окошко бланк почтового перевода.

— Заполните это. Адрес пишите разборчиво.

Азизхан от быстрой ходьбы тяжело дышал и никак не мог отдышаться.

— Апа, дорогая. Заполните, пожалуйста... я вам продиктую.

Женщина взяла у него бланк, посмотрела на него поверх очков и стала ровным, красивым почерком писать под диктовку Азизхана.

— Вай-бай, такую большую сумму? Семьсот рублей?

— Пишите, пишите... у меня хватит денег и на отправку.

Женщина пересчитала их несколько раз, шлепнула на бланк штамп, заполнила квитанцию и, оторвав ее, протянула Азизхану.

— Апа,— умоляюще попросил Азизхан,— можно туда два слова добавить?

— Говорите,— все тем же официальным тоном сказала женщина.

— Папочка, простите меня. У меня все хорошо. Лютфи здорова. Деньги эти передайте Акбарали за свадебные расходы. Не хватит, еще подошлю.

С почты Азизхан летел как на крыльях. Словно этими деньгами он избавил своих родителей от волнений и забот.

— Лютфи, Лютфи! Все! Все! — закричал он с порога.

— Что все? — удивилась Лютфиниса, умывавшаяся в арыке.

— Брату твоему деньги отправил. Расходы за свадьбу.

Лютфиниса промолчала. За ужином Азизхан рассказал о разговоре с Джурой-палваном и о том, что им необходимо завтра утром переехать в Лугумбек. Арзихон-ая тут же всплакнула.

— Как же я теперь без вас-то? Мы так привыкли друг

к другу. Могли бы и здесь работать. Кто будет вам готовить еду там, помогать по хозяйству?

— Ну что делать, аяджан! И жильем и едой нас обещали обеспечить. Да и работа в Лугумбеке мне по душе. Цельзя не ехать. До окончания строительства канала осталось тридцать четыре дня. Надо успеть хорошо потрудиться, чтобы потом не жалеть. Конечно, мы вас не забудем, тетушка, будем вас навещать. А Лютфи, так и быть, пока останется с вами.

Арзихон-ая встала и, вытирая мокрое от слез лицо, ушла на кухню. Припесла в миске муки и немного дрожжей.

— Сейчас тесто поставлю, оно быстро подойдет. Не хорошо уезжать без хлеба. Испеку-ка я тебе лепешек на дорогу.

Стемнело. Лютфиниса запалила керосиновую лампу и поставила на полку. Со стороны Зеленого моста донеслась песня.

— Халимахон поет, — сказала, прислушиваясь к нежному голосу певицы, Лютфиниса.

— В Найман театр приехал, «Бай и батрак» привезли. Может, сходим? — спросил Азизхан.

Их перебила месившая тесто Арзихон-ая:

— Утром рано в путь, сынок. Спи, отдыхай.

Лютфиниса с Азизханом все еще спали поврозь. Азизхан, ложась в приготовленную ему на айване постель, пробасил:

— Рассчитался же с твоим братом. Пора и нам породниться.

Лютфиниса поднесла сложенные ладони к лицу, намекая на обряд бракосочетания, и, улыбнувшись, сказала ласково: «Спокойной ночи!»

Азизхан, обиженный, с головой накрылся одеялом.

Голос Халимахон доносился с противоположного берега реки из Зеленого театра и, проносясь над кишлаком, летел далеко-далеко.

Арзихон-ая, закончив печь лепешки, загасила огонь в тандыре и тоже легла спать. Азизхан долго не мог заснуть. Ему вспомнился родной кишлак Зириллама, мать, отец, дружки, с которыми бегал по пыльным улицам.

**Часть
вторая**

I

Участок Лугумбек считался самым трудным на трассе. Начал в том месте должен был пройти по возвышенности, и, естественно, стекавшую по крутому откосу воду нельзя было повернуть в сторону или запрудить небольшими плотинами.

При разработке проекта учитывались эти сложные природные условия. Чтобы уменьшить спадавшую с откоса силу потока, участок разделили на девять отрезков. Через каждые два-три километра вода сбрасывалась вниз с девятиметровой высоты. Строительство девяти таких ступенчатых перепадных водопадов требовало и большей затраты средств и людских сил. Раскопанную землю необходимо было вывозить вдоль трассы на несколько километров.

Составленные из андижанских силачей десятки бригад землекопов работали на этом трудном участке.

Азизхана взял в свою бригаду Джура-палван Гаипов.

Землекопам работалось трудно: отбрасываемая кетменями сухая земля поднимала тучи пыли, и ничего не было видно. Пыль садилась на потное лицо, шею, лезла в глаза. Сбросив чапан, Азизхан приглядывался к работающим, что-то прикидывая. Джура-палван работал в котловане. Он с такой силой выбрасывал вверх землю, что она, пролетев три-четыре метра, ложилась прямо на край котлована. Там двое парней из его бригады перебрасывали эту землю еще выше.

Азизхан не взялся ни за кетмень, ни за лопату. Постояв некоторое время в раздумье, он схватил большой канар¹ и крикнул Джуре-палвану:

— Ну-ка, устоз², кидайте сюда!

Джура-палван удивленно пожал плечами, но, поняв, что задумал Азизхан, заулыбался. Он немного накидал земли в мешок, подставленный Азизханом.

— Достаточно! Пока столько унеси!

Но Азизхан велел насыпать еще. Джура-палван с трудом помог взвалить на плечи парню наполненный до краев тяжелый мешок с землей. Копавшие рядом землекопы с любопытством наблюдали за ними. Они приостановили работу и удивленно качали головами, уверенные в том, что Азизхан с места не сдвинется с такой тяжестью.

— Эй, парень, не за дело взялся! Смотри надорвешься!

Азизхан крикнул, двинул плечом, подправляя мешок, и не спеша стал подниматься по доске, проложенной из котлована вверх. Все разинув рты глядели, как уверенно поднимается парень по наклонной доске. И когда он добрался до края, у кого-то вырвалось: «Вот это сила!» И никто из палванов не возразил.

Юлдаш Ахунбабаев примостился на стуле под тутовым деревом на вершине холма. Сверху хорошо проглядывался весь строительный участок. К стволу дерева прикреплен телефон для связи со штабом и другими участками. В руководстве работой стройки ему помогает председатель райисполкома Усманходжаев.

Ахунбабаев, заметив парня, несущего на плечах огромный канар, даже привстал со стула. Сквозь пыльное марево едва проглядывалась крепко сбитая фигура.

— Вы не знаете, кто это? — спросил Юлдаш-ата Усманходжаева.

Тот удивленно развел руками.

— Попросите-ка его сюда! Посмотрим, что там за батыр объявился!

Спустя некоторое время Азизхан с пустым мешком в руках стоял перед Ахунбабаевым.

— Так это ты? — удивился Ахунбабаев, узнав Азизхана. — Нисколько не бережешь себя. Прекрати!

¹ Канар — мешок.

² Устоз — мастер, учитель.

Азизхан улыбнулся:

— Ата, не сегодня-завтра построим канал. Надо поработать, пока есть такая возможность. Потом ведь жалеть будем.

— Сколько поднимаешь?

— Не знаю, не взвешивал. Сколько нагрузите, столько подниму.

Ахунбабаев с серьезным видом подошел к парню, пощупал мускулы на его руках, похлопал по плечу.

— Уж не железный ли ты человек? — сказал он с улыбкой. — А ведь мешок с землей очень тяжелая штука. Смотри не надорвись! Ты еще молодой!

Азизхан согласно кивнул Юлдашу-ата и снова спустился в котлован.

Сверху принесли еще два таких мешка. Пока Азизхан относил канар с землей наверх, двое парней наполняли другой. Азизхан не спешил, но и не медлил, работал в размеренном темпе.

Работавшие наверху землемеры с восхищением поглядывали на сильного парня, после каждой ходки которого росла гора земли. Пробыли на обед. Азизхан взваливал на плечи очередной мешок. Все побросали лопаты и кетмени, но, прежде чем подняться наверх, уступили дорогу Азизхану. Он ловко, как по канату, взбежал по прогнувшейся доске и, шмыгнув сквозь толпу спешащих в чайхану людей, небрежным движением сбросил с плеч мешок. Канар тяжело шлепнулся на землю, подняв тучи пыли, как взорвавшаяся бомба.

Азизхана тут же окружили люди и, приветствуя, зааплодировали. Из толпы навстречу ему вышла в красивом нарядном платье, украшенном сверкающими бусами и еще какими-то блестящими украшениями, известная певица Халима Насырова и протянула наполненную до краев пиалу с айраном:

— Выпейте, палван-ука! ¹

Радостный Азизхан взял из рук прославленной артистки чашу и, залпом осушив ее, передал пиалу хозяйке. Он узнал Халиму Насырову, народную артистку СССР, удостоенную этого звания одной из первых среди узбекских актрис. В народе говорили, что ее голос пленяет самого соловья. Слышавшие песни в ее исполнении по радио или

¹ Ука — младший брат.

на пластинках мечтали хоть разок, пусть даже издали, взглянуть на нее. А Азизхан не только видел Халимахон, но и пил из ее рук айран. Честно признаться, перетаскав до обеда пятьдесят четыре мешка, он изрядно устал, и у него даже побаливала поясница, но от такого почета он совсем забыл про усталость. И он был готов работать с еще большей энергией, чтобы заслужить снова внимание известной певицы да принять из ее рук чашу, наполненную прохладным напитком.

Азизхан, провожаемый восторженными взглядами, направился к чайхане, а Халимахон вслед ему запела своим сильным и звонким голосом. Сияющий от счастья, Азизхан остановился посреди дороги, слушая певицу.

Песня была о легендарном Фархаде, который для своей возлюбленной Ширин свернул горы и прорыл канал, чтобы привести в пустыню воду. Азизхан стоял гордый и довольный собой.

День для Азизхана прошел как во сне. После обеда он перетаскал еще восемнадцать мешков.

В Лугумбеке протекала небольшая речка. Вдоль ее берега, заросшего густой травой и обсаженного тополями, разместились чайханы, пекарня и столовая. Возвращаясь с работы, рабочие по пути в чайхану купались или просто умывались в этой речке.

Азизхан тоже решил искупаться. В воде несколько парней плескались, плавая наперегонки против течения. Азизхан не спеша разделся — вспотевшее тело было грязным от налипшей пыли. Прыгнул в воду и поплыл туда, где было поглубже. Вдруг на берегу он заметил Джуру-палвана.

— Эй, парень! Вот ты где! А я обыскался. Хватит, вылезай из воды! Тебя всюду разыскивают!

Первое, о чем подумал Азизхан, что приехали родители. Неужто разыскали его? Получили денежный перевод и сразу приехали. Нашли по обратному адресу.

Не вытираясь, он натянул штаны и рубаху на мокрое тело, и они с Джурой-палваном поспешили в чайхану.

Возле пекарни двое молодых парней о чем-то оживленно беседовали. Один из них, тот, что в очках, при виде их пошел к ним навстречу. Достал из кармана папиросу, спички, закурил. Азизхану показалось, что этого человека он уже где-то встречал.

— Вот познакомься! Это наш известный поэт Гафур-

ака Гулямов. Специально приехал сюда поговорить с тобой, — представил человека в очках Джура-палван.

Азизхан так опешил, что от растерянности протянул сразу обе руки. Он читал рассказы и стихи Гафура Гуляма. А в школе они изучали поэму Гуляма «Кукан-батрак». Особенно ему полюбились повести «Ядгар» и «Замешательство». Он с удовольствием перечитывал их по нескольку раз. В его представлении Гафур Гулям должен был быть каким-то необычным, не таким, как все люди. И разве мог Азизхан даже мечтать о встрече с таким именитым человеком. А Гафур Гулям сам разыскал его и хочет поговорить с ним.

Поэт оглядел парня с головы до ног, как бы прикидывая взглядом, действительно ли перед ним герой, о силе которого на стройке столько всяких слухов ходит.

— Джуравой-ака, вы меня обманываете! Обещали познакомиться с палваном, а привели какого-то мальчишку! — сказал он вдруг.

— Э, мулла Гафур, этот парень из тех, о которых говорят: неважно, что мал, зато удал.

Гафур Гулям снова недоверчиво осмотрел Азизхана.

— Вчерашнюю газету читали? — спросил он вдруг Джуру-палвана. — Там об одном палване из Учкургана очерк напечатан. Вот это герой так герой! Настоящий силач!

— Конечно, читал, — ответил Джура-палван. — Это об Эше. Он тоже нашего роду-племени. Но с тех пор, как на стройке появился этот парень, слава Эша стала закатываться. Этот малец уже дважды клал Эша-палвана на лопатки. Тот теперь от стыда в наших краях и не показывается. Из Учкургана и не вылезает.

— Значит, Эша-палвана теперь только в Учкургане и надо искать? — улыбнулся Гафур Гулям.

Все трое засмеялись.

— Вот что, парень, — сказал Гафур Гулям. — Руководители штаба просили написать о тебе хороший очерк. Так что тебе придется рассказать о себе все по порядку.

— А о чем мне говорить? Вот что устоз скажет, о том и пишите. Я, кроме своей работы, ничего не знаю.

— Это ты, брат, позволь мне выудить из тебя то, что мне интересно. С такими, как ты, героями я не раз беседовал. Джуравой-ака, проводи-ка нас в какое-нибудь укромное местечко, чтобы мы спокойно могли поговорить.

И Джура-палван отвел их в здание сельсовета.

Вечером строители отдыхают. На площади шум и хохот. Там выступают знаменитые комики Юсуфджан-кызык и Ахуджан-кызык.

В чайхане человек десять слушают лектора, прибывшего из Ташкента. Кажется, тема лекции «Реалистические мотивы в опере «Пиковая дама» не волнует их душу: несколько человек дремлют, а те, что бодрствуют, прислушиваются к тому, что творится на открытой площадке. Они бы ушли, но рядом с лектором, в президиуме, сидит секретарь райкома. Правда, и он незаметно от всех, прикрыв рот рукой, беспрестанно зеваает.

В небе ярко вспыхивают ракеты — красные, зеленые, желтые, освещая все вокруг разноцветным сиянием.

II

Дни стояли жаркие. Ни ветерка, ни дождичка. Чем глубже котлован, тем труднее работать. От духоты пот градом лил с землекопов. Мальчишки едва успевали носиться вверх-вниз с холодным зеленым чаем в чайниках и ведрах. Азизхан не знал, куда себя деть от жары. Соленый пот медленными струйками стекал по лицу, щипал глаза, во рту пересыхало, и беспрестанно хотелось пить. Темп работы намного упал. Работавшие в котловане через каждые полчаса поднимались наверх подышать свежим воздухом.

К вечеру опускалась прохлада. К тому же выдались ясные лунные ночи, и можно было спокойно работать без факелов. Согласовав с начальником участка, Джура-палван поменял время работы своей бригады на ночное.

— Ночью меньше пыли и воздух свежей. Поработайте несколько дней. Завтра с утра отдохайте.

Азизхан, вернувшись вечером с работы, умылся и собрался было идти к Лютфинисе в Киргиз-аул, но, вспомнив, что он завтра днем свободен, передумал. После ужина он вошел в палатку и не раздеваясь лег спать, но заснуть никак не мог — огнем горели обгоревшие на солнце плечи и разболелась голова. Ворочаясь и вздыхая, под конец он заснул. Утром, когда его разбудили соседи по палатке братья-киргизы, Азизхан насилу встал с постели.

Постоял, потянулся несколько раз, набросил на плечи полотенце и отправился к арыку умываться. Проходя ми-

мо медпункта, расположенного не вдалеке от их палатки, он поздоровался с медсестрой, которая из ведра поливала площадку перед входом в медпункт. Вазира, так звали медсестру, долго глядела ему вслед.

Вазира раньше работала санитаркой в Байтокской районной больнице. И когда на Лугумбекском участке были открыты четыре медпункта, Вазиру назначили медсестрой. Она помогала рабочим на стройке: кому мазь от солнечных ожогов даст, кому рану перевяжет, всех подряд пичкает таблетками акрихина. Больше всех возле нее крутились молодые девчата, выпрашивая у сестры разные кремы и мази от веснушек.

Вазира ставила стул перед входом в медпункт, прихорашивалась и сидела, привлекая внимание парней. Даже Гафур Гулям не смог спокойно пройти мимо этой красавицы. Глядя на ее белое и нежное лицо, на алые губы, на темные, как виноградинки «чарас», глаза, он не удержался от того, чтобы не написать стихи:

Лицом луноликая, губки алые,
Ты прекрасна, как нежный рассвет.
Брови черные, глазки карие,
Ах, не будет покоя мне, нет!

Только один Азизхан до сих пор оставался равнодушным к ней. Его не пленили ни красивые миндалевидные глаза, ни ее нежный звонкий голосок. Вот и сейчас он равнодушно прошел мимо нее. Умывшись до пояса, на ходу вытирая полотенцем мокрое тело, Азизхан вернулся к себе в палатку. Достав из-под подушки рубаху, он заметил, что оторвана пуговица. Братья-киргизы имели все необходимое в своем хозяйстве, но они не смогли отыскать иголку с ниткой. Не дожидаясь, пока они найдут нитки и иглу, он надел рубашку и направился в медпункт.

— Сестричка, дайте мне, пожалуйста, иголку с ниткой, пришить пуговицу.

Вазира радостно улыбнулась:

— Вай, палван-ака. Вам, мужчинам, не к лицу держать иголку в руке. Давайте я сама пришью. Снимайте рубаху.

Азизхан повернулся к ней спиной, стянул с себя рубаху и протянул девушке. Вазира с восхищением смотрела на мускулистые сильные плечи парня, на его крепкую ладную фигуру, на налитые свинцом мускулы, потом взя-

ла рубаху и ушла к себе в вагончик. Азизхан сел на стул, задумался.

Почему-то эта женщина равнодушна к нему. Стоит Азизхану пройти мимо, обязательно окликнет его и первой поздоровается. Повстречав Азизхана, старается вовлечь в разговор. Да и глядит всегда на него как-то странно, кокетливо щуря глаза. Обязательно найдет причину для встречи с ним. «Вам необходимо пройти медосмотр!» — скажет она. А потом подолгу слушает его сердце, прижавшись ухом к груди Азизхана. А у Азизхана кружится голова от ее прикосновений, приятного душистого запаха волос и сладко немеет тело. В такие минуты Азизхан не торопится уходить. Не спеша одевается, медленно застегивая пуговицы рубашки.

Азизхан вздрогнул от крика, который доносился из вагончика:

— Вай, вай, умираю, помогите!

Азизхан стремглав влетел в медпункт. Вазира носилась по комнате, тряся халатом.

— Ой, мамочка, что мне делать, оса влетела за шиворот.

Как бы не замечая, что рядом находится мужчина, она сорвала с себя халат и отбросила. Азизхан остолбенел. Белое, как атлас нежное тело Вазиры все трепетало. Азизхан впервые увидел женщину в одном нижнем белье. У него закружилась голова. Он сделал к ней несколько шагов. Вазира, испугавшись, растрепавшимися волосами прикрыла грудь.

— Не подходите ко мне! Не подходите! — зашептала она, но в ее голосе он не уловил протеста.

Азизхан потупился. Спросил:

— Куда она вас ужалила? — Голос его дрожал.

— В плечо ужалила, проклятая.

Азизхан, виноватый и смущенный, что стоит перед почти раздетой женщиной, повернулся и направился к выходу.

— Подайте мне халат, пожалуйста, — услышал он за спиной голос Вазиры.

Сгоряча она отшвырнула халат к самой двери. Азизхан поднял халат, и из него с жужжанием вылетела оса. Опустив глаза, он протянул женщине халат. Та крепко схватила его за руку. У Азизхана кровь прихлынула к лицу, и он сам не заметил, как стиснул ее в своих объять-

ях. Он неумело, но страстно целовал ее, гладил огромными ручищами ее плечи, спину. Она не в силах была сопротивляться ему.

С улицы донесся шум подъехавшей машины, и Азизхан бессильно опустил руки, испуганно отстранил Вазиру от себя, но женщина обвила руками его шею и не выпускала из своих объятий.

Что творилось в душе этой женщины, Азизхан не представлял себе. Он легко разомкнул руки и, схватив рубаху, выскочил из медпункта.

По дороге, напылив, проехала грузовая машина. Азизхан немного успокоился. Он сейчас не мог даже вспомнить, зачем приходил к Вазире,— рубаху он так и держал в руке. Очнувшись, он поспешно надел ее.

Чайханщик, набиравший воду из арыка, многозначительно подмигнул ему. Азизхан, покраснев, отвел взгляд.

Из медпункта вышла Вазира. Волосы уже были туго стянуты косыпкой, глаза ее радостно светились, и весь ее вид говорил: «Ну что, одолела-таки тебя, парень!»

Азизхан старался не глядеть на нее.

— А вы, оказывается, смелый,— насмешливо заметила Вазира.

Азизхан не нашелся что ответить.

— Муж узнает, обоих нас прирежет. Он у меня страсть какой ревнивый.

Муж Вазиры был старше ее на восемнадцать лет. Он уже был раз женат. То ли он развелся с первой женой, то ли она ушла от него.— никто не знал. Человек замкнутый, немногословный. За целый день, что он бывал дома, из него и слова не вытянешь. Когда сердился на жену, ни слова не говоря, грозно стучал по столу кулаком. В последнее время он запил и вечерами пропадал в пристанционном буфете, возвращался домой далеко за полночь.

И вот такая цветущая молодая женщина, тоскующая по ласке и нежности, жила с пьяницей и забудыгой. Она пошла работать в больницу в надежде, что за работой с людьми забудет о своей горе, старалась чаще дежурить в ночную смену. Когда женщины рассказывали о семейной жизни — о мужьях, о детях,— она молча слушала, не вступая в разговор.

Узнав о начале строительства канала, Вазира с охотой

согласилась работать в медпункте на одном из участков трассы. Азизхана она встретила на второй или третий день после приезда его на участок. Увидела — и тревожно забилося сердце. Она полюбила этого парня с первого взгляда. Но парень не отвечал ей взаимностью. Стараясь понравиться ему, стала еще больше следить за собой, купила новые наряды. Часто поджидала его на дороге. В общем, искала любой повод, чтобы лишний раз встретиться с ним. Через неделю она просто перешла к атаке. Кто-то из подруг сказал ей, что Азизхан приехал на стройку с невестой. Она так расстроилась, что несколько дней не выходила на улицу, потеряв всякую надежду завоевать сердце любимого. Но как Вазира ни старалась забыть, выбросить Азизхана из головы, не смогла этого сделать. И тогда решила любым способом завлечь его.

И кажется, она уже была близка к своей цели. Это был первый шаг на пути к осуществлению задуманного плана.

III

Умматали с женой кое-как добрались до правления колхоза и застали Раимберды садящимся в свою «эмку». Завидев стариков, председатель вылез из машины.

— Здравствуйте! На ловца и зверь бежит. Я как раз собирался вас навестить.

Муж с женой удивленно переглянулись. Вид у Умматали был озабоченный, встревоженный, а глаза его жены заплаканные.

— Э, Раимберды-тога, от стыда не знаем, куда себя деть. Тут, мне кажется, совсем нехорошо получается. Понимаешь, вчера получили наконец весточку от сына. Деньги нам прислал. Много денег. Не знаю, откуда он их взял?.. Деньги немалые — семьсот рублей. Просит уплатить Акбарали за свадьбу. С утра с женой сходили к Акбарали, выложили деньги: вот, мол, получи за расходы на свадьбу. Что было между нами, то прошло. Пусть уж казан останется закрытым. Акбарали швырнул мне их в лицо. Отдай, говорит, эти деньги жениху, а я позор свой только кровью смою. Ну и потащились мы со старухой в Маргилан. Разыскали жениха, он там на базаре в лавке торгует. Он и говорит: «Денег ваших мне не надо. Лучше найдите мне мою жену, если хоть день с ней, как с женой,

не проживу, можете не считать меня больше мужчиной. А с твоим трусливым сыном я сам рассчитаюсь...» Совсем голову потеряли мы. Как бы они что-нибудь не натворили.

Раимберды их успокоил:

— Скажу тебе, Уммат, ты не волнуйся. Сын твой в безопасном месте. Работает на строительстве канала и такие чудеса там творит, что Усман-ата сам лично обещал после завершения стройки молодым свадьбу сыграть. Смотрел сегодняшнюю газету «Кызыл Узбекистон»? Там Гафур Гулям о нем очерк написал. На всю республику прославил.

— Да сбудутся ваши слова,— сказала жена Умматали.

— Я сейчас занят колхозными делами, строительством на нашем участке. А в те края не выберусь в ближайшее время. Сам знаешь, Уммат, в поле некому выходить. А не проследишь за хлопком, осенью как в глаза людям смотреть? Найдете нужным, поезжайте к сыну, поздравьте с успехом, дайте свое родительское благословение. Можете взять мою машину.

— Хорошо,— ответил Умматали.— Раз так считаете, поедем.

Весть, которую сообщил старикам председатель, успокоила их. Договорившись, что завтра утром шофер Раимберды свозит их проведать сына, они отправились домой.

С вечера старуха поставила тесто. Собрала сыну чистое белье. Умматали, взяв давно стоявшие в углу на айване сапоги с заткнутыми в них портянками, стал натирать их луковицей, обмакивая ее в сажу. Жена тем временем сходила на базар, купила сыну новую тубетейку.

Уже в полночь старуха напекла в тандыре лепешек.

Рано, еще не рассвело, у калитки засигналила «эмка». Муж с женой, нагруженные узлами, вышли из дома и сели в машину.

Мать есть мать. Сына она не видела дней пятнадцать—двадцать, но за этот короткий срок от тоски и переживания похудела, лицо осунулось и пожелтело. Ей хотелось скорее увидеть свое дитя, прижать его к груди.

В районном центре шофер остановил машину долить в радиатор воды, и через минуту они опять мчались по шоссе. Умматали, сидевший рядом с шофером, любовался дорогой. Жена на заднем сиденье, держась обеими рука-

ми за узлы, думала о чем-то своем. Солнце припекало, и воздух и черная машина прогрелись так, что от духоты невозможно было дышать, не помогали даже открытые окна. Мать Азизхана, не спавшая всю ночь, задремала.

Когда, проехав Андижан, добрались до Кошарыка, двое конных преградили дорогу. Шофер, сигналив, пытался объехать их, но те не уступали пути. Наконец всадники, выругавшись, съехали на обочину. Умматали узнал одного из них — это был Акбарали, брат Лютфинисы. У него тревожно закололо сердце в предчувствии чего-то недоброго. Шофер кивнул на всадников — вероятно, и он узнал Акбарали. Но старик, чтобы не заметила жена, приложил палец к губам.

Только что ласкавший взгляд прекрасный пейзаж — бескрайние хлопковые поля, небольшие базарчики в тени карагачей — уже не радовал его.

Умматали все думал о брате Лютфинисы: «Что он тут делает? После свадьбы ведь так и не выходил из дому. Заперся, как отшельник, и никого не впускал. А может, он собрался исполнить свою угрозу?»

От этих мыслей у Умматали сильно защемило сердце. Шофер прибавил газу, и машина понеслась по шоссе еще быстрее. Притормозив у Куйганярского моста, они спросили какого-то старика, который за веревочку вел барана, как проехать на седьмой участок. Тот показал дорогу на Лугумбек.

Проехав до переезда, шофер заметил, что опущен шлагбаум. С товарных вагонов сгружали мешки с цементом и другие строительные материалы. Впереди стояли две машины и несколько телег, груженных мешками. Только пешие пролезали под вагонами на другую сторону, а конные и верхом на ишаках обходили состав с конца.

Умматали одолело беспокойство. По обе стороны переезда уже скопились вереницы арб, грузовых машин; беспрестанно сигналив, они пугали лошадей. Те испуганно шарахались, и арбакени бранились. Машинист паровоза спокойно покуривал, поглядывая на кричавших и шумевших людей. В вагонах было много груза, и едва ли менее чем за час его разгрузят. Пока шофер ходил выяснять, есть ли другая дорога на Лугумбек, «эмку» со всех сторон обступили телеги. Ему посоветовали ехать через Майгир, но предупредили, что это немалый крюк.

— Сынок, поедем через Майгир. Только скорее. Не-
добрые мысли приходят мне в голову, — беспокойно ерзал
Умматали.

Теперь оказалось, что машина не сможет тронуться с
места — со всех сторон стояли арбы и машины.

— Сделай что-нибудь, сынок. Будь добр, попробуй
выехать.

Шофер Раимберды бывалый водитель, но и он после
тщетных попыток выбраться опустил руки.

Четверо здоровенных парней у переезда таскали боль-
шие мешки с арбузами, разгружая арбу. Шофер постоял,
подумал, почесывая затылок, и все же решился подойти к
ним.

— Братцы, помогите. Сделайте доброе дело. Давайте
впятером развернем мою машину.

Один из парней, невысокого роста, головастый, с удив-
лением посмотрел на него, потом на «эмку» и, улыбнув-
шись, сказал: «Давайте попробуем!» Умматали с женой
вылезли из машины. Парень, бросив пустой мешок, по-
звал своих дружков. Обошел машину сзади и взялся за
бампер, поднатужился — «эмка» приподнялась сантимет-
ров на двадцать.

— Пойдет. Впятером запросто справимся. Ну-ка, да-
вайте, ребята!

Все разом взялись за машину. Она заскрипела, но ото-
рвалась от земли. Развернув машину в обратную сторону,
они оттащили ее на край дороги. Отряхивая пыль с хала-
та, невысокий парень сказал дружкам с укором:

— А считаете себя палванами. С трудом впятером
сдвинули с места. Был бы сейчас Азизхан-палван, он бы
одной левой рукой ее вытащил.

Эти слова слышал и Умматали, и шофер. Многозначи-
тельно переглянулись.

Поблагодарив ребят, они снова сели в машину и по-
ехали объездным путем в Лугумбек.

По пути им то и дело попадались палатки строителей,
передвижные мастерские по ремонту кетменей и лопат,
временные столовые. А при выезде из Куйганяра, увидев
на столбе портрет сына, Умматали разволновался. Под
портретом прибит лозунг: «Равняйтесь на передовика
Азизхана-палвана!» У Умматали слезы навернулись на
глаза от радости, он повернулся к жене, а та все еще
смотрела на портрет через заднее стекло машины.

Разве думал Умматали, что его озорник, сорвиголова станет гордостью всего народа.

Машина, подпрыгивая на ухабах, доехала до Хаккулабада и свернула вправо. Отсюда до Майгира было всего полчаса езды. У кишлака Туячи «эмка» снова нагнала тех двух конных — Акбарали и жениха. Шофер поддал газу, и всадники скрылись в туче пыли, поднятой промчавшейся машиной.

Чем ближе подъезжали к Лугумбеку, тем больше людей попадалось на пути. Бесконечные вереницы арб, верховых двигались по дорогам. Десятки тысяч людей копали кетменями канал, таскали носилками землю. И целые горы земли протянулись вдоль строящейся трассы.

Шофер остановил машину в кишлаке Корягды-мазар. Дальше дорога была плохой, и было рискованно по ней ехать.

— Я буду здесь вас ждать. Можете не торопясь сходить. Это недалеко. Раимберды-ака отпустил меня на целый день. Лишь бы до вечера вернулись обратно. Я тоже немного погуляю, — сказал шофер.

Муж с женой с узлами в руках, неторопливо обходя кучи насыпанной земли, отправились искать сына.

Был полдень. В эти часы воздух в Лугумбеке такой горячий, что трудно дышать. К тому же от выбрасываемой из котлована земли в воздухе висело пыльное облако, и все тонуло в желтом тумане. Люди узнавали друг друга по голосам.

Кого бы Умматали ни спросил о сыне, каждый объяснял, куда идти. И особенно удивило его то, что никто из них не переспросил: а кто такой Азизхан? Нет ничего радостнее для отца, чем слава сына. Многие люди, приехавшие на стройку, совершенно незнакомые ему, как только Умматали спрашивал о сыне, радостно отвечали: «О, Азизхан — наш герой! Он в бригаде Джурры-палвана».

Старик со старухой с трудом передвигали ноги от усталости. В калоши старухи набился песок, мешая идти. Умматали весь взмок от жары.

— Вижу, устала, женушка. Ты посиди вот здесь, под лвой, а я найду и приведу сына.

Умматали больше тревожился, что те двое — Акбарали и магазинщик-жених — доберутся до Азизхана раньше его и что-нибудь сделают с ним.

— Почему вы думаете, что я устала? — заупрямилась жена и быстро засеменила за ним.

Умматали не говорил жене, что видел по пути Акбарали, узнает — ведь от страха сознание теряет.

Умматали остановил пробежавшего мимо мальчишку с почтовой сумкой на боку.

— Сынок, не покажешь, где Азиз-палван работает?

Мальчишка остановился. Посмотрел на Умматали и часто-часто заморгал глазами.

— Атахон, вы отец Азизхана-палвана?! Я сразу узнал вас. Пойдемте, покажу.

Мальчишка шел быстро, увлекая их за собой, и взахлеб рассказывал об их сыне. Старик со старухой еле попевали за ним.

— Читали вчерашнюю газету? Гафур Гулям написал о нем. Так расхвалил. Легендарным Рустамом назвал. Сегодня, наверное, нет такого человека, который бы не слышал об Азизхане-ака. Многие хотят его увидеть. Вот и сейчас в Ишан-кишлаке его двое мужчин спрашивали. По виду не здешние.

У Умматали екнуло сердце. Ноги будто свинцом налились.

Выходит, Акбарали разыскивает его сына. Хочет отомстить ему.

— Скорей, сынок, скорей! — задыхаясь, прохрипел Умматали.— Веди нас к Азизхану. Быстрее шагай, сыночек.

— А вы же и так едва поспеваете за мной, атахон!

— И побежишь, поспею,— говорил Умматали, хватаясь за сердце и поспешая за мальчишкой. Он уже не обращал внимания на отставшую жену. Тяжело дыша, почти бежал он за мальчиком-почтальоном.

IV

Мальчишка-почтальон повел Умматали к выросшей новой горе земли. Внизу землекопы копали траншею, и их вспотевшие плечи блестели на солнце, то исчезая в клубках пыли, то вновь появляясь.

— Вот здесь, атахон, подождите. Ваш сын поднимется сюда вот по этой доске. Видите гору земли, ее Азизхан-ака один перетаскал с утра.

Умматали только теперь заметил, что стоит на высокой земляной насыпи. Сквозь пыльную пелену он разглядел, как из глубины котлована с мешком земли за плечами не спеша поднимается по деревянной доске какой-то парень.

— Вот это и есть Азиз-палван! — гордо сказал мальчишка.

Умматали с опаской глянул вниз. Приставленная наискось к возвышению доска прогибалась под тяжестью, но Азизхан уверенно нес на себе груз, в два раза превышавший его по размерам.

Согнувшись под тяжестью мешка так, что не было видно лица, он поднимался все выше по доске. «Хорошо, что мать отстала. Увидела бы его сейчас, не знаю, что с ней было бы», — подумал Умматали.

— Азиз-палван таких насыпей, как эта, уже семь насыпал. Он один выполняет работу десяти человек.

Вслед за Азизом-палваном стали подниматься еще двое. Братья-киргизы — помощники Азиза-палвана. Они, пока Азизхан-ака снесет мешок, наполняют другой.

Азизхан уже поднялся наверх и шел по направлению к насыпи, на которой стоял Умматали. Он шел с грузом, низко опустив голову и глядя только перед собой. Умматали хотел окликнуть сына, но вовремя одумался — Азизхан мог оступиться и сорваться вниз. Азиз-палвац, поднявшись на насыпь, легким движением сбросил с плеч канар, и тот тяжело шлепнулся на землю. Азизхан взялся за два конца мешка и стал вытряхивать землю.

Заметив отца, стоявшего на насыпи, он так опешил, что не мог сдвинуться с места. У Умматали от радости защипали глаза и сдавило сердце. Ему показалось, что сын здорово похудел, ввалились щеки и глаза.

— Отец, вы?..

— Я, сынок, я...

Умматали бросился к сыну с раскрытыми объятьями, но ноги его увязли в сыпучей земле, и он повалился на бок. Азизхан подбежал, поднял его за руку и все приговаривал: «Хорошо, что приехали, отец! Хорошо, что приехали! Как мама? Как там в кишлаке? Уж простите меня, отец. Ну созорничал я. Не обижайтесь на меня!»

Умматали, не в силах произнести ни слова, только крепче прижимал к груди сына и гладил его сильные, покрытые пылью плечи.

— Мама тоже здесь, сынок. Сейчас придет. Она отстала. Трудно ей подняться на такой высокий холм.

— Можете меня не ждать, пообедайте сами...— крикнул он двум парням, поднявшимся вслед за ним, и побежал, пыля по дороге, к школе, где его ожидала мать.

— Ох ты, озорник мой, озорник! — бормотал Умматали, спускаясь с насыпи следом за сыном. Жена Умматали, изнуренная бесконечным хождением под солнцем, сидела в тени дерева.

Увидев бегущего сына, старуха вскочила с места и, побросав на землю узлы, которые так бережно везла всю дорогу, кинулась ему навстречу. Платок слетел с ее головы, редкие поседевшие волосы, заплетенные в одну косу, растрепались.

Она крепко обняла сына и целовала его грязное, потное лицо, и слезы радости катились по ее щекам.

— Ох, сынок, родной ты мой!

— Не плачьте, мамочка. Я ведь живой, невредимый. Ничего со мной не случилось.

Старуха все сильнее сжимала сына в объятьях, гладила его волосы, всматриваясь в знакомые черты лица.

— Как ты похудел, сынок. Ты только взгляни на себя. Да и одежда на тебе вся истребалась. Чем ты тут питаешься, глупенький ты мой? Бродишь где-то, заставляя материнское сердце обливаться горючими слезами.

Подожел Умматали.

— Довольно причитать, старуха. Дай отдохнуть человеку, ведь я его прямо с работы увел.

— Ну постой, дай мне взглядеться на тебя досыта, сынок.

Что-то вспомнив, старуха вдруг обиженно надула губы и нахмурилась:

— Послушай, негодник. Куда ты чужую невесту увел и бросил? Где она? Или ты ее не увозил? Пусть все нехорошие люди умрут от стыда, что наговаривают на тебя, будто ты выкрал невесту со свадьбы. И чем только не грозятся тебе! И чего нам только не пришлось выстрадать.

Азизхан виновато опустил голову.

Умматали, желая не тревожить более Азизхана, старался перевести разговор на другое.

— Деньги твои получили, сынок,— радостно заговорил он.— Пошли к председателю — машину нам дал. Сказал,

чтобы съездили, проведали. Просил передать, что он на тебя не в обиде и чтоб ты, не беспокоясь, работал так же хорошо.

— Да, так и велел передать. Не переживай, сынок. А где же Лютфиниса?

— Здесь она... На стройке работает.

Старуха вдруг шлепнула себя ладонями по щекам:

— Ох, стыд-то какой! Без свадьбы, и без муллы, и без родительского благословения?

Азизхан, не поднимая головы, ответил:

— Ну что вы так переживаете, мама. Неужто вы могли подумать, что я женюсь без вашего благословения?

Умматали заметил, что сын повзрослел, набрался ума-разума, стал степенным, рассудительным за то время, что он его не видел.

— Мне надо поговорить с тобой, сынок. Отойдем куда-нибудь в сторонку. Мать, а ты ступай не спеша к машине, отдохни, пока мы с ним поговорим.

— Что же это у вас за секреты такие, что надо скрывать от матери? Говорите. Я тоже послушаю.

Умматали задумчиво почесал затылок.

— Ну, у нас тут сугубо мужской разговор. Ты иди, мать. Мы тебя догоним. Там в чайхане вместе и пообедаем.

Старуха в жизни никогда не перечила мужу, не спорила с ним. И сейчас, выслушав его, она встала, отрянула поднятый с земли узел и протянула сыну:

— Свежее белье привезла тебе, сынок. И сапоги. Напекла твоих любимых лепешек с луком. Угостишь дружков.

— Хорошо, мать. Да иди же ты! Ну что выводил меня из терпения, — вспыхнул Умматали.

— Хорошо, хорошо! — согласилась старуха, а сама подумала: «И что это он взбеленился?»

Ничего не ответив, пошла по дороге к чайхане, где остался их дожидаться шофер.

— Скажи ему, чтобы чего-нибудь поесть приготовил. Мы скоро придем! — крикнул Умматали вслед старушке, потом с укором посмотрел на сына: — Тебя, дурака, все никак уму-разуму не научишь. Свалив на нас все заботы, сам здесь в земле копаешься. Плохи дела, сынок. Надо тебе уходить отсюда. Сейчас же, немедленно собирай манатки и уезжай.

— Что случилось? — поднял удивленный взгляд па отца Азизхан. — Я сюда не затем приехал, чтобы трусливо бежать. Приехал работать на стройке, стать человеком. И дал себе слово трудиться здесь до победного конца.

— Беда тебя подстерегает, сынок. Акбарали поклялся отомстить за сестру. А с ним шутки плохи. Не дай бог, дело до пожара дойдет. Подстережет тебя в темноте, и не заметишь. Не стал я об этом при матери говорить, чтобы не волновалась. По пути сюда мы встретили Акбарали и маргилапского жениха. Они ехали в этом направлении. Мать твоя ничего не знает. Интересовались тобой у мальчика-почтальона. Напали все же на твой след. Акбарали не успокоится, пока не отомстит. Уходи отсюда, родной! Ты ведь один у нас с матерью. Что-нибудь случится, мы не вынесем!

Азизхан вскочил с места.

— Не могу я бежать, отец. Пусть Акбарали не думает, что я легко дамся ему. Если смелый, пусть померяется силой со мной в честной борьбе.

— Э-э, сынок. Если бы он был смелым, давно бы открыто вызвал тебя на разговор. Нельзя с ним шутить. Опасаться надо.

Но предостережения отца не убедили Азизхана.

— Успокойтесь, отец. Таких, как он, я уже успел повидать здесь, не спасую и перед Акбарали. Тут одному я показал, где раки зимуют.

— Значит, говоришь, здесь ты уже проявил себя... — задумчиво сказал Умматали. — Зачем же себе паживать врагов? Когда-нибудь они отомстят тебе.

Азизхан беспечно махнул рукой:

— Не надо волноваться, отец. Вы плохо меня знаете.

И этот равнодушный, беспечный тон, с каким разговаривал Азизхан, еще больше обеспокоил старика.

— Но ведь Акбарали с жепихом разыскивают тебя. Могут подстеречь в безлюдном месте и ударить в спину. Почему ты не хочешь понять этого, дурень!

Азизхан, слушая отца, улыбался. Это злило Умматали еще больше. Но, так ничего и не придумав, чем бы сломить упрямство сына, Умматали сгоряча влепил тому пощечину. Отлично понимая, что этим ничего не добьется, а наоборот, настроит сына против себя, он тем не менее не удержался от этого. Азизхан и глазом не моргнул, продолжал улыбаться как ни в чем не бывало.

Потом согнал улыбку с лица и спросил:

— Копчили? Или еще будете? Тогда заканчивайте, и я вам кое-что скажу.

— Если бы ты от этого умел, я бы лупил тебя палкой.

Азизхан, не раз слышавший это от отца, засмеялся:

— Значит, не умнею. И впрямь, ведь никакой пользы от этого.

— Пойдем к матери, а то нам уже скоро ехать. У председателя и без нас забот хватает. Машина может понадобиться ему. И так, бедняга, между двух огней — то в Наймане, то в поле.

Азизхан с узлом шел впереди. Отец, стараясь не отстать, ускорял шаг.

— Пригласил бы вас, да негде принимать гостей. В палатке втроем живем.

— Оставь, мы не в гости приехали, а тебя повидать и Лютфинису. Пригласил бы ее к нам, хоть своими глазами увидим, что жива-здорова.

— Она далеко отсюда. Приходит только вечером. А сегодня еще и задержится. Собиралась у одной знакомой старушки голову вымыть, постирать белье.

Умматали, согласно кивая головой, шел за ним. Шагая следом, видел, с каким почтением встречные здороваются с сыном и перешептываются: «Это тот силач, что Эшапалвана на лопатки положил. И мешки в семь раз тяжелее себя поднимает». Умматали что-то шептал про себя, чтобы дурной глаз не сглазил сына. Но тревожные мысли не выходили из головы.

В десятках чайхан, расположенных вдоль арыка, было много народу — оттуда доносился веселый смех, аплодисменты. Завсегдатаи чайхан оглядывались на проходившего мимо Азизхана и, толкая друг друга в бок, кивали в его сторону.

А парень, не обращая ни на кого внимания, гордо шагал впереди отца с узлом в руке.

▼

Азизхан ворочался на кровати с боку на бок и никак не мог заснуть. Жившие с ним в одной палатке Тенгдик и Бейшенали давно уже спали богатырским сном. А он все лежал и думал о матери. За те дни, что он ее не видел,

мать заметно похудела, как-то усохла вся и стала малешкой.

Слишком часто мучил он мать и отца, причиняя им страдания и горе. Родители его не корили, не наказывали — все же единственный сын. Вот так, избалованным и непослушным, вырос Азизхан. Наверное, никто из родителей не мог бы припомнить ни одного спокойного дня. Напроказничает он, а отвечать приходится матери с отцом.

«Напрасно отец волнуется,— думал Азизхан.— Я же лучше знаю свои силы. Не из тех, что дают себя в обиду. Хорошо, что мать не знает об этом, а то бы не уехала отсюда вовсе».

Спать не хотелось. Азизхан встал и вышел из палатки. Чуть влажная от росы земля приятно холодила ступни. Он пошел туда, откуда слышались людские голоса. Вдоль всей трассы горели факелы. Работала ночная смена.

Азизхан присел на холме и, глядя на копошившихся, как муравьи, в котловане людей, снова задумался.

То ли оттого, что, приехав сюда, на строительство капала, стал известным человеком, к которому и стар и млад относятся с глубоким почтением, или потому, что сам Гафур Гулям написал о нем очерк в газету, прославив его на весь Узбекистан, Азизхан старался держаться солиднее, выглядеть степенным. И, вспоминая свою прежнюю беззаботную и праздную жизнь, он очень переживал, что раньше доставлял родителям столько хлопот. И в эту светлую ночь Азизхан дал себе клятву исправиться, искупить свою вину перед отцом с матерью. Он сделает все, чтобы они были довольны сыном. Он окружит их вниманием и заботой. Отец с матерью будут гордиться тем, что воспитали такого сына, и прохожие будут шептать им вслед: «Это мать и отец Азизхана-палвана!»

Из трубы пекарни поднимались языки пламени, летевшие вверх искры гасли на лету. Теплый, ароматный запах свежего хлеба щекотал ноздри. И Азизхан заглянул в пекарню. Семеро мужчин в белых фартуках и платках на головах подходили по очереди к тандыру. Ловко отлепив поджарившуюся лепешку, побрызгав на нее водой, швыряли ее на стол, застланный скатертью.

У входа, сидя на табуретке в одних брюках, без майки и рубашки, пил чай Ишан-ака, раздувая щеки и громко прихлебывая. Взяв со стола лепешку, повертел ее в ру-

ке, придирчиво оглядывая со всех сторон. И тут заметил в дверях Азизхана.

— Не, Азизхан-палван! Проходи, проходи! Что это тебе не спится?

— Бессонница одолела. Вышел подышать свежим воздухом.

Отогнув край скатерти, присел на деревянный помост.

— Тебе выспаться надо, сынок. Вечером было совещание в штабе. О тебе добрые слова говорили. После завтра подводят итоги первой декады. Дунаана-палвана премируют лошастью. Да и тебе подарок готовят. Не на коня, так на жеребенка сядешь. В строительной газете опубликуют обязательство Эша-палвана. Он вызывает тебя на соревнование. Ну как, справишься?

— Попробую, Ишан-ака. Эшу-палвану придется немного поднатужиться. Обойдет меня — только руку к груди приложу и низко поклонюсь ему.

— Верно говоришь, сынок, — Ишан-ака разломил горячую лепешку, разложил куски перед парнем. — Это слова мужчины.

Потом вытащил из кармана брюк часы на цепочке.

— Эх-ха, уже третий час. Выпей пшалу зеленого чая и ложись спать. Пойду разбужу мясников. — Ишан-ака посмотрел в тандыр и сказал старшему пекарю: — Теста побольше замешивайте, что это у вас такие тощие лепешки получились? Чтобы пышнее были, потолще раскатывай.

Он взял со стола десяток уже остывших лепешек и, завернув в платок, вышел из пекарни.

— Удивительный человек Ишан-ака. Всегда развеселит, подбодрит. Тут недавно рассказал нам историю, как, влюбившись в цыганку из табора, тащился за ней от Рипштана до Уратепы. Так рассказывал, что чуть животы от смеха не надорвали.

Допив пшалу чая, Азизхан поблагодарил пекарей и встал.

— Пойду. Завтра, чувствую, предстоят большие дела. Раз Эш на соревнование вызывает, не ударить бы мне в грязь лицом.

Когда он вошел в палатку, Бейшенали сидел на кровати, почесывая обгоревшие плечи.

— Где вы ходите, Азизхан-ака? — пробурчал он.

— Прогулялся немного, ложись, спи! Завтра много работы.

Бейшенали что-то промычал в ответ и, натянув одеяло на голову, отвернулся к стене и захрапел. Азизхан разделся, и не успела его голова коснуться подушки, как и он заснул богатырским сном.

С наступлением рассвета все враз оживает вокруг. Воздух наполняется шумом и гамом стройки. До завтрака уже известно, кто на каком участке будет трудиться, — десятники, прорабы чуть свет распределяют работу.

А бригады комсомольцев успевают даже поработать до завтрака и выполнить часть нормы. Приходят в чайхану довольные, возбужденные и с аппетитом едят, пьют чай. Приехавшие из Ташкента студенты строительного техникума и института транспорта оказались народом веселым — до поздней ночи в их палатках не смолкают песни и смех, а утром они как ни в чем не бывало выходят со всеми на работу.

Проснувшись раньше братьев, Азизхан разбудил Тенгдика и Бейшенали. Развязал узел и выложил на стол материны гостинцы: лепешки, самсу, банку меда. Они сытно позавтракали. Братья с аппетитом улетали самсу, похваливая мать Азизхана.

— Вот что, ребята, — сказал Азизхан. — Помните, сегодня придется хорошо потрудиться. Никто не ноет. Прибавим еще мешок. Пока я снесу один, два других уже должны стоять наполненными. А то вы не успеваете...

— Ты что, железный? Хватит и двух мешков.

— Нет, — настаивал на своем Азизхан. — Сказал — три, значит, три. Вы не будете копать. Джуравой-ака даст двух землекопов. Вам только наполнять мешки и взваливать мне на плечи. Ясно?

Когда они втроем подошли к трассе, там уже Джурапалван отмерял участок для работы.

— Пришли? Отсюда вон до той отметки вам отведено.

— Дайте нам еще двух людей, Джуравой-ака, и можете увеличивать участок вдвое.

— Ты что, парень, покалечить себя хочешь? Хватит и этого!

— Нет, не хватит, — сказал Азизхан. — Вот увидите, Тешавой-ака придет посмотреть, как мы работаем. Эп-палван вызвал нас на соревнование. В сегодняшних

газетах напечатали. Вчера Ишан-ака сказал мне об этом.

— Удивляюсь я Эшу. И верно говорят: побежденный борец не наборется. Ну хорошо, будь по-твоему. Но все равно береги себя, парень. Жизнь у тебя только начинается.

Отмерив еще точно такой же участок, Джура-палван вбил в землю колышек и, увидев парня, который, сидя на земле, заматывал портянки, сказал:

— Поможешь Азизхану. Найди себе напарника. Будете копать, а братья пусть наполняют мешки землей. Азизхану только бы успевать оттаскивать их.

— Хорошо, Джуравой-ака. С удовольствием поработаем с героем-передовиком, — может, и моя фотография вместе с ним в газету попадет.

В бригаде Джуры-палвана работали одни андижанцы — крепкие и сильные ребята, но ни один из них даже в подметки не годился Азизу-палвану.

Там, в Учкургане, не было равных Дунану Дусматову, выполнявшему дневную норму на семьсот процентов. Потерявший всякую надежду догнать Дунана, Эш-палван решил вызвать на соревнование Азизхана.

На всей двухсотсемидесятикилометровой трассе канала были известны имена трех героев — Дунана, Азиза и Эша. Газета ежедневно сообщала, на сколько процентов каждый из них выполняет норму. Агитаторы начинали свои беседы с цифр и фактов, показывающих работу этих троих.

Азизхан дважды побывал на участке Дунана-палвана и наблюдал за его работой. Трудился он так, что у Азизхана дух захватывало. Раньше, когда он слышал о нормах выработки Дунана Дусматова, ему казалось, что он все-таки обойдет его. Но теперь Азизхан убедился в том, что ему вряд ли сравниться в ловкости и быстроте с ним. Может быть, в схватке на ковре он бы и победил его, но здесь, на стройке, не было равных Дунану землекопов. Дусматов подходил к своей работе творчески — все учитывал: и как держать кетмень, и как расставить ноги, и в каком ритме работать, чтобы не сбить дыхание. Потому у него все получалось легко и просто. Ему пригодился опыт работы на строительстве Ляганского канала. А Азизхан впервые видит стройку такого размаха.

Каждый хорошо выполняет то, к чему больше лежит

душа. Дувану-палвану нет равных среди землекопов, по никому не сравниться с Азизханом в поднятии тяжести. У каждого человека есть самолюбие, чувство гордости. А у таких людей, как Азизхан, это чувство еще обостреннее. Он дал себе слово не пропускать вперед себя ни одного палвана, кроме, конечно, Дунана Дусматова. Если кто сможет состязаться с ним, пусть попробует. Как только Азизхан чувствует за спиной «дыхание» соперника, то сразу увеличивает темп работы.

Деревянный мостик под ногами Азизхана ходил ходуном. Он работал, не зная ни секунды передышки,— взвалит на спину наполненный мешок и бежит к месту выгрузки. Азизхан заметил, что наверху, у края котлована, собралась толпа любопытных. Это еще больше подзадоривало его, и он в азарте увеличивал тяжесть.

Подойдя к Тенгдику и Бейшенали, подмигнул:

— Наполняй и тот мешок. Оба понесу.

Тенгдик от удивления широко раскрыл глаза.

— Ты с ума сошел!

Но, взглянув на Азизхана, понял, что спорить с ним бесполезно.

— Ну хорошо, второй мешок наполни наполовину,— согласился Азизхан.

Братья, не споря с ним, помогли взвалить мешок на спину, а сверху поставили еще полмешка. Азизхан покачнулся, но удержался на ногах. Бейшенали побледнел от испуга и поддержал его сзади, но Азизхан упрямо замотал головой. Строители оставили свои работы, наблюдая за Азизханом. Тот немного постоял, успокоил дрожь в коленках и медленно зашагал к деревянной лестнице. Остановился, подпрыгнув, поправил сбившийся набок верхний мешок и, широко ступая, стал подниматься вверх по доскам. Доска под его тяжестью прогнулась, закачалась.

Азизхан уже был у самого края, когда от качки верхний мешок завалился и сдвинул на глаза Азизхану тубетейку. Толпа ахнула. Сделай он неверный шаг — и полетит вниз с тяжелыми мешками и свернет себе шею. Азизхан осторожно наклонился, пытаясь скинуть со лба тубетейку, но она, как приклеенная, сидела на голове.

И вдруг он услышал голос Лютфинисы:

— Брось мешок! Слышишь! Бросай мешок!

Азизхан, глаза которого закрывала тюбетейка, не видел Лютфинису. Пригнувшись, не в силах ступить ни вперед, ни назад, стоял посреди лестницы. Лютфиниса в отчаянии рванулась к нему, пробежала по доскам и резким движением сорвала с головы Азизхана тюбетейку.

— Бросай мешок! — снова крикнула она.

Все с волнением глядели на молодых. Теперь Лютфиниса стояла на пути, не давая ему пройти вверх по доскам.

— Уйди с дороги! — сказал Азизхан и подумал: «Только бы не опозориться».

— Бросай!

— Бросай мешок! Ведь свалишься, парень!

Эти выкрики из толпы еще больше раззадорили его. Откуда только у него прибавилось силы — он выпрямился и, наступая на испуганную Лютфинису, поднялся на край котлована. На одном дыхании добежав до холма, швырнул оба мешка на землю. В стороне ни жива ни мертва стояла Лютфиниса, в дрожащей руке держа его тюбетейку. Азизхан, радостно улыбаясь, подошел к ней.

— Ну здравствуй! Отец уже уехал. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Если бы никого не было, дала бы тебе пощечину!

Азизхан подставил щеку:

— Ну ударь меня!

Пробили на обед.

— Пойдем лучше вместе пообедаем.

Забыв о всех волнениях, они, как дети, наперегонки побежали к чайхане, провожаемые радостными взглядами прохожих.

Возле школы они заметили толпу женщин. Азизхан из озорства растолкал их и, ворвавшись в середину, увидел старика, который продавал платки, выкладывая их из большого фанерного чемодана. Азизхан узнал его. Это был Иноят-аксакал, занимающийся перепродажей товаров. Он часто бывал в их кишлаке. Привяжет своего ишака к дереву возле парикмахерской и с хурджуном, огромной переметной сумой, полной товаров — отрезков на платье, сережек, колец, браслетов, расчесок, — обходит все кварталы.

Вот и сейчас, разложив на крышке чемодана шелковые платки, зазывает покупательниц.

Азизхану захотелось подарить Лютфинисе такой пла-

ток. Пошарив в карманах, он выгреб из них все деньги и бросил старику.

— Мало,— ответил старик, быстро пересчитав бумажки.— Платок шестнадцать рублей стоит, а тут у тебя пятнадцать.

— Подумаешь, рубля не хватает. Может, сойдемся? — рассердился Азизхан, недовольный отказом.

— Иди заработай, тогда и приходи,— старик швырнул деньги обратно.

У Азизхана руки чесались поколотить старика. Но сдержался. Собрав брошенные на землю деньги, сунул в карман.

— У, спекулянт!

Он выбрался из толпы и, подойдя к Лютфинисе, виновато сказал: «Деньги в палатке оставил, ты не обижайся. Я тебе на базаре в тыщу раз лучше платок куплю!»

Проходя мимо чайханы, Азизхан увидел привязанного к старой орешине ишака Иноята-аксакала.

— Лютфи, ты иди. Займи пока место в столовой. Я сейчас...

Лютфиниса ушла, а Азизхан обошел орешину и посмотрел на толстый ствол...

Торговля у Иноята-аксакала шла хорошо. Женщины не торговались, покупая платок за назначенную цену.

И вдруг сквозь голоса и крики женщин до старика донесся крик его ишака. Аксакал прислушался, удивляясь, что раньше ишак его так странно не кричал. А может, это чужой осел орет? Оставить бойко шедшую торговлю он не решался.

Но тут до его слуха докатился веселый смех. Толпа людей, собравшаяся под орешинной, весело ржала, улюлюкала.

— Хей,— окликнул он пробежавшего мимо мальчишку.— Что там случилось?

— Ваш ишак зовет вас на обед! — засмеялся тот.

Схватив чемодан под мышку, Иноят-аксакал побежал к орешине. Каково же было его удивление, когда он увидел своего ишака висевшим на толстом стволе. Кто-то повернул под брюхо седло, чтобы веревка не врезалась в тело животного, и подвесил осла на стволе. Вытянув шею, ишак

беспрестанно кричал и уже охрип от крика, бедняга. Не зная, как помочь ишаку, Иноят-аксакал бегал вокруг дерева с чемоданом.

— Да будь проклят тот, кто это сделал! — возмущался он.

Толпа весело смеялась.

— Хорошо же вы обучили своего ишака. Забравшись на орешину, зазывает вас покупателей! — кричали ему.

— Нет, это он стоит на страже, пока Иноят-аксакал распродает свой товар, и криком извещает о приближении милиции.

Старик, не обращая внимания ни на шутки, ни на смех, все бегал вокруг орешины и бранился на чем свет стоит, но чемодана не бросал.

В толпе зевак стоял и наблюдал за всем этим Азизхан.

Подошли ребята-операторы, возвращавшиеся со съемки фильма об Азизхане. Кто-то крикнул им:

— Ишака на дереве тоже снимите на пленку, редкий будет кадр.

Иноят-аксакал под смех и улюлюканье толпы полез на орешину.

VI

Юсупов въехал в Фергану под вечер. Машина мчалась по ровной и гладкой дороге, окаймленной могучими чинарами, кроны которых переплелись, образуя зеленый шатер. В домах, утопающих в зелени деревьев, уже зажигались огни. Сегодня Юсупов с утра объехал несколько участков и посмотрел, как идут работы на трассе. Дела шли намного лучше, чем он предполагал. Ташлакцы, закончив рытье траншей, помогали на другом участке, багдадцы вернулись в свои колхозы и занялись подготовкой к уборке хлопка.

Шофер остановил машину у здания облисполкома, куда теперь переместился штаб строительства капала. Отпустив водителя отдохнуть, — предстояло рано утром возвращаться в Ташкент, — Юсупов бодро взбежал по ступенькам. У входа в штаб его ожидали двое — известный русский писатель Петр Павленко и прославленный кино-

режиссер Сергей Эйзенштейн. Поздоровавшись с каждым за руку, он пригласил их в кабинет.

— Не устали, Петр Андреевич?

— Ну что вы, Усман Юсупович. Товарищ Мирзаев нам здорово помогает. Дал самолет. Дважды от Учкурмана до Канибадама облетали трассу. Какая захватывающая картина. В следующий раз возьмем с собой кинооператоров. Отснятую пленку документального фильма договорились смонтировать на Ташкентской киностудии. Заканчиваем подготовку материалов к художественному полотну о канале.

— Читал в «Правде Востока» отрывок из сценария, — сказал Юсупов. — Мне думается, надо больше внимания уделить борьбе народа за воду в наши дни, показать трудовой энтузиазм людей. Что касается истории, то таких примеров предостаточно. В отрывке вы дали историю того, как живых людей, бедняков, баи и феодалы сгоняют в арык и укладывают на земле вместо плотины, чтобы сдерживать натиск воды.

Юсупов задумался, не зная, как сказать о том, что он думает, чтобы не обидеть советом гостей.

— Надо утверждать то, что поднимает дух народа и его веру в свои силы. Вы сами убедились, какие подвиги совершают люди на стройке. Народ у нас замечательный, он заслуживает того, чтобы о нем писали.

Павленко и Эйзенштейн многозначительно переглянулись.

— Вероятно, — сказал Юсупов с мягкостью в голосе, — событие, которое вы описали в отрывке, и имело место, но я в его достоверность не очень-то верю. Легенды все это. — Он достал из ящика стола большой конверт и протянул его им. — Недавно приезжал к нам один фотокорреспондент. Сказал, что хочет сделать фотоальбом об Узбекистане. Мы создали ему необходимые условия. Поглядите отснятый им материал.

Эйзенштейн открыл конверт и достал фотоснимки. На одном из них был запечатлен какой-то древний старик верхом на ишаке. На других — водонос в рваных лохмотьях; улочка старого города с покосившимися дувалами; уличный парикмахер, стригущий клиента.

Эйзенштейн, покачав головой, передал снимки Павленко.

— И это все, что он увидел в сегодняшнем Узбекистане?

— Я тоже удивлен. Неужели сегодняшний узбек таков! — Юсупов говорил страстно. — Я за то, чтобы наши художники и композиторы, писатели и кинематографисты показали счастливую судьбу узбекского народа, его светлое будущее, его трудовые победы, успехи в науке и технике, в искусстве и культуре. Возьмите, к примеру, землекопа Дулана Дусматова. Вы с ним встречались. Разве подвиг его не достоин романа? Хорошо бы показать рост самосознания людей. Я верю, что отснятые вами кадры станут достоянием истории, они донесут до наших потомков пафос этих героических дней. Прошу прощения, я немного увлекся. Но тому виной вот эти фотоснимки. — Юсупов улыбнулся. — Какие у вас есть вопросы? Пожелания? Чем могу помочь вам? Спрашивайте, не стесняйтесь!

Эйзенштейн, внимательно слушавший Юсупова, увидел, что тот повеселел, и сказал:

— Товарищ Юсупов, спасибо за все, что вы делаете для нас. Мы ни в чем не пуждаемся. Вот только с транспортом небольшие затруднения. Нужен грузовик: нам приходится возить с собой осветительную, звукозаписывающую аппаратуру и прочую технику. Порой застреваем в пути по несколько часов. Особенно трудно вести ночные съемки — ведь их без должного освещения не проведешь. И еще просили бы вас выделить на три дня самолет — снять всю трассу в разгар работы с птичьего полета. Упустим момент, ничего этого не вернешь.

Юсупов достал блокнот и что-то записал в нем.

— Еще какие будут пожелания?

— «Правда» прислала две телеграммы, — сказал Павленко. — Попросят срочно передать материалы по телефону. Предупредите товарищей в отделениях связи, чтобы оперативно соединяли нас с Москвой по первому требованию.

Юсупов, продолжая записывать в блокнот, сказал:

— Все, о чем вы просите, будет исполнено. И машина, и самолет, и связь с Москвой. Все? Или есть еще просьбы?

Поблагодарив Юсупова, Павленко и Эйзенштейн встали.

— Спасибо, товарищ Юсупов. Других просьб у нас нет. Мы и так у вас отняли много времени.

Юсупов проводил гостей до двери. Потом, шагая по кабинету из угла в угол, расслабившись, расстегнул пу-

говицу кителя, подошел к окну и широко распахнул его. В комнату ворвалась вечерняя прохлада.

На столе громко и настойчиво зазвонил телефон прямой связи. Юсупов поспешно снял трубку.

— Слушаю!..

— Товарищ Юсупов? С вами говорит помощник Сталина Поскребышев. Сейчас соединю вас с Иосифом Виссарионовичем.

Юсупов застегнул пуговицы кителя, подтянулся. Какие-то доли минуты трубка молчала. В приоткрытую дверь заглянул Мирзаев и, увидев Юсупова у прямого провода, плотно прикрыл дверь с другой стороны. В трубке послышался знакомый голос:

— Товарищ Юсупов?

— Юсупов слушает, товарищ Сталин!

— Как поживаете? Хочу узнать, как идет в республике подготовка к уборке хлопка.

— Спасибо, товарищ Сталин! В Зеравшанской долине и некоторых южных районах республики большинство колхозов хорошо подготовились к массовой уборке хлопчатника.

— Как в Ферганской долине?

— Здесь хлопок созревает намного позднее. Массовый сбор урожая начнется в середине сентября.

— Товарищ Юсупов, строительство канала не должно помешать сельскохозяйственным работам. Политбюро серьезно отнеслось к этому вопросу. Чтобы ускорить работы по строительству канала, мы выделили вам двадцать миллионов рублей. Кроме того, отправили двести грузовых машин, шестьдесят тракторов, двадцать движков и десять тысяч тонн цемента. Получили?

Юсупов широко заулыбался.

— Большое спасибо, Иосиф Виссарионович! Получили. Присланные вам трактора и машины все в работе. Двадцать движков мы поставили на трассе, где трудятся в ночные смены.

— Как пастроение у народа?

— Хорошее. Народ, отцы, деды и прадеды которого всю жизнь мечтали о воде, трудится с большим энтузиазмом. Приезжают на строительство целыми семьями. В выходные дни помогают добровольцы из города. Получаем тысячи писем из разных городов страны — Киева, Харькова, Москвы. Желают работать на стройке.

— Это хорошо. Но лучше обходиться своими силами. Стоит обратить особое внимание на жилищно-бытовые условия, в которых живут строители.

— Хорошо, товарищ Сталин!

— Текстильная промышленность сейчас в прямой зависимости от хлопкосеющих республик. Прошу уделить должное внимание этой стороне вопроса. Доложите, как идут работы на строительстве!

Переложив трубку в левую руку, правой Юсупов стал шарить в нагрудном кармане кителя. Достав блокнот, положил на стол и, зажав плечом трубку, стал перелистывать страницы.

— За сегодня вынута восемьсот семьдесят восемь тысяч кубометров грунта. А с начала работ — тринадцать миллионов триста девяносто шесть тысяч кубометров, товарищ Сталин. Земляные работы выполнены на восемьдесят два процента.

— Сколько всего нужно вынуть грунта?

— Шестнадцать миллионов кубометров, товарищ Сталин.

— Сегодня в «Правде» читал о Дусматове. Расскажите мне о нем подробнее.

— Рядовой колхозник. Прославился ранее на строительстве Ляганского канала. Теперь здесь у нас творит большие дела. Сегодня выполнил земляные работы на семьсот шестьдесят процентов.

— Вчера наша страна отмечала четвертую годовщину стахановского движения. Оно играет важную роль в повышении производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Надо всячески поддержать дусматовский почин.

— Так и есть, товарищ Сталин. Дусматовское движение уже рождает новых героев. Сейчас на стройке задают тон и старики, и молодежь — девяностолетний Хидиров и восемнадцатилетний Умматалиев, выполняющие план на семьсот процентов.

— Это очень хорошо. Таких людей надо ценить и беречь.

В трубке замолчали. Послышался кашель и скрип шагов по паркету.

— Вы слушаете, товарищ Юсупов?

— Да, Иосиф Виссарионович! Я весь внимание!

— Послезавтра, двадцать восьмого августа, открывает-

ся сессия Верховного Совета СССР. Вы получили повестку сессии?

— Да, товарищ Сталин!

— Свои замечания в письменной форме прошу при-
слать Михаилу Ивановичу. Вы можете не приезжать на
эту сессию. Учитывая приближающуюся хлопковую стра-
ду и ускорение сроков строительства канала, Политбюро
пришло к такому решению. Желаю вам успеха. Передайте
мой пламенный большевистский привет строителям кана-
ла. О делах на стройке прошу вас лично докладывать мне
как можно чаще. До свиданья!

— До свиданья! Будьте здоровы, Иосиф Виссарионо-
вич!

Когда на другом конце провода раздалась частые гуд-
ки, Юсупов положил трубку на рычаг. Он собирался пере-
почевать в Ташкенте и назавтра лететь в Москву на сес-
сию. Теперь отпала необходимость в этом. Юсупов надавил
кнопку звонка. Вошел помощник.

— Где товарищ Ахунбабаев?

— На Маргиланском участке. Только что спрашивал
вас.

— Соедините меня с ним.

Помощник ушел. Через несколько минут на столе за-
мигала лампочка. Юсупов снял трубку.

— Это вы, Юлдаш-ака? Я не лечу на сессию. Москва
велела оставаться на месте. Вы езжайте, не ждите меня.
К вашему возвращению работы на стройке будут завер-
шаться, так что из Москвы напрямиком в Фергану. Надо по-
думать о тех, кто со строительства уходит на колхозные
поля. Вручим им почетные грамоты, памятные подарки.
Лично будете вручать. До вашего прилета все подготовим.
Счастливого пути.

Закончив разговор, он вышел в приемную, где Мирзаев
просматривал оперативную сводку.

— Тешавой, понадоблюсь, найдете в Заркенте.

И зашагал по длинному коридору облизполкома к
выходу. В приемной еще долго слышались его тяжелые
шаги.

Мирзаев покачал головой:

— И когда только Усман-ата спит? Целый день сегодня
ездил по участкам и опять в дорогу!

С улицы послышался гул отъезжающей машины, и,
постепенно удаляясь, он растворился в тишине.

Акбарали с женихом не думали задерживаться в Лугумбеке. Лишь бы, не привлекая к себе внимания, сделать свое «дело» и исчезнуть, как камень, брошенный в воду. Несколько дней не показывались на улице — отсиживались в доме знакомого. С наступлением темноты Акбарали уходил. Он потихоньку разузнал, где и с кем живет Азизхан. Когда ехали на розыски Азизхана, жених был охвачен таким яростным гневом, что, кажется, попадись ему сейчас Азизхан, загрыз бы на месте. А приехал и приуныл. То ли его смутил шум, поднятый вокруг имени Азиза, то ли его слава привела в замешательство. Словом, воды в рот набрал и только ходил по комнате взад-вперед, вздыхал.

— Что это вы поостыли, женишок? — издевался над ним Акбарали. — Разве не вы говорили: «Если не отомщу, можете не звать меня больше Норматом»? Хорошо, возвращайтесь к себе домой, но с этого дня вы для меня не Нормат, а Номард!¹

Жениху не понравился тон, каким разговаривал с ним Акбарали. Он нахохлился, сердито взглянул на него и вдруг сказал:

— Хорошо же, посмотрим, кто из нас трус!

Нормат вытащил из хурджуна, лежавшего в углу, что-то завернутое в платок и, развязав его, достал из кожаного, расшитого шелковой ниткой чехла нож. Попробовал о ноготь остроту лезвия и, засунув его за голенище, ни слова не говоря, вышел.

Акбарали проводил его до калитки.

— Будьте осторожны. Жду вас здесь.

Нормат даже не обернулся.

К вечеру на трассе наступало затишье. Это было время, когда дневная смена заканчивала работу, а ночная еще не заступала. В чайханах и столовых не смолкал шум и гомон: слышались веселые голоса строителей, крики поваров и чайханщиков. В арыке шумно плескались любители вечернего купания.

Нормат прямо направился к палатке Азизхана. У входа в палатку на расстеленном на земле паласе сидел, поджав под себя ноги, Тенгдик и наигрывал на комузе печальную

¹ Номард — трус, тут игра слов.

мелодию. Несколько человек сидели вокруг него, слушали и любовались тем, с каким мастерством и виртуозностью играет парень. То к груди прижмет комуз, то на плечо положит, словно прислушиваясь к звукам, то заведет за голову. Азизхана среди них не было. Утопая по колена в рыхлой земле, Нормат спустился вниз к зданию школы. Навстречу ему попадались незнакомые люди. Разве найдешь кого, когда кругом столько народу, будто их со всего света согнали сюда.

Нормат по мосту прошел к возвышающимся насыпным холмам. Посмотрев по сторонам, заметил вдалеке силуэты двух людей — это были мужчина и женщина. Они сидели спиной к нему, и Нормат не мог узнать, кто это. Он долго всматривался в даль и уж было, махнув рукой, собирался уйти, как услышал знакомый смех. Смеялась Лютфиниса. Ну да, это был ее голос. От неожиданности и волнения Нормат задрожал, глаза налились кровью. Его законная жена, на свадьбу с которой он потратил столько денег, сидит и весело хохочет с другим человеком.

Наклонившись, он пощупал голенище сапога.

Народу слишком много вокруг. Он осторожно, стараясь не шуметь, попятился назад и спрятался за толстой орешниковой. Так было надежнее и легче наблюдать.

«Эти двое, что сидят обнявшись, разбили мое счастье, — рассуждал он. — Эта бесстыжая женщина — мой заклятый враг. Опозорив меня перед родными и друзьями, в день свадьбы сбежала от меня в подвенечном платье. Может ли быть хуже оскорбление для мужчины, чем это?! Она должна была быть в моем доме, спать со мной в одной постели. Костер моего очага погас, так и не разгоревшись. Свадебные песни остались недопетыми. Прибывшие за невестой арбы ушли пустыми. Гости разошлись со свадьбы, как с поминок. Дом, где до утра должна была звучать веселая музыка, притих, словно в него вселилось горе. Такое оскорбление смывают только кровью...»

Нормат притаился за деревом, сжавшись, как тигр, поджидающий добычу. Спустившись с насыпи, молодые беспечно зашагали в его сторону. Лютфиниса, играя веточкой ивы, щекотала ею Азизхана и весело смеялась. Тот пытался схватить ее за локоть, но она вырывалась, бросаясь то вправо, то влево, и, показывая язык, кричала: «Не догонишь, не догонишь!»

Нормат выхватил из-за голенища нож и шагнул вперед. Но вдруг почувствовал, что не в силах сдвинуться с места — дрожали руки и ноги. Нормат отступил назад. Его тело охватила дрожь, и перед глазами заплясал большой огненный круг, словно кто-то невидимый вращал перед глазами горящим факелом.

Нормат никогда в жизни не дрался; когда в доме резали барана, он, чтобы не видеть этого, уходил на улицу. А теперь и сам не понимал, как решился поднять руку на человека. Нет, не сможет он этого сделать.

Азизхан пробежал рядом, чуть не задев его, вдогонку за Лютфинисой. Поймал, повернул ее лицом к себе и, крепко прижав, поцеловал.

Нормат очнулся, когда парень с девушкой отошли уже далеко. Он наклонился, пошарив в траве, отыскал оброненный чехол и зашагал. Куда шел, зачем, он не знал. Перешел через мост и, дойдя до ярко освещенной чайханы, вспомнил, что в руке держит нож — поспешно сунул его в чехол и спрятал за голенище.

Азизхан с Лютфинисой, весело смеясь, шли впереди. Нормат старался не отставать от них. Они остановились у калитки. Парень снова прижал девушку к груди и долго не выпускал из объятий. Они стояли, не обращая внимания на прохожих. Наконец Лютфиниса вырвалась из его цепких рук и бросилась в открытую калитку. Парень постоял, глядя ей вслед, потом повернулся и пошел обратно. Проходя мимо Нормата, чуть не столкнулся с ним, но от переполнявшего его счастья Азизхан сейчас не замечал ничего. Нормат, как привязанный, потащился следом. Азизхан шел быстро, и Нормат отстал.

Нормат без труда разыскал палатку Азизхана, так как днем он уже был здесь. Подойдя к палатке, в окошке которой светился огонек, он обошел ее со всех сторон. Вокруг никого. Многие строители ушли на концерт в Зеленый театр. В палатке заиграл патефон. Прислушиваясь к песне, Нормат поглядывал на вход, ожидая появления Азизхана.

Край палатки откинулся, и мелькнула чья-то тень. Нормат пасторожился. Азизхан, напевая песню, с полотенцем через плечо спустился к речке. Иголка, дойдя до конца пластики, зашипела. Нормат словно очнулся ото сна. «Что я тут делаю? Этот парень кладет на лопатки настоя-

щих палванов, ему ничего не стоит согнуть меня в бараний рог. Постой, Нормат! Опомнись! Разве Лютфиписа дала согласие выйти за тебя замуж? Ты собирался жениться на ней по настоянию ее брата и опозорился. И сейчас, поступив по его совету, угодишь за решетку! Подумай, Нормат! Предположим, подкравшись сзади, ты ударишь его пожом в спину. Ну и чего ты добьешься? Все лучшие свои молодые годы проведешь в тюрьме! Хорошо, если посадят, а то еще всадят пулю в лоб и дело с концом!..»

Нормат разговаривал сам с собой так громко, что Азизхан невольно остановился возле него, продолжая обтираться полотенцем. У Нормата душа в пятки ушла, сердце замерло от страха.

— Кто вы? Что вы тут делаете?

Нормат словно язык проглотил.

— Что-нибудь хотели у меня спросить? Пожалуйста, входите!

Нормат понял, что Азизхан не узнал его. Ну конечно, он видел его всего раз, в день свадьбы, в жениховском наряде.

Азизхан же подумал, что это кто-либо из «представителей» Эша-палвана. Откинув край палатки, он попросил гостя войти.

Нормат не посмел отказать ему. Тускло светила керосиновая лампа. Патефон, завод которого кончился, умолк. На кроватях в беспорядке валялись одеяла. Гость присел на край кровати, закрыл лицо ладонями и оперся локтями о колени. Уж не пьян ли он? — подумал Азизхан. К нему все чаще приезжали молодые андижанцы за советом или просто из любопытства, посмотреть на прославленного силача, привозили с собой гостинцы и вино.

Нормат исподлобья взглянул на него. Азизхан и в самом деле был приятной наружности, во всем его облике было что-то притягательное, располагающее к себе. Он с завистью глядел на его крепкие, сильные руки, на могучие плечи и широкую грудь. Нормат впервые так близко видел Азизхана. Молод еще. Ребенок, у которого молоко на губах не обсохло. Как он может взять на себя грех, пролить кровь такого пышущего здоровьем и сплой парня?

Нормат вынул нож и бросил его к ногам Азизхана.

Ни слова не говоря, встал и пошел к выходу. Но Азизхан, подбежав, крепко схватил его за локоть.

— В чем дело? Что случилось?

Нормат повернул к нему испуганное лицо:

— Я хотел убить тебя, но отказался от своего намерения. Бог тебе дал душу, бог и заберет ее у тебя, когда ему будет угодно. Раб божий не может противиться воле аллаха.

Азиахан отпустил его руку. Тот поспешно выскользнул из палатки.

VIII

От Кетменьтепы Нарын течет, петляя меж холмов, бурля, пенясь на крутых поворотах. И, только достигнув Учкургана и выйдя на широкий степной простор, река становится тихой и спокойной.

Рассказывают, что в Кетменьтепе какая-то старушка упала в реку. Ее дети и внуки с криками и плачем бегали по берегу, но старушки и след простыл. Тут подошел незнакомый старик и сказал:

— Дети мои, вы свою мать в Учкургане найдете!

С тех пор в народе и бытует поговорка: мать свою в Учкургане найдешь.

Главная плотина, питающая водой Большой Ферганский канал, строилась здесь, на Нарыне, в Учкургане, где река текла плавно и тихо. Новый отводной канал совпадал со старым руслом реки. Ни лопатой, ни кетменем углубить канал было невозможно. От ударов кетменя только искры летели в разные стороны, после получасовой работы ломался черенок и притуплялось лезвие. А два стареньких экскаватора день поработают, два отдыхают. Но как бы ни тяжела была работа, основным оружием на стройке были кетмень и лопата. Больше пятидесяти плотников занимались изготовлением черенков, двадцать кузнецов ковали и выделывали кетмени и лопаты. Учкурган напоминал сейчас огромную мастерскую медников, кузнецов, плотников. Строители привыкли к стуку и лязгу, доносившемуся и днем и ночью.

Сегодня с рассвета в Учкурган из Намангана и Андижана потянулись отряды конной милиции. Руководство штаба решило проложить взрывом этот труднопроходимый галечник. Строители и жители расположенного поблизости кишлака были выведены из опасной зоны. Милиция оцепила этот район и никого не пропускала туда. Приехавшие из Ташкента взрывники за ночь раскопали десятки ячеек

и уложили в них динамит. Триста двадцать тонн взрывчатки было уложено в землю. По радио бесконечное число раз повторяли о соблюдении порядка и правил безопасности. И вот по сигналу командира отряда взрывников в небо взлетела ракета. Один за другим раздались оглушительные взрывы. Вздрыгнула земля. Вода в Нарыне забурлила, выплескиваясь из берегов. Вверх, на высоту многоэтажного дома, поднялось огромное пыльное облако и долго висело в безветренном небе. Грохот взрывов, содрогание земли, плеск вышедшей из берегов реки рождали у людей чувство страха. Командир отряда, наблюдавший за этой картиной из укрытия, обеспокоенно поглядывал на секундомер. Два из уложенных на трассе зарядов не сработали. Подходить к ним было опасно. И тут вдруг раздался мощный взрыв. Он был такой силы, что земля заходила под ногами ходуном, как при сильном землетрясении.

Из-за безветрия туча долго не рассеивалась. Как огромная рыжая лава, она медленно растекалась по земле, окутывая все вокруг. Люди, стоявшие вдоль берега реки, отошли дальше, спасаясь от надвигающейся лавины.

Минут через пять-шесть после взрыва все вокруг потонуло в желтом тумане. Ничего не было видно. Сквозь желтую мглу едва можно было разглядеть конных милиционеров, усердно стегавших своих лошадей.

Грохот взрывов долго еще эхом отдавался в горах.

Более часа рассеивался пыльный туман. На крышах домов, на деревянных помостах в чайханах толстым слоем лежала пыль.

Люди стали выходить из укрытий, смахивать пыль с палаток, выносить и трясти одеяла.

Поднятые взрывной волной, щебень и камни запрудили арыки, перегородили улицы, остановив движение на одной из оживленных дорог. Пострадали некоторые дома.

В тот день до обеда никто на трассу не вышел. Все занимались расчисткой территории вокруг штаба и Зеленого театра. Приводили в порядок жилые помещения, расчищали дороги.

И только после обеда строители вышли на работу. Теперь было легче сгребать щебень лопатами и грузить на носилки.

И снова слышались вдоль всей трассы удары кетмей о землю, бодрые и веселые голоса людей.

Инженер Белявский уже в который раз обходил свой участок.

Белявский еще в 1915 году разрабатывал проект Основного Ферганского канала, так и оставшийся тогда без внимания. Правда, об этом проекте узнают московские мануфактурщики и посылают к Белявскому своих представителей.

Мануфактурщики, покупавшие хлопок у ферганских баев по высоким ценам, решают освоить новые плантации. Они почти за бесценок скупают земли в учкурганских степях в надежде оросить их водами Нарына. Но эти их усилия пропадают даром.

Сооружение, обошедшееся им в миллионы рублей, оказывается слабым перед своенравной, дикой рекой. Тогда они пробуют ставить большие водяные насосы для перекачки воды, приводимые в действие электричеством. Но и эта затея не оправдывает себя.

Вложив миллионы рублей, но так и не добившись желаемого результата, они вынуждены бросить начатое дело.

Белявский, живой свидетель всех этих бесплодных попыток, мечтал о том дне, когда осуществится его идея. И когда в Центральном Комитете партии обсуждался проект строительства нового канала, он выступил на нем с подробным научным сообщением о природных условиях Учкургана, о скорости течения Нарына и других горных рек, о сезонной смене силы потока.

Штаб строительства канала назначил его, как человека хорошо сведущего в этих делах, начальником Учкурганского участка, где по проекту соорудилась головная плотина.

Спустившись к месту работы бригады Эша-палвана, Белявский остановил пробежавшего мимо мальчишку-почтальона и взял у него несколько свежих номеров газет. Раскрыв одну из них, пробежал глазами по странице — на первой полосе многотиражки был напечатан портрет Азизхана и очерк о нем. Просмотрев заголовки статей, набранные крупным шрифтом, Белявский полез в карман за очками. Не найдя их там, махнув рукой, сунул сложешные газеты в карман.

Белявский вспомнил свою первую встречу с Азизханом

и как он уговаривал парня поехать на строительство. Видно, не ошибся в нем. Теперь Азизхан у всех на устах. Тысячи людей знают его, гордятся его трудовыми успехами. А сегодня газета поместила большой очерк о нем.

О том, что Эш-палван вызвал на соревнование Азизхана, Белявский узнал из газет. Зная болезненное самолюбие Эша, он бы отсоветовал ему поступать так опрометчиво. Белявский слышал, что Азизхан дважды положил Эша на лопатки. Если Эш-палван снова проиграет парню — уйдет ведь со стройки. Это его единственная надежда реабилитировать себя в глазах земляков.

Белявский решил не показывать ему газет с портретом Азизхана. У Эша могут опуститься руки. В Учкургане тон в стахановском движении задавали Дунав и Эш. Равняясь на них, трудились на участке и остальные строители. Уход Эша может серьезно сказаться на показателях этого ответственного участка.

Белявский, осторожно ступая по камням, спустился вниз. Эш-палван, надев треуголку, сделанную из газеты, сидел на валуне, с удовольствием потягивая холодный зеленый чай. При виде Белявского он поставил пиалу на камень, встал и, вытерев руки о полы халата, шагнул инженеру навстречу.

— Салам, аксакал! Вы не волнуйтесь! Мы не отдадим своего первенства Азизу-палвану. Вот увидите! — сказал он, указав на большой фанерный щит, прислоненный к валуну. Углем было нацарапано: «Если во второй декаде я не обойду Азизхана-палвана по всем показателям, то не быть мне Эшем!»

Белявский улыбнулся.

— Что улыбаетесь? Не верите?

— На всякий случай припасите себе запасное имя, палван-ака, — вмешался в разговор стоявший рядом паренек.

Эш сердито взглянул на него.

— А что таращите на меня глаза, палван-ака? Почитайте лучше газету, чем делать из нее шляпу. Азиз-палван давно обставил вас. Только за вчерашний день он перетаскал шестнадцать кубометров грунта. А вы с трудом до одиннадцати довели. Вам уже пора менять имя.

— Он землю таскает, а я галечник. Есть разница, пележа? Ты не знаешь еще Эша!

— А на весах все равно, что галечник, что песок.

Эш-палван зло сорвал с головы газету и, скомкав, выкинул.

— Еще посмотрим, чья лошадь придет первой. Хорошая лошадь сначала бежит в хвосте. До финиша еще далеко.

Белявский цыкнул на парня, расстроившего Эша:

— Иди работай. Кто тебе дал право пререкаться со старшими? — А обращаясь к Эшу, сказал: — Хорошо ответил. Я верю, что ты выиграешь. Твои и Дунапа успехи — это победа всего участка. Я пригласил корреспондента. В газете и твою фотографию напечатают. Кстати, сегодня после работы ждем тебя в штабе. Передовикам, особо отличившимся в первой декаде, в торжественной обстановке будут вручаться почетные знаки строителей канала. Ты тоже награжден. Сам Ахунбабаев будет вручать.

Белявский, подбадривая, похлопал Эша по плечу:

— Не сдавайся, герой!

Возвращаясь к себе в коптору, он думал: «Эш честолюбив. Он уверен, что победит Азизхана. Ради этого готов работать и днем и ночью. Правда, Азизхан работает легко, играючи. Норму, которую Эш выполняет за день, Азизхан за полдня делает. Этот парень не даст никому себя обойти. Только одного Дунапа Дусматова признает. Говорит, кроме него, никого вперед себя не пропущу. Сильный парень. В день перетаскать шестнадцать кубов земли и лошади не под силу». Много силачей и палванов перевидал Белявский на своем веку, но такого, как Азизхан, встречал впервые. Он вспомнил, что до революции по приглашению генерал-губернатора Ташкента в Романовском парке демонстрировал свою силу французский силач. Француз ложился на спину, и ему на живот клали тяжелые гири — триста пятьдесят килограммов. Азизхан бы не уступил тому силачу. В Куйганяре он клал на плечи рельс, и на нем еще повисали по семь человек с каждой стороны. И еще он припомнил случай, когда старенький грузовичок, разгрузив бетон для плотины, никак не мог подняться в гору: заглох мотор, и машина покатила назад — отказали тормоза. Не будь Азизхана, машина могла бы свалиться в реку. Азизхан уперся плечом в задний борт и стоял так, пока шофер не завел двигатель.

Сможет ли Эш одолеть такого батыра? Хорошо бы ему выполнять хотя бы половину Азизхановой пормы.

В редакцию газеты «На Сталинской стройке» поступали тысячи писем, в которых читатели просили рассказать об Азизхане Умматалиеве. Интересовались, откуда он родом. И правда ли, что выполняет норму па семьсот — восемьсот процентов. Редакция направила к Азизхану своего корреспондента Адхама Хамдама. Но так как Азизхан ничего о себе не рассказал, корреспондент решил съездить в его родной кишлак и побеседовать с земляками героя. И вот в сегодняшнем выпуске газеты появился большой очерк о нем.

Адхам Хамдам рассказал читателям о жизни Азизхана с восьмилетнего возраста, не утаивая ничего о его проделках и шалостях. Там описывался такой случай: Азизхану было пятнадцать лет, когда он узнал, что в Ташкент приехал известный казахский палван Хаджимукап. О нем ходили легенды — рассказывали, что этот силач поднимает па животе грузовую машину, гнет на шее толстые железные рельсы.

Азизхан, чтобы самому лично убедиться в этом, тайком от родителей едет в Ташкент. Обеспокоенные долгим отсутствием сына, мать с отцом пускаются в поиски, но, кого из его друзей ни спросят, никто не знает, куда делся Азизхан.

Сын их исчез па два месяца. Где только не ищут его родители. Объявляют всесоюзный розыск через милицию, но и это не дает результата.

А Азизхан знакомится в Ташкенте с Хаджимукапом и, представившись сиротой, выросшим в детском доме, уговаривает палвана взять его к себе в ученики. Хаджимукап, удивленный недюжинной силой парня, соглашается обучить его тайнам своего мастерства. Они вместе выступают в Ташкенте, Самарканде и Бухаре.

К тому времени уже был объявлен всесоюзный розыск. Милиция паходит Азизхана в Туркестане и препровождает его в родной кишлак.

Родители, от счастья, что пашелся сын, даже не наказывают Азизхана. А паоборот, окружают большим вниманием и заботой, боясь, как бы он опять не сбежал. Выполняют любые его прихоти. Теперь он с утра до вечера упражняется в саду, тренируясь по системе своего учителя.

И другие подробности были в очерке, удовлетворившие любопытство читателей.

Белявский заглянул в контору участка, взял со стола забытые им очки и, подойдя к окну, стал читать очерк. Читал он увлеченно, порою качая от удивления головой, и все приговаривал: «Вот шельмец! Вот проказник!» Дочитав, отложил газету в сторону и долго сидел, закрыв глаза, под впечатлением того, что узнал.

Сегодня он собирался выступить в Куйганяре с отчетом о проделанной за первую декаду работе. Белявский вновь проверил все звенья участка, записал в блокноте, где и как идет работа, какую помощь просить у руководства штаба.

В одном он твердо уверен: Учкурганский участок будет у всех на устах и причиной тому известный землекоп Дунап Дусматов, выполняющий норму на девятьсот процентов.

Вот уже четыре дня, как движение дусматовцев охватило почти всю стройку. А сам Дусматов, показывая чудеса трудового героизма, еще больше увеличивал дневную выработку, увлекая за собой последователей.

На Азизхана Умматалиева равнялись все лугумбековцы.

Эш-палван вел за собой нарынцев.

Эти трое, став передовиками на стройке, служили примером для всех остальных. Этим троим парней сделал героями Большой Ферганский канал. Не будь этого строительства, кто знает, как сложилась бы судьба каждого из них. «Народное движение рождает новых героев», — не зря так говорят в народе.

Открыв блокнот, Белявский снова просмотрел свои записи.

Из-за окна доносился гул стройки — крики строителей, лязг о каменистую почву лопат и кетмепей, звон молотов о наковальню.

Этот убежденный сединой человек думал о проекте канала, двадцать пять лет работал над ним и теперь был безмерно рад тому, что наконец свершается его давняя мечта. Ночами он снова сидел над расчетами, делал пометки в копии основного проекта.

Сквозь шум, доносящийся снаружи, он явственно слышал звон воды, текущей по каналу, сотворенному руками человека, плеск волн о берег, гул падающей с плотины реки.

Лютфиниса трудилась в женской бригаде в Киргиз-ауле. Женщины расчищали уже вырытые траншеи, таскали носилками землю. Когда рядом с имением Дусматова зазвучало имя Азизхана, Лютфиниса посчитала для себя зазорным плохо работать. В бригаде все знали историю молодых — считали их женой и невестой. Вечерами, возвратившись с работы, собравшись всей бригадой, они любили слушать рассказ Лютфинисы о том, как Азизхан выкрал ее со свадьбы. Их бригадир, известная в Избаскенте колхозница, кавалер многих орденов и медалей, депутат Верховного Совета республики Хайриниса Бокибаева была большой шутницей.

— Послушай, как это ты умудрилась дважды замужем побывать и сохраниться такой молодой? Ну прямо девочка! — подтрунивала она.

— Ой, да что вы! — смущалась Лютфиниса, принимая ее слова всерьез. — Да я еще ни разу замужем не была!

— Хе, смотрите, девочки, как она быстро забыла своего маргиланского мужа?!

Лютфиниса краснела, оправдывалась и начинала все рассказывать сызнова. Женщины, слышавшие эту историю не один раз, все равно сидели тихо, не перебивая ее.

— Меня же не успели с ним обвенчать. Даже лица того жениха не видела.

— Ну хорошо... А когда вы, сбежав с Азизханом, прятались в тугаях, жили в юрте киргизов? Нас не проведешь! Так уж тебе и поверили, чтобы такой джигит, как Азизхан, который птицу на лету поймает, сидел, отвернувшись к стене, и перебирал четки, как мулла, когда рядом такая красавица. Ты нам сказки не рассказывай!

Лютфиниса клялась, а Хайриниса знай свое: «Не верю!» И тогда Лютфиниса от обиды начинала рыдать, а подружки принимались успокаивать ее: мол, бригадир пошутила ведь.

Прошло три или четыре дня, прежде чем Лютфиниса перестала серьезно реагировать на шутки бригадира. «Да, скоро рожу от него, а вам что за дело?!» — под веселый смех девчат отвечала она.

Лютфиниса, круглолицая, но с тонкими чертами лица, невысокого роста, была действительно красивой. Из Ташкента приезжал художник писать ее портрет, но Лютфи-

ниса отказалась позировать. Сколько раз пытался сфотографировать ее для газеты, но она успевала прикрыть лицо платком. А во всем виноват был Азизхан. Это он, оказывается, пригрозил Лютфинисе, что, если она сфотографируется, да еще, не дай бог, снимок напечатают в газете, достанется и ей и фотографу.

Год назад Лютфиниса сфотографировалась в Маргилане в фотостудии. Снимок получился очень удачным, и фотограф вывесил ее портрет в витрине. Азизхан, разбив стеклянную витрину, достал это фото и разорвал в клочья. На крики и шум фотографа собралась толпа, прибежал милиционер. Азизхану чудом удалось улизнуть.

Азизхан ревновал Лютфинису ко всем. Стоило девушке поздороваться с кем-нибудь из мужчин, Азизхан выходил из себя и грозился избить ее, если это повторится. С тех пор Лютфиниса перестала фотографироваться, а завидев фотографа, прикрывала лицо косынкой.

В газете «На Сталинской стройке» был напечатан очерк о ней. Назывался он «Девушка-батыр». Потом еще несколько раз писали о Лютфинисе, но ее снимка в газете так и не появилось.

Обычно Азизхан после смены спешил в Киргиз-аул. Завидев издали знакомую фигуру, девушки выкликали Лютфинису из шалаша:

— Вставайте, невестушка, зять наш пришел!

«Зять» — так прозвала его одна из девчат — был не из стеснительных. Он спокойно, не обращая внимания на визг и крики женщин, входил в шалаш, как в свой собственный дом. Стоял саратан — самый жаркий месяц лета. В такую жару хочется скинуть с себя все, даже кожу, если бы она снималась. Женщины раздетые лежали на своих койках. Азизхан бесцеремонно, не подавая даже сигнала кашлем, входил в шалаш, и тут поднимался такой визг — девчата бегали по шалашу, прикрываясь простынями и одеялами. После этого его прозвали «зять-невидимка». Стоило кому-нибудь из девчат завидеть его, в стане женщин поднимался шум и гвалт — они начинали поспешно одеваться.

— Скажи своему мужу, чтобы хоть кашлем предупредил, когда входит.

Лютфиниса шутила:

— Сколько вы надо мной издевались! Теперь я над вами посмеюсь. Он нарочно бесшумно входит, чтобы застать вас врасплох. Я сама его об этом просила.

Одна из подруг, озорница и балагурка, предупредила:

— Если не исправится, темную устроим и на всю почь у себя оставим. Утром он еле ноги унесет и на тебя смотреть перестанет.

Подружки Лютфинисы покатались со смеху. Бокибаева прикрикнула на озорницу:

— У-у, бесстыжая. Хватит молоть чепуху. Придет твой муж, обязательно расскажу, как ты себя ведешь.

Толстушка не унималась:

— Муж меня боится. Я его в страхе держу. Ничего мне не сделает. От кого-то он слышал, что женщина в месяц саратан становится бешеной. Так он от меня ночью уже на крышу прячется, а чтоб я не влезла к нему, лестницу наверх забирает.

Девчата весело смеялись, слушая ее болтовню. Работая целый день на стройке под палящим солнцем, усталые после тяжелого труда, от которого ноют руки и ноги, они еще находили в себе силы шутить и смеяться.

Утром толстушка-озорница, как только вскакивала с постели, сбрасывала с Лютфинисы одеяло. «Девчата, ревизия!» Лютфиниса от стыда сворачивалась клубком и прятала голову под подушку. Под смех и хохот просыпались и все остальные.

Рядом с шалашом была душевая — деревянная постройка с большим металлическим баком наверху. После работы, взяв с собой чистое белье и полотенца, отправлялись девчата мыться. Как-то, пустив слабую струю воды, Лютфиниса стояла под душем. Вошла толстушка и, увидев ее, зацокала языком от восхищения.

— Везучий парень Азизхан! Такую красавицу не грех полюбить! — сказала она.

Лютфиниса растерялась, стыдливо прикрыла руками груди, словно перед ней стоял мужчина.

А толстушка продолжала:

— Была бы я мужчиной, вот умереть мне на этом месте, умыкнула бы тебя.

Толстушка не только умела болтать, она хорошо и поударному трудилась в бригаде. Своей напарнице, с которой таскала носилки, она не давала ни минуты передышки. Если та шла впереди, толстушка подталкивала ее сзади, позади — тянула вперед, увлекая за собой. Со све-

кровью своей она, видно, жила в ладу: та повешивала на шею озорнице талисманов от дурного глаза, напришивала бусинки — и на воротник платья, и на жилет. Свекровь часто навещала невестку, привозя с собой гостинцы — испеченные в тандыре лепешки и самсу. Возжигала гармалу против сглаза, окуривая помещение, в котором жили девушки. И потом от них долго пахло душистой степной травой.

Порой поляна перед шалашом превращалась в место для застолья — когда приезжали родные и близкие. Посреди поляны расстилался большой дастархан и выставлялась на него вся привезенная из дома вкусная еда. Только к Лютфинисе никто никогда не приезжал. Она же, считая неудобным присоединиться к трапезе, незаметно исчезала из шалаша при появлении гостей. Бокибаева, чувствуя ее неловкость, сама приводила Лютфинису к дастархану и усаживала на самое почетное место. Лютфиниса как-то сказала Азизхану:

— Мне очень обидно. Ко всем приезжают родные, привозят разные гостинцы, а ко мне никто ни разу не наведлся. От стыда готова сквозь землю провалиться.

— Не переживай, — успокоил ее Азизхан. — Завтра рассчитаемся со всеми долгами.

Азизхан сдержал слово. В тот же вечер он отправился к тетушке Арзихон, к их прежней хозяйке. Та ему напекла сдобных лепешек, самсы. В Куйганяре в галантерейной лавке купил пятнадцать флаконов одеколона, столько же пачек туалетного мыла, несколько десятков носовых платков. У шашлычника наполнил большой эмалированный тазик шашлыком. Арзихон-ая завернула все это в скатерть, и Азизхан заявился в Киргиз-аул.

Поставил узел на сури, а флаконы с одеколоном и туалетное мыло высыпал на кровать. Женщины, толкаясь, стараясь опередить друг друга, набросились на подарки. Толстушка и тут нашлась. Положив демонстративно одеколон и мыло на тумбочку перед Азизханом, она присела на свою кровать и обиженно отвернулась к стенке.

— Что? — спросил Азизхан толстушку. — Подарок не понравился? Мыло-то душистое.

— Муж мой все равно запахов не чувствует. На следующий день после свадьбы, можете себе представить, принес мне в подарок два куса хозяйственного мыла! Как-то в темноте я вместо растительного масла в казан на-

лила керосину — он так и не почувствовал. Выклебал маставу и говорит: «Молодец, женушка! Очень вкусный суп приготовила. Никогда такого ароматного супа не едал». Откуда же ему знать разницу между туалетным и хозяйственным мылом, если он керосина от масла не отличает. Ну ладно, так и быть, приму ваш подарок, палван-бала¹, но с одним условием: из штаба пригласили мы фотографа — хотим всей бригадой на память сфотографироваться, ведь не сегодня-завтра разъедемся кто куда. Хоть будет что вспомнить. Если дадите согласие, чтобы Лютфиниса с нами сфотографировалась, приму ваше подношение.

Табельщиком в их бригаде был мужчина; может, потому Азизхан не решился сразу ответить. Толстушка поняла, в чем дело.

— Вай, да мы перед Латифджаном раздетые разгуливаем. Он такой робкий, стеснительный, как девушка. Был бы мужчиной, неужели бы работал в женской бригаде? Можете быть спокойны за него, он нашему бригадиру каждое утро косы заплетает.

Женщины весело смеялись.

Лютфиниса пошла провожать Азизхана. Он обнял ее за плечи и ласково посмотрел в глаза.

— Очень забавная твоя подружка.

— Чудесная женщина. Всегда что-нибудь рассказывает такое, что мы все животы надрываем. Она и вам придумала прозвище.

— Да ну? — удивился Азизхан. — Какое же?

— Жених-невидимка. Оказывается, когда она раздетой лежала на койке, вы незаметно вопли в шалаш. Говорит, перецугалась, подумала, что привидение явилось. До сих пор вспоминает.

За холмом полыхает зарево — светят факелы. Откуда-то доносятся звуки бубна. В ночной тишине слышно, как стрекочут кузнечики.

Х

Одежда у Лютфинисы истрепалась. Девушка, выросшая сиротой, как могла зашивала прорехи, штопала дыры, ставила заплатки и ходила в одном и том же платье, в каком Азизхан выкрал ее со свадьбы. Азизхану Лютфиниса и

¹ П а л в а н - б а л а — парень-силач.

словом не заикнулась, что ей нечего надевать. Встречались они вечерами, после работы, когда в темноте и не различишь, как и во что одет человек.

А сегодня в Лугумбеке давала концерт сама Халпма Насырова. Женщины раньше обычного возвратились с работы и, готовясь к праздничному концерту, мыли головы, заплетали косы, доставали из своих узлов залежавшиеся наряды и гладили их большим чугунным утюгом.

Азизхан, прибежавший за Лютфинсой, чтоб вместе пойти на концерт, застал ее грустной.

— Ты что сидишь? Собирайся скорее, надо места занять.

Лютфиниса даже не подняла головы.

— Интересно, как это я в таком виде на концерт пойду? Посмотрите, на что стало похоже мое платье,— не то что на людях, дома носить стыдно.

Только теперь Азизхан обратил внимание на платье Лютфинисы. Удивившись, спросил:

— Почему ты ничего не говорила мне?

— Обязательно надо говорить? Глаза же есть у вас!

Азизхан виновато опустил голову. Ему стало стыдно оттого, что он оказался таким невнимательным к любимой. От посланных родителям денег у него осталось сто восемнадцать рублей. Лежат в палатке под подушкой.

— Прости меня, Лютфи! Любуюсь твоим милым лицом, твоими черными, как виноградинки, глазами, я ничего больше не замечал. Я исправлю свою ошибку. В Лугумбеке базары работают допоздна. Я мигом. Ты никуда ни шагу, сиди, жди меня.

Азизхан стремглав помчался к себе. Лютфиниса в жизни никого не упрекнула. Дома донашивала то, что оставалось от жены брата. Акбарали ни разу не приласкал сестрицу. Даже в праздники, когда все — жена брата, племянники и племянницы — получали подарки, ее обделяли. И сейчас, сидя в шалаше в ожидании Азизхана, она жалела о том, что упрекнула его. Из глаз ее катились слезы. Тем временем во дворе девчата шутили, смеялись, перебранивались, отнимая друг у друга утюг. Не прошло и часа, как все стихло. Принарядившись, уложив колечками локоны, разбросав по спине мелкозаплетенные косички, подруги отправились на концерт. Перед уходом к ней забежала толстуха, звала с собой, тянула за руки, пытается

поднять с постели, но Лютфиниса, сославшись на усталость, отказалась идти.

— Небось ждешь жениха-невидимку? Ведь по глазам вижу, — сказала она. — Ну ладно, я пошла.

Повариха с фонарем в руке возилась у очага. Те, что не пошли на концерт, постелили себе во дворе и легли отдыхать.

Наконец спаружи послышались торопливые шаги. Лютфиниса радостная вскочила с постели. В проеме с узлом в руке показался Азизхан.

— Где ты, Лютфи? Что сидишь в темноте? Ну-ка, выходи!

Лютфиниса вышла. Азизхан при свете керосиновой лампы стал равязывать узел.

— Смотри, что я тебе принес.

Он вытащил сверкающие лакированные туфли на низком каблуке, ситцевое платье и шелковый платок.

— Иди переоденься, — сказал он, протягивая все это Лютфинисе. — Я подожду. В Байтоке в лавке платья еще красивее. Завтра обязательно съездим туда с тобой, а сейчас это падешь. Оно хоть и простое, но тебе к лицу.

У Лютфинисы радостно заблестели глаза. Схватив подарки, она убежала в шалаш. И через две-три минуты появилась снова.

— Ну, что я говорил. Как идет тебе этот наряд! Мне продавец сказал, что туфли со скрипом. Ну-ка, пройдишь, не обманул ли?

Лютфиниса прошла перед Азизханом — туфли весело поскрипывали.

Лютфиниса была безмерно рада — у нее впервые после смерти матери была обнова. Правда, на свадьбе ее одели в новое атласное платье, но по сравнению с этим то казалось чужим и холодным. К тому же оно быстро изорвалось в клочья в первую же ночь, когда они с Азизханом прятались в тугаях. Азизхан, глядя на расцветшую в повом простеньком платьице Лютфинису, ликовал не меньше.

— Ты погоди, мы еще лучше платье купим. У меня будет много денег! Завалю тебя платьями!

Азизхан вынул из кармана брюк целую горсть мятых денег.

— Вот, возьми. Купи себе, что хочешь!

— А вы себе?

— Чудная какая-то! Мне несколько чапанов и новых халатов подарили. Только вот еще сапоги со скрипом я бы купил себе. Деньги есть...

Слушая их разговор, повариха качала головой. Женщины ворочались с боку на бок, пытаются заснуть. Наконец одна из них не выдержала и прикрикнула:

— Эй, хватит щебетать. Дадите вы людям спать или нет? Нашли место объясняться!

Лютфиниса приложила палец к губам. Тсс! Взяв Азизхана за руку, она повела его в сторону от шалаша.

Кругом темно. Луна еще не поднялась из-за холмов. Чуть серебрятся вершины гор вдаль.

— Я хотела вам сказать... Арзихон-ая передала мне, что...

— Что она сказала?

— Говорит, в махалле неудобно ей перед соседями, что мы, не обвенчавшись, жили у нее. А то кривотолки ходят по кишлаку. Передай, говорит, Азизхану, чтоб принес все необходимое для плова,— соберем трех-четырех стариков из махалли на угощение и обвенчаем.

Азизхан просиял.

— Верно говорит Арзихон-ая. Пока обвенчаемся, а свадьба от нас не убежит. Сыграем после того, как работу здесь закончим.

Взявшись за руки, они гуляли до поздней ночи. Азизхан делился с Лютфинисой планами на будущее:

— Ишан-ака уговаривает меня остаться здесь. В райводхозе будешь работать, говорит. И дом есть, говорит, и платить будем хорошо, и для невесты место найдется — в яслях воспитательницей. А директор совхоза зовет к себе: хочешь, говорит, работай в стройбригаде, хочешь — в отделение совхоза пошлю. Словом, чувствую, стать нам избаскептцами. Если в совхозе останемся, директор двухмесячную зарплату авансом готов выплатить. Новые дома построили с несколькими комнатами и большой кухней.

— Может, согласиться с Усманходжаевым, Азизхан-ака? Ведь Ишан-ака к вам как родной отец относится. По его совету и поступайте.

— И верно! — согласился Азизхан. — А ты сумеешь в яслях работать?

— Думаете, не справлюсь? Старушки работают, а я разве хуже их?

Со стороны Киргиз-аула послышался людской гомон.

— Концерт закончился,— с сожалением сказала Лютфиниса.— А теперь уходите, а то мне покоя от подруг нет.

— Ну постой еще минуточку! — Азизхан, схватив за руку, притянул ее к себе.— Только разок поцелую.

Лютфиниса вырвалась.

— Хватит,— сказала она строго.— Не переходите границ дозволенного.

Азизхан в порыве нежных чувств обхватил ее тонкий стан крепкими руками и начал осыпать ее лицо, глаза, шею поцелуями.

Влюбленные перед свиданием обычно долго готовятся к нему, особенно девушки — прихорашиваются, пудрятся, душатся, мажут усьмой¹ брови, и от них всегда веет ароматом духов или душистого туалетного мыла. От волос Лютфинисы исходил какой-то особый горьковато-пряный запах степных трав, но для Азизхана он казался самым чудесным запахом на свете.

Для Азизхана с Лютфинисой это были мгновения, сотканые из лучей света всех цветов радуги, весенних дождей, распустившихся цветов, из стремительного полета над водой белогрудой ласточки, из нежного дыхания младенца.

Эти двое счастливых влюбленных не знали, что уготовила им судьба. Не думали о том, взойдет ли завтрашней ночью для них луна и будет ли, проплывая над вершинами гор, струить серебристый свет на волосы и плечи Лютфинисы.

XI

Штаб стройки специально для женских бригад учредил переходящее Красное знамя. Как ни старалась бригада Бокибаевой, но знамени завоевать не могла. Учитывая трудные природные условия, в которых приходилось трудиться бригаде из Учкургана, штаб вручил знамя учкурганцам. Бокибаева, недовольная этим, обрушилась на собрании на Тешавоя Мирзаева:

— Значит, глаза ваши дальше Учкургана не видят. Ес-

¹ Усьма — растение, которым красят брови, ресницы.

ли и в следующей декаде нам не вручите знамени, обязательно Усману-ата на эту несправедливость пожалуемся. Мы не хуже учкурганцев работаем!..

Бригада Бокибаевой действительно во второй декаде трудилась по-ударному. Как и было обещано, она по всем показателям вышла на первое место среди женских бригад. Норму по земляным работам бригада выполнила на четыреста сорок два процента. В газете «На Сталинской стройке» даже была помещена статья «Знаменосцы».

Сегодня в обед представители штаба: инженер Лебедев, главный инженер Азизов, председатель Избаскентского райисполкома Усманходжаев, собрав всех строителей в красном уголке, в торжественной обстановке вручили переходящее Красное знамя Бокибаевой. Приняв знамя из рук председателя райисполкома, бригадир попросила слова.

— Те, кто думает, что отпимет у нас это знамя, пусть не тешат себя надеждой. Мы пройдем с этим знаменем отсюда до тех мест, где Нарын сольется с Карадарьей. А слово свое мы держать умеем.

Подсев к Усманходжаеву, сидевшему в президиуме, она сказала:

— И это — вся ваша щедрость, Ишан-ака? Хоть бы нашим девочкам подарки преподнесли!

Усманходжаев решил отшутиться:

— У каждой из них есть муж, почему это я должен им что-то дарить?

Девчата рассмеялись. Ишан-ака вышел к столу с большой картонной коробкой.

— Вот наш самый дорогой подарок! — Достав из кармана листок бумаги, он стал читать: — «За самоотверженный труд на строительстве Большого Ферганского канала Президиум Верховного Совета республики наградил почетным знаком «Большой Ферганский канал» следующих товарищей...»

Усманходжаев зачитал двадцать фамилий женщин, удостоенных этого знака. Девчата подходили к нему, и Ишан-ака осторожно прикалывал каждой к груди значок. Когда очередь дошла до Хайринисы Бокибаевой, прежде чем приколоть значок, он демонстративно стал засучивать рукава рубашки.

— Вы что, собираетесь бороться с пей, Ишан-ака? — выкрикнула толстуха.

— Бокибаева привыкла к орденам, примет ли она какой-то значок? Вот я на всякий случай и приготовился защищаться...

Прикалывая к ее груди знак, он печально уколол Бокибаеву.

— Ох и озорник же вы, Ишан-ака! — сказала она, отстрапя его руку. — Никак не бросите озорничать!

В толпе это вызвало смех и веселые шутки. Усманходжаев, улыбаясь, сказал:

— Старый ваш вздыхатель. Стопло до вас дотронуться, и рука задрожала... Уж вы простите...

И работа, и обед, и даже собрания и митинги в этой бригаде проходили всегда весело, с шутками и смехом. Эти шутки и смех снимали усталость. Особенно веселились, когда приезжал к девчатам Усманходжаев. Этого человека любили и уважали не только в бригаде Бокибаевой. Он многие годы работал председателем Избаскентского райисполкома и знал всех от мала до велика. Ни одна свадьба, ни одни поминки в районе не обходились без его участия. И в радости и в горе он был всегда с пародом. Ко всем находил подход. Где бы он ни появлялся, там сразу становилось радостно и весело. Женщины в поле во время работы или на собраниях в правлении колхоза с ним на равных шутили и острили. Люди ходили к нему в контору за советом — делились горем или радостью и всегда находили поддержку.

И то, что на сегодняшнее торжество Усманходжаев приехал лично и сам вручал почетные награды, еще больше радовало женщин.

Хайриниса Бокибаева слыла в районе женщиной деловой и властной. К ее мнению прислушивались все, начиная от начальства районного и кончая руководителями республики. Несколько дней назад она ездила к председателю колхоза Тиллабаеву выяснять отношения.

— И не стыдно вам, аксакал. Женщины, оставив свои дома, малых детей и стариков, трудятся на стройке наравне с мужчинами. В других колхозах женщин на руках носят, а вы как кого премировать, так в первую очередь — мужчин. Велосипед ли, патефон ли — все им. Ничего, стройка скоро закончится, и забегаете за нами: «Эй, жеп-

щины! Где вы? Надо посмотреть за коконами, выйти в поле на чеканку хлопчатника. Женщины у нас в колхозе великая сила, пошевеливайтесь, родненькие!» Вот тогда мы с вами и поговорим.

Пока Тиллабаев собирался с мыслями, Бокибаева, хлопнув дверью, вышла из кабинета.

На сегодняшнее собрание Тиллабаев приехал с каким-то большим свертком. Стоял и ждал своей очереди. «Видно, мои слова задели за живое», — подумала Бокибаева.

После награждения значками Тиллабаев вышел на середину и каждому члену бригады подарил по отрезу хаптасы на платье. Толстуха и тут не удержалась.

— Рапс-бува, как называется ваш атлас?

Тиллабаев не любил пререкаться и спорить с женщинами. Зная эту черту его характера, толстуха намеренно втягивала председателя в разговор. Тиллабаев покраснел, не находя слов, чтобы ей ответить. Вместо него сострил Ишан-ака:

— Разве ты не знаешь, курносая, что он называется «кычыкатлас» — кокетливый атлас? Очень тебе к лицу.

Смех в толпе не умолкал.

Ишан-ака перед отъездом отозвал Хайринису в сторону:

— Которая тут певеста нашего палвана? У меня к ней разговор.

Бокибаева из толпы девчат, которые никак не могли угомониться, выкликнула Лютфинису. Ишан-ака, очарованный ее красотой, закачал головой.

— Не плохой вкус у нашего героя. Такую девушку не грех выкрасть. — И, обращаясь к Лютфинисе, сказал: — Будь осторожна, доченька, андижанские парни озорные ребята, не заметишь, как поперек седла окажешься. Эй, Хайри, и такая красавица у тебя на земляных работах? Послушай, дочка, скажу тебе по секрету, сегодня бригадир тебя пораньше отпустит. Вечером в Куйганяре состоится митинг, посвященный итогам соревнования строителей. Сам Усман Юсупов премирует Азизхана ценным подарком. Из Самарканда специально карабаирских жеребцов привезли. Один — Дупанбау, другой — Азизхану-палвану. Принаряжайся и приезжай туда, хорошо?!

Усманходжаев с Тиллабаевым тут же уехали.

Верно говорят: если хочешь, чтоб тайное стало явным, поделись секретом с женщиной. О предстоящем событии

через минуту уже знали в бригаде все. Как всегда, не обошлось без советчиков. Советовали наперебой:

— Ты ленточки в косы не вплетай, лучше заплети мелкие косички!

— Кончики волос намочи и намотай на карандаш, они и завьются!

— Пробор сделай слева, так тебе больше идет!

— Наденешь туфли на высоком каблуке, будет здорово!

Бокибаева, чтобы Лютфиниса успела умыться и переодеться, отпустила ее пораньше. Лютфиниса собрала в дорогу небольшой узелок с вещами и направилась к Кошарыку. Оттуда до Куйганяра было всего полчаса ходу. К тому же от Кошарыка к Куйганяру шли бесконечные вереницы машин и арб. Лютфиниса решила по пути навестить тетушку Арзихон.

Женщины продолжали работать. Толстушка, не зная, над кем теперь шутить — Лютфинисы-то не было, — смешила подруг: она по-мужски толкала впереди себя тачку с землей и с криком «бомба!» опрокидывала ее набок, прикрывая лицо руками — туча пыли поднималась вокруг нее.

Бокибаева укрепила красное знамя на крыше шалаша. Погода стояла безветренная, и бархатное полотнище, обшитое по краям золотыми кистями, обвисло.

Бригадир, вызвав к себе табельщика Латифджана, сказала:

— Все равно сидите без дела. Чем этак мух ловить, машите лучше этим знаменем, чтобы оно трепетало.

Бокибаева сняла с крыши знамя и показала, как Латифджану следует махать им. И теперь табельщик стоял на холме, размахивая знаменем. Бригадир кипит на посылки две лопаты земли и на знамя посмотрит, как оно трепещет.

Вечером Ишан-ака прислал в бригаду двух известных во всей Ферганской долине певцов — Бидонхон и Рахиму Эрматовых. Перед шалашом на поляне развели костер и устроили вокруг него пляски. Бидонхон удивительно нежным и звонким голосом исполняла народные песни, ей подпевала Рахима. Под восторженные крики и аплодисменты собравшихся вместе с артистами пускались в пляс и девочки.

Если бы Бокибаева не прекратила гулянку, кто знает, может быть, веселье продолжалось бы до утра.

Толстушка, ложась в постель, взглянула на соседнюю койку. Лютфинисы не было. Сквозь входное отверстие в шалаш пробивался утренний рассвет. Бокибаева стояла, прислонившись к столбу, подпиравшему шалаш, и задумчиво глядела на светлеющий горизонт.

— Лютфинисы нет еще! Пусть только придет, ей такую «ревизию» устрою, — проворчала толстушка.

Бокибаева сердито взглянула на пес.

XII

Увидев Лютфинису, Арзихон-ая запричитала:

— Сладенькая ты моя, и куда это ты запропастилась? О славе твоей слышу, а самой не вижу. Об Азизхане я и не говорю, исчез, как в воду канул. Неужели трудно было за эти дни хоть разок навесить меня?

Лютфиниса всем сердцем любила эту милую, добрую старушку, чем-то похожую на ее ласковую мать. Арзихон-ая, продолжая что-то приговаривать, забегала по двору, не зная, куда усадить гостью.

С тех пор как на стройке ускорился темп работы, у Лютфинисы не стало времени навещать старушку. Арзихон-ая, привыкшая к ней, как к дочери, каждый вечер глядела на дорогу.

— Истомила ты меня ожиданием, доченька. Неужто не могла хоть на минуту забежать? Я было собралась уже сама разыскивать тебя.

Арзихон-ая обняла, расцеловала Лютфинису и, отстранив ее от себя, оглядела с ног до головы.

— Похудела-то, бедненькая моя. Ну прямо тростиночка! Хочешь, я тебе воды согрею, голову вымоешь? Небось и мыться вам некогда там?

Она взяла из рук Лютфинисы узелок с вещами и кинула на айван.

— Спасибо, Арзихон-ая, голову мне не мешает помыть. Сегодня в Куйгайяре большой митинг. Азизхану сам Усман-ата коня будет дарить. Меся пораньше отпустили, чтобы успела на это торжество попасть.

— Сейчас, доченька, сейчас! Я быстренько воды согрею. Разве я могу в чем-нибудь отказать тебе. — Арзихон-ая поспешила к очагу. — И волосы тебе в сорок косичек за-

плету. А ты, доченька, нарви усымы и брось на солнышко, чтобы немного уяла.

Наколов дров, она развела огонь под казаном и мелкими щепками растопила самовар.

— Вот закончится строительство, и разъедетесь кто куда. Интересно, вспомните ли вы меня тогда: мол, была такая старуха-копошиха!

Лютфиниса нежно обняла ее за плечи и прижалась к ее лицу щекой.

— А мы, тетушка, никуда не уедем. Здесь останемся.

— Ах, как было бы славно, если бы остались здесь. Тогда две дочери и два зятя стало бы у меня.

Огонь в самоваре загудел — пламя било из трубы почти на полметра. Лютфиниса развязала узел и показала старушке отрез, которым премировали их сегодня. Арзихон-ая, ахая от восторга, покачала головой, проверила, как он переливается на свету, и почему-то сжала с изнаночной стороны несколько раз в кулак.

— Хороший атлас. И рисунок, и выработка хорошие. Носи на здоровье, доченька.

— Сегодня подарили. Сам Тиллабаев вручал всей нашей бригаде. Никого не забыл.

— Носи на здоровье, доченька! В самые счастливые и радостные дни носи — на свадьбе своей и в праздники. Не приехала бы ты в наши края на строительство канала, откуда бы тебе видать такие почет и уважение. Сидела бы дома — волосы венником, руки ухватом. Спасибо нашему правительству. Это оно сделало равноправными людьми бесправных и униженных женщин, как мы с тобой. Долгих лет жизни тебе, доченька. Да чтоб я сама прислуживала на твоей свадьбе!

Самовар закипел, переливаясь через край. Арзихон-ая налила в два ведра кипятку, разбавила холодной водой и, поставив ведра у ямы, вынесла Лютфинисе пиалу с кислым молоком.

— Я без молока буду мыть голову, тетушка. Завтра снова копать землю, а к жирным волосам пыль очень липнет.

— Ну, как знаешь, дочка! — сказала старушка и унесла молоко обратно в дом.

Лютфиниса распустила длинные волосы, расчесала их толстой гребенкой и принялась мыть в большом тазу, а старуха, сидя на айване, любуясь ею, улыбалась. Намок-

шее платье прилипло к телу Лютфинисы, и сквозь расстегнутый ворот рубахи виднелись упругие девичьи груди. От нее веяло молодостью и свежестью.

Лютфиниса была в том самом возрасте, когда все в ней — и глаза, и набухшие губы — жаждет поцелуя. И нежный голос дрожит от волнения и радости. Кто-то верно заметил, что и сама улица, по которой прошла восемнадцатилетняя девушка, пробуждает в сердцах любовь.

Но не об этом думала Арзихон-ая, глядя на Лютфинису. Для того чтобы почувствовать и оценить всю эту красоту и молодость, нужен был глаз джигита.

Лютфиниса расчесала волосы и, чтобы они не мешали убираться, скрутила их венком вокруг головы.

Было еще светло. Могучие тополя на главной улице Кошарыка отбрасывали длинные тени.

Тетушка усадила Лютфинису на айване, сама села позади и не спеша принялась заплетать косички. Дочь Арзихон-ая приезжала к матери каждую пятницу помыть голову, а главное, заплести косички. Тетушка Арзихон делала это с большим умением.

— Не обязательно сорок косичек, тетушка. Можно и двадцать. Ну чего вы себя мучаете. Все равно я их вокруг головы уложу, — сказала Лютфиниса.

Солнце скрылось за деревьями. Опускались вечерние сумерки. Со стороны Куйгашира уже слышались звуки карнаев, приглашающие людей на праздник. Лютфиниса поспешно встала и ушла в дом переодеваться. Когда вышла в новом нарядном платье и лакированных туфлях, Арзихон-ая всплеснула руками:

— Какая ты красивая! Ну прямо вся светисься! И вправду говорят, человека одежда красит.

Она побежала на кухню возжечь гармалы против сглаза, положила на совок горячих угольков, насыпала сверху щепотку травы.

— Сейчас, доченька, сейчас! Да уберезет тебя бог от дурного глаза!

Старушка подула на тлеющие угольки, раздувая пламя, пока не затрещала сухая трава и не повалил густой белый дым. Она несколько раз обошла с совком вокруг Лютфинисы, окуривая ее.

— Ну вот, теперь можешь идти. Любую дурную силу отталкивает от человека эта трава.

Кто-то робко постучался в калитку. Старушка с совком

в руке пошла к уличному проходу. С улицы слышался копский топот и ржанье. Лютфиниса, занятая собой, вертелась перед зеркалом. Услышав, как старушка кого-то любезно приглашает в дом, она с любопытством взглянула на дверь и обмерла. Во двор входил Акбарали. Старуха, увидев застывшую камнем Лютфинису, стала упрекать ее:

— Ну что стоишь, доченька? Брат твой приехал. Расстели курпачу, приготовь место для гостя!

Акбарали шел навстречу ей улыбаясь, его сияющее, радостное лицо не предвещало ничего плохого.

— Ну как ты, Лютфи? Жива-здорова? Один-единственный у тебя брат, и того ты забыла.

Лютфиниса чуть расслабилась, но, не в силах ничего сказать, робко шагнула к нему.

— Вот, решил навестить тебя.

Арзихон-ая поспешно расстелила одеяло на айване и пригласила гостя:

— Пожалуйте, дорогой. А то доченька как сиротка, одна уж истосковалась, испечалилась. Хорошо, что навестили ее.

Акбарали, откинув край одеяла, присел на айване. Лютфиниса, никак не решаясь заговорить, только испуганно глядела на брата.

— Садись, сестричка, — сказал Акбарали. — Мне с тобой необходимо поговорить.

Она опустила голову напротив. Акбарали, не зная, с чего начать разговор, сидел, задумчиво опустив голову, потом поднял на нее глаза:

— Хватит скитаться, сестричка. Небось себя уж прокляла, что так нехорошо поступила. Поиграла, и баста. За тобой вот приехал.

— Не могу я поехать с вами, Акбарали-ака, — ответила Лютфиниса, не поднимая головы. — Зириллама — проклятое для меня место.

— Зря ты так говоришь. У тебя там живут родные. Я ведь тебе — и за мать, и за отца. Жила со мной, забот никаких не знала. А ты, неблагодарная, опозорила меня перед всем кишлаком. Я ведь тебе ничего не сказал. Не погнался за тобой. Смолчал, схоронил все это в душе. Пора и тебе за ум взяться.

Лютфиниса исподлобья взглянула на брата.

— Не уговаривайте меня, Акбарали-ака. Я отсюда ни-

куда не уеду. Через две недели пустят воду в канал, я должна быть здесь.

Акбарали насмешливо ответил:

— Ты думаешь, без тебя вода по каналу не пойдет? Не будь душой!

— Доченька столько труда вложила в строительство этого канала, — вмешалась в разговор Арзихон-ая. — Обидно уходить, когда, как говорится, плов уже готов! Здесь такой той будет. Пусть уж погуляет. Ведь заслужила.

Акбарали сердито посмотрел на старуху:

— А вы, тетушка, не вмешивайтесь не в свои дела. Разве чужому человеку понять, что родные между собой не поделили. Вы говорите: пусть погуляет на торжествах. А ей не привыкать оставлять такие тои. Вы уж не встревайте. Сами разберемся.

Арзихон-ая, не ожидавшая грубости от брата Лютфинисы, сначала было расстроилась, а потом, рассудив, что и в самом деле некрасиво вмешиваться в чужую жизнь, ушла за дом поработать в саду. Проводив Арзихон-ая недобрым взглядом, Акбарали зло посмотрел на сестру:

— Значит, не поедешь?

— Нет! — решительно ответила Лютфиниса.

— В последний раз тебя спрашиваю, поедешь со мной?

— Не поеду!

— Тогда пей на себя!

Он резко встал с курпачи и спустился с айвана. Лютфиниса тоже поднялась. Настроение у Акбарали испортилось. Как ни хотела Лютфиниса, но не в силах была простить брату те унижения и оскорбления, что пришлось ей вынести по его вине, и потому она сейчас готова была постоять за свое счастье, чего бы это ни стоило. Лютфиниса, словно готовясь к бою, стояла сжав кулаки.

Акбарали наклонился, нащупал за голенищем правого сапога рукоятку ножа и ловким движением вытащил его из чехла.

— Ты опозорила меня, согнула мою голову, осквернила память матери, запятнала весь наш род. И за все это...

Схватив ее за руку, он так дернул, что Лютфиниса, потеряв равновесие, уткнулась лицом в его плечо. И Акбарали дважды с размаху вонзил нож в ее грудь. Лютфиниса медленно, как подрезанная камышинка, повалилась на землю.

Одним прыжком Акбарали оказался у калитки. Огляд-

пулся: Лютфиниса пыталась приподняться. А когда она, собрав последние силы, подняла голову и посмотрела в его сторону, Акбарали и след уже простыл. Руки ее подкосились, и она со стоном припала к земле. Кровь, медленной струйкой вытекавшая из-под нее, оставляла на земле длинный извилистый след.

XIII

В Куйганяре в Зеленом театре каждый день новое представление. Ташкентские театры поочередно показывают на его сцене свои спектакли. Вот и сегодня в театре большой праздник. В торжественной обстановке будут вручаться почетные нагрудные знаки двумстам передовикам, особо отличившимся на строительстве. Зал красиво убран — на сцене длинный стол для президиума, покрытый кумачовой скатертью, на нем цветы в вазах; кругом лозунги, плакаты; над сценой огромный транспарант: «Пламенный привет строителям Большого Ферганского канала!» По обе стороны сцены портреты двух самых прославленных строителей — Дунаана Дусматова и Азизхана Умматалиева. Люди, заполнившие зал Зеленого театра, вытягивая шеи, смотрят по сторонам. За столом президиума руководители республики, народные комиссары, начальники участков стройки, инженеры. Председатель собрания начальник штаба строительства Тешавой Мирзаев осмотрел зал.

— Приглашаются в президиум Дунаан Дусматов и Азизхан Умматалиев!

Дунаан и Азизхан поднялись со своих мест и под восторженные крики и бурные аплодисменты собравшихся прошли в президиум. Усман Юсупов усадил их рядом с собой.

Азизхан смущался. Он чувствовал, что взгляды сидевших в зале прикованы к нему. Сквозь шум голосов и несмолкаемый гром аплодисментов до Азизхана долетали только отдельные фразы: «Да он еще молод! Не верится, что такой парень смог одолеть самого Эша-палвана! Бог, видно, наделил его незаурядной силой!..» — «Э-э, тут дело не в силе, а в везении. Повезет — даже хлипкий окажется в рядах палванов...»

У Азизхана от этих похвал кружилась голова. Он не

слушал, что говорил Тешавой Мирзаев. Азизхан стал искать глазами Лютфинису. Смотрит ли она, как чувствуют ее Азизхана. Но ее в зале не было видно. Он заметил сидевшего в первом ряду Эпа-палвана, тот сердито сверкал глазами, выражая недовольство тем, что не он, а какой-то мальчишка сидит в президиуме.

Азизхан думал, что после выступления Тешавоя Мирзаева им начнут вручать нагрудные знаки, но на трибуну пригласили главного инженера Лебедева. Инженер говорил о качестве строительства, отмечал успехи и недостатки в работе, о том, что выбивает их из графиков строительства. Азизхан был равнодушным ко всему, что говорилось с трибуны Лебедевым. Ему хотелось, чтобы поскорей к его груди прикрепили почетный знак. Лебедев выступал долго и в конце своей речи покритиковал Белявского. Старик же бросал тому с места реплики. Юсупову, чтобы не возникло ссоры, пришлось даже призвать к порядку Белявского.

— Товарищ Лебедев прав. Учкурган не укладывается в график выполнения намеченных проектом работ. Ведь строительство участка должно вестись согласно утвержденному плану. Если есть у вас возражения, пожалуйста, выскажите.

Белявский сменил на трибуне Лебедева.

— Хорошо, скажу. Мы все вместе утверждали этот проект, товарищ Юсупов. Я тоже голосовал за него. Но жизнь внесла свои коррективы. Мы не могли всего предусмотреть. Проект делается на бумаге, а работаем мы на земле. На трудном каменистом участке. Щебень и песок, как фильтр, пропускают воду, и свыше двадцати процентов воды уходит в грунт. Поэтому дно канала следует утрамбовать. Нам нужны специалисты, которые могли бы дать свое заключение. Кроме того, вода в Карадарье илистая; оседая на каменистых участках, она сама укрепляет дно, а вода в Нарыне прозрачна и чиста, щебень с песком легко пропускают влагу. Мы об этом сообщили главному инженеру.

Сидевшие в президиуме в задних рядах специалисты согласно кивали головами.

Юсупов взглянул на Лебедева:

— Что вы на это скажете?

Лебедев, кажется, не был готов к ответу. Растерянно сказал:

— Это все надо проверить в процессе работы, товарищ Юсупов.

— А как вы думаете, аксакал? — обратился Юсупов снова к Белявскому.

— Хочу предложить такой вариант, — сказал Белявский. — Если нам дадут двадцать мощных насосов, с помощью которых мы сможем залить полуторакилометровую каменистую трассу цементной смесью, то проблема будет решена. Цемент свяжет щебень и песок, и потом, когда по каналу пустят воду, он предотвратит всасывание влаги в грунт.

В президиуме разгорелся горячий спор. Решили заново изучить этот участок трассы канала и рассмотреть предложение Белявского. Когда страсти улеглись, на сцену вынесли большую картонную коробку и из нее на стол президиума стали выкладывать стопками небольшие красные коробочки. Ахунбабаев вышел из-за стола на середину сцены и первым приколот почетный знак к груди Дунапа Дусматова. Азизхан, уверенный, что сейчас вызовут его, сидел взволнованный, и сердце колотилось сильно, но Ахунбабаев вторым назвал Белявского. Очередь до Азизхана дошла через семь человек.

— Ученик Дунапа Дусматова, рекордсмен по поднятию тяжестей, еще не уступивший никому первого места в своем деле, прославленный строитель канала Азизхан Умматалиев!

Взволнованный Азизхан встал и под аплодисменты собравшихся подошел к Ахунбабаеву. Председатель Верховного Совета приколот к его груди знак строителя Большого Ферганского канала, одобрительно похлопал парня по плечу и, поздравляя с наградой, обнял Азизхана. Опьяненный и счастливый шел Азизхан на свое место и очень жалел, что нет в зале отца с матерью. Зачем он отправил родителей обратно в кишлак? Надо было задержать их, пусть бы посмотрели на эти торжества и порадовались за сына.

Ахунбабаев поочередно вызвал на сцену свыше ста строителей. Он уже не прикалывал значок, а вручал красные коробочки и каждому жал руку. Председатель собрания объявил, что тем, кому не вручили почетные знаки, от имени Верховного Совета республики они будут вручены начальниками участков.

И тут в зал ввели двух покрытых бархатной попоной вороных. Все притихли. Усман Юсупов встал и, обращаясь к народу, сказал:

— Дорогие друзья! Наши доблестные строители! Сегодня мы собрались здесь, чтобы чествовать двух наших передовиков, показавших на стройке чудеса трудового героизма и положивших начало новому стахановскому движению. Вам известны их имена. Один из них — знаменитый землекоп Дунан Дусматов. Штаб строительства премирует его скакуном.

Под рукоплескания собравшихся Тешавой Мирзаев вывел вороного и остановился перед сценой.

— Ну-ка, Дунанбай, садись на коня!

Дусматов спустился со сцены, подошел к Мирзаеву. Двое парней поддержали его за локти, и Дунап, вставив ногу в стремя, легко вскочил на коня. Затем Юсупов назвал Азизхана Умматалиева.

Азизхан совсем растерялся. «Меня ли это называют или другого?» — подумал он и оглянулся по сторонам. Сидевший позади него в президиуме Джура-палван толкнул его в бок: «Ты что, глухой? Вставай же, олух!»

Азизхан с трудом, словно прирос к стулу, поднялся с него. Вразвалку, не спеша спустился со сцены к Тешавою Мирзаеву. Рядом с ним как из-под земли выросли Тендик и Бейшенали. Они ловко подхватили его и усадили верхом на вороного. Конь забил копытами, затряс шеей с вылетенными в гриву шелковыми лентами. Азизхан покачнулся в седле, но тут же, крепко ухватившись за лук седла, выпрямился.

Под восторженные крики людей и гром аплодисментов Тешавой Мирзаев совершил с ними круг почета и, остановившись у сцены, поднялся бодро по ступенькам в президиум.

— Товарищи! — обратился он в зал. — На этом торжественное собрание считаем закрытым. После перерыва будет дан большой концерт.

Азизхана со всех сторон обступили люди. Он едва успевал пожимать им руки. Конь бил копытами, но с места не двигался, зажатый толпой.

Джура-палван охрип, расталкивая перед ним людей и расчищая дорогу. И когда они вдвоем с трудом выбрались из помещения театра, Азизхан увидел одинокую фигуру Эша-палвана, который, понутив голову, не обращая

внимания на шум и крики, стоял в стороне. У Азизхана на душе заскребли кошки. Не окажись он здесь на стройке по воле случая, непременно этого коня оседлал бы Эш. Азизхан спрыгнул с коня и, сунув уздечку Джуре-палвану, подбежал к Эшу. Обнял и приподнял его за пояс.

— Не обижайтесь, Эш-ака. Хотите, я встану перед вами на колени? Вы мой учитель...

Азизхан не успел договорить. Эш-палван грубо оттолкнул его и сквозь зубы прошипел:

— Рано ты цыплят считаешь, выскочка! Высмеять меня хочешь?

И, тяжело ступая, зашагал к чайхане.

Азизхан в душе пожалел, что подошел к Эшу-палвану поделиться своей радостью и выразить свое доброе расположение к нему. Эш не понял его. Конечно, он поступил так в порыве гнева и обиды. Может быть, на его месте Азизхан и сам поступил бы так? Но настроение у него уже было испорчено.

В Зеленом театре начался концерт. Стоявший в стороне Джуре-палван подвел коня.

— Да оставь, не переживай! Что с него возьмешь? Пройдет время, и успокоится. Я пойду на концерт. А ты, если хочешь, поезжай к Лютфинису.

Азизхан принял из рук друга уздечку. Конечно, надо найти Лютфинису. Почему ее не было на торжественном собрании? Вот бы она радовалась вместе с ним его успеху, если б видела, как сам Ахунбабаев приколот к его груди почетный знак строителя, а потом Мирзаев усадил верхом на вороного. Она бы уж больше не жалела, что сюда приехали. Может быть, ее не отпустили в Куйгянар? Была бы здесь, обязательно сидела бы в первом ряду, радостная и счастливая.

Азизхан решительно вскочил на коня и поскакал в Кошарык. Видно, скакун был в хороших руках: шел рысью легко, размеренно отбивая копытами дробь. Переехав через мостик, Азизхан во весь рост приподнялся на стремянах и на ходу обломил веточку ивы. Чуть в стороне под сенью деревьев пятеро парней, расположившись вокруг бурдюка с кумысом, попивали из пиал пенистый ароматный напиток. Один из дружков окликнул Азизхана и, наполнив до краев касу, подойдя к нему, протянул руку с чашей.

— Поздравляем с достойным подарком. По всему видно, настоящий конь. Пусть будет хорошим другом тебе, братишка. Чтоб не подводил тебя на скачках. На вот, выпей-ка эту касу до дна.

Азизхан, приложив руку к груди, извинился.

— Спасибо, братцы.

— Э, братишка, тот почет и уважение, что увидел ты, не знал сам легендарный Рустамхон. Выпей же это. Разве можно кобыльим молоком брезговать?!

Азизхан, тронутый вниманием незнакомых ему людей, махнул рукой и, засунув обломанную ветвь в сапог, взял чашу в руки.

— Ну, будь по-вашему, братцы. Такой день бывает раз в жизни. За это стоит выпить.

Он залпом осушил касу и возвратил ее стоявшему рядом парню. Тот, принимая из рук Азизхана пустую чашу, с восхищением похлопал коня по загривку:

— Хороший конь! Удачи вам, брат!

Азизхан хлестнул коня, и тот легко взял с места галопом. Прохожие оглядывались на молодого джигита, скачущего на лихом коне, а те, что понимали толк в лошадях, одобрительно качали головами.

Поднявшись на холм, Азизхан посмотрел назад — от туда все еще доносились восторженные голоса людей. Наклонившись, Азизхан нежно обнял коня за шею, погладил шелковую гриву. Он все никак не мог поверить в происшедшее. И чтобы убедиться в том, что это не сон, Азизхан ущипнул себя.

Потом с силой прищипнул коня, и его вороной как стрела помчался вперед — на безлюдных, тихих улочках только эхом отдавался топот его копыт.

Слегка захмелевший от кумыса, Азизхан словно летел на крыльях. Ветер развеивал полы его халата, обвеивал прохладой раскрасневшееся лицо. Сейчас в мире не существовало счастливее человека, чем он.

За гузаром Кошарык показался дом Арзихон-ая. Еще издали Азизхан заметил привязанную к дереву у калитки лошадь. Кто же приехал к ним? Может, зять Арзихон-ая. Азизхан не успел еще что-либо подумать, как из калитки выбежал какой-то мужчина, быстро отвязал лошадь и в спешке никак не мог попасть ногой в стремя. Наконец он кое-как вскочил на лошадь и захлестал ее так, что та встала на дыбы, а потом, подняв тучи пыли,

скрылся за поворотом. Азизхан, все еще ничего не понимая, подъехал к дому, спешился и вошел во двор. Из глубины двора слышался горестный плач тетушки Арзихон и ее причитания.

— Ой, доченька ты моя! Безвременно покинувшая нас, голубка моя!

Посреди двора лежала Лютфиниса. Побледневший Азизхан подбежал к ней и, взяв на руки, поднялся на айван. Лютфиниса еще дышала, глядя на Азизхана потускневшими глазами. Пытаясь что-то сказать, она беззвучно шевелила губами. Вдруг тело ее напряглось, Лютфиниса приподняла голову и тут же уронила ее набок.

Азизхан от отчаяния зарычал как лев.

— Кто? Кто этот негодяй?

Арзихон-ая, дрожа от волнения, не могла произнести и слова.

— Брат... брат ее приезжал. Оставила их одних. Пусть, думаю, брат с сестрой спокойно поговорят...

Азизхан уложил Лютфинису на одеяло. Арзихон-ая подложила ей под голову подушку. Азизхан решительно встал с места и стремительно направился на улицу. Одним махом вспрыгнул в седло и помчался вслед за всадником, скрывшимся за поворотом.

• XIV

Как Акбарали ни старался, лошадь не слушалась его. Почувяв запах крови, она встревоженно шарахалась, то и дело вставала на дыбы, стараясь сбросить седока. Но крепко сидевший в седле Акбарали не давал воли лошади. Акбарали весь взмок, пока добрался до махалли Сай. Впереди показались ярко освещенные фонарями улицы городка. Со злости он резко рванул удила и почувствовал, как зачмокала слипшаяся на руках между пальцами кровь. Акбарали поднес ладонь к глазам: увидел и сам испугался, его всего передернуло — руки, одежда, тубейка на голове и та была вся в крови.

Ехать через город было опасно. Он поспешно свернул налево. Это была знакомая дорога на Харкоп. А дальше, в обход, он знал, она выведет его в Найман. Дорога тянулась мимо хлопковых полей. Кое-где еще в поле работали люди, хотя в темноте ничего нельзя было различить. Наверное, нет другой такой твари, как собака, которая бы

так сильно чуяла запах крови. По пути его несколько раз с лаем преследовали собаки. От них лошадь шарахалась в сторону или начинала лягаться.

Акбарали немного успокоился, когда отъехал подальше от кишлаков. Поднявшаяся из-за холмов круглая, как медный поднос, луна высвечивала кроваво-красным светом его руки и одежду. Акбарали, ослабив поводья, чтобы лошадь почувствовала волю и успокоилась, огляделся по сторонам: нет ли воды, чтобы умыться, смыть с себя следы крови. Как назло, по пути не попадалось ни одного арыка. Убедившись, что за ним нет погони, он остановился, сошел с лошади и, взяв ее под уздцы, зашагал вперед. Правда, он и сам не знал, куда держит путь. Шел Акбарали долго. Луна висела уже над самой головой. Только теперь осознал Акбарали весь ужас совершенного им поступка. С того самого дня, как Лютфиниса сбежала из дома, его не покидала мысль о запятнанной мужской чести. Он думал восстановить ее любым путем, пусть даже ценой смерти этой «бесстыдницы». Вот и добился своего! Но как он теперь будет смотреть людям в глаза? Ему придется расплачиваться за содеянное, горько расплачиваться. Акбарали остановился. Невольно руки его потянулись к шее лошади погладить гриву, но, учуяв запах крови, лошадь мотнула головой.

«Только бы ни о чем не думать! Забраться как можно дальше, чтобы никто не нашел! Спасись, как-нибудь спасись!» — пронеслось в голове. Одним махом Акбарали вскочил в седло и хлестнул коня. Лошадь рванулась вперед и ветром понеслась в поле. Акбарали закрыл глаза и слышал только равномерный конский топот. Очнувшись, услышав человеческие голоса. Впереди показалась ярко освещенная огнями дорога. Через Зеленый мост с грохотом проносился товарный состав. Акбарали замер как вкопанный. Это же Куйганяр! Как же он снова очутился здесь? Значит, сделал круг, он снова приехал туда, где пролил кровь своей сестры! Верно, видно, в народе говорят, что убийца обязательно возвращается на место совершенного преступления. Акбарали проворно развернул лошадь и поскакал обратно, но, как ни понукал ее, утомленная скачущей скотина едва передвигала ноги. Отъехав от Куйганяра на почтительное расстояние, Акбарали заметил скачущего навстречу всадника. Чтобы не выдать своего волнения, Акбарали взял себя в руки и успо-

коплся. Всадник быстро приближался. Сзади, со стороны Зеленого моста, послышались выстрелы — в небо взлетели разноцветные ракеты — красные, зеленые огни ярко вспыхивали в небе, и, падая, оставляли длинный белый шлейф дыма. При вспышке все вокруг озарялось ярким сиянием. Акбарали разглядел всадника. Это был Азизхан.

Акбарали с ожесточением стал хлестать лошадь, но та не двигалась с места. Азизхан приближался. Акбарали от бессилья вскипел злобой. Он согнулся и в голенище правого сапога нацупал нож. Выпачканный в крови, он слипся с чехлом, и Акбарали, зло выдернув его оттуда, отшвырнул чехол в сторону. Азизхан находился всего в нескольких шагах от него.

— Не подходи! Убью! Видишь? Жаждет твоей крови! — крикнул Акбарали, махая перед собой ножом.

Его лошадь, снова почуяв запах крови, шарахнулась в сторону. Акбарали не удержался в седле, тяжело грохнулся на землю и нехорошо выругался. Он сжался в комок, думая, что Азизхан затопчет его конем. Но Азизхан не спеша сошел с коня. Акбарали отполз в сторону, вскочил на ноги и пустился бежать через поле. Азизхан побежал следом, хорошо зная, куда выведет эта дорога. В те дни, когда он с Лютфинисой жил у Арзихон-ая, они бегали через поле к реке и часами просиживали на берегу. Минут через пятнадцать Акбарали оказался у реки. Дальше бежать было некуда. Повернувшись к преследователю лицом, он, тяжело дыша, стал ожидать Азизхана.

— Не подходи! Убью! Если не надоело жить, не подходи!

Азизхан уверенно шел к нему навстречу. Акбарали с диким ревом бросился на него. Азизхан увернулся, и Акбарали проскочил мимо. Азизхан ударом ноги свалил его на землю. Акбарали, корчась от боли, теперь лежал у его ног. Азизхан припер его к земле коленом в грудь. Глаза Акбарали в темноте сверкнули, как у кошки.

— Негодяй! Убийца! — гневно сказал Азизхан. — Как ты мог поднять руку на родную сестру! Мать завещала тебе беречь ее как зеницу ока! Нечестивец!

— Нет у меня сестры! Она проклята богом! — прохрипел Акбарали.

Руки Азизхана сильно сдавили шею Акбарали, по тут

же расслабились. Схватив своего врага за ворот рубахи, он приподнял его с земли.

— Нет, ты так легко не умрешь. Сначала ты посмотришь на то, что содеял... Вставай и иди за мной!

Акбарали продолжал сидеть на земле, опустив голову на колени. Азизхан с силой потянул его за рукав. Как тот ни упирался, по куда ему было противостоять Азизхану-палвану.

А над Зеленым мостом все взлетали ракеты, и их ярким сиянием было охвачено все небо.

Сделав несколько шагов, Акбарали вновь опустился на землю.

— Постой! — жалобно простонал он. — Послушай, парень! Не будь таким наивным. Лютфи была недостойна тебя. Могла ли девушка, поправшая честь брата, стать верной женой?!

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь?..

— Я найду тебе таких девушек, невинных, целомудренных, которых даже мать родная не целовала. Давай лучше помиримся. Буду тебе настоящим братом. Такую свадьбу тебе сыграю. Лютфи получила по заслугам. Собаке собачья смерть. Хочешь, мы с тобой уедем в Кашгарию? Родственник у меня там живет. Племянничек. Зубным врачом работает. С твоею силой да способностями ты там в золоте купаться будешь. Давай уедем!

— Напрасно стараешься! Всех по своей мерке не меряй! Шкурник проклятый!

Азизхан сильным ударом свалил Акбарали. Акбарали поднялся на четвереньки и отполз в сторону, пытаясь убежать. Азизхан поймал его у самой кромки воды, ловко ухватил его за пояс и кинул через себя. Акбарали как мешок плюхнулся за его спиной, тут же вскочил на ноги и бросился в реку. Азизхан успел схватить его за ногу, но в руке остался только один сапог. Он отшвырнул его в сторону. При холодном сиянии луны волны, как льдинки, разбитые на мелкие кусочки, вспыхивали искорками и тут же гасли.

Акбарали поплыл к противоположному берегу. Обесилев после тяжелой схватки с Азизханом, он с трудом шевелил руками. Быстрым течением его относило в сторону. Намокшая одежда тянула вниз, и он тяжело зашлепал по воде руками, стараясь удержаться на поверхности. Набежавшая волна накрыла его с головой.

Азизхан стоял и смотрел на волны. Потом резко повернулся и зашагал через поле. Выжженная солнцем сухая трава шуршала под ногами.

Луна скатилась к горизонту, и тевевая сторона жолмов казалась иссиня-черной. В безлюдном поле две лошади преспокойно щипали траву. Только теперь Азизхан почувствовал усталость: тело словно налилось свинцом, и он с трудом волочил ноги. На трассе канала стояла мертвая тишина. Куйгапяр спал, окутанный ночным безмолвием: погасли факелы, смолкли голоса людей, грохот работающих тракторов.

Со времени начала строительства канала Азизхан не мог припомнить такой тишины. Или он не замечал этого потому, что ему не приходилось бродить по кишлаку в столь поздний час?

Азизхан взял под уздцы своего коня и не спеша зашагал к дороге. Впереди показались огни Зеленого моста. Шел он с полчаса. Вот по мосту с грохотом промчался товарняк. Прожектор на паровозе светил ярким лучом, как пожаром полосуя безлюдную степь.

Снова стало тихо. Тишина еще сильнее угнетала Азизхана, наводя чувство страха. Перед глазами стояла умирающая Лютфиниса, и слышался хрип тонущего Акбарали.

Азизхан еще толком не видал жизни, не знал, что такое смерть. А тут за одну ночь две смерти обрушились на его голову.

Азизхан шел, охваченный мрачными мыслями, в этой, казалось ему, беспросветной ночи. То Лютфиниса, глядя на него угасающими глазами, прощается с ним, то снова чудится сдавленный хрип Акбарали. Эти видения всю дорогу преследуют Азизхана. Мрачные мысли могут доконать его. Азизхан сел верхом на коня. Скакун словно того и ждал — пустился вскачь, не ожидая понуканий хозяина. Конь, успевший отдохнуть и подкрепиться на поле, легко и играючи нес его вперед.

Когда Азизхан добрался до Кошарыка, рассвело. Вот уж за поворотом дом Арзихон-ая. Учащенно забилося сердце. До его слуха донесся горестный плач женщины. Он узнал голос Арзихон-ая. Грудь сдавило от боли. Азизхан умерил бег иноходца. Подъехав к калитке, он неторопливо спешился, набросил уздечку на седло и вошел во

двор с понурой головой. Тело Лютфинисы, покрытое белым саваном, лежало посредине айвана. Азизхан еле сдержал себя, чтобы не разрыдаться: словно горячим пламенем обожгло ему грудь. Как ни силился крепиться Азизхан, не удержался, со стоном бросился на тело Лютфинисы. Кто-то пытался поднять его, но тетушка Арзихон сказала:

— Оставьте. Они ведь были как Лейли и Меджвун. Пусть выплачется. Пусть свои неисполненные надежды и желания выплачет.

XV

На похороны из кишлака приехали земляки во главе с Раимберды. У калитки их встречал Азизхан, одетый в черный халат. Поздоровавшись с ним, они отошли в сторону.

На Азизхана было жалко смотреть: крепкий, полный сил и энергии парень весь как-то обмяк и согнулся.

На скольких поминках и панихидах побывал Раимберды-тога с тех пор, как руководит колхозом, он и не припомнит, и всегда находит доброе нужное слово, чтобы подбодрить людей. А сейчас он не мог сказать и двух слов, чтобы утешить Азизхана. Да и что он скажет? Чем помогут его слова бедному парню? Тога положил руку на плечо Азизхану и только сказал: «Что поделаешь, сынок? Назад ее не воротишь. Крепись».

Стоявший во дворе гроб был покрыт атласным отрезом. Тем самым отрезом, которым Лютфиниса была впервые в жизни премирована за хорошую работу. Тиллабаев, набрасывая ей на плечи подарок, сказал тогда: «В счастливые и радостные дни носи, доченька. На свадьбах и праздниках!»

В ичкари, женской половине дома, девушки и женщины, прибывшие из Зириллы, стояли притихшие и словно провинившиеся перед Лютфинисой. Мать Азизхана сидела на краю айвана, уставившись в одну точку. Озорная толстушка, которая нигде, ни в шалаше, ни на работе, не давала покоя Лютфинисе, беззвучно плакала в углу, зажав рот платком.

Из Куйганяра все шли и шли толпы людей. Работавшие на трассе направлялись сюда проводить в последний путь Лютфинису.

В воздухе стояла духота. Крыши и стены домов так накалились, что от них пылало жаром, как от печки.

Вся улица перед домом была запружена народом. Люди переговаривались шепотом, кивая на стоявшего у калитки Азизхана, сочувственно качали головами. Тишину нарушали только плач и причитания женщин, доносившиеся из глубины двора.

Только вчера все с восхищением и доброй завистью глядели на Азизхана, награжденного за трудовые подвиги почетным знаком, а сегодня эти же люди с сожалением смотрели на парня, согнутого большим горем.

Гроб подняли на плечи.

Траурная процессия, пройдя по мосту через Карадарью, направилась на кладбище. Трудившиеся на трассе люди прекращали свою работу, выходили на дорогу, чтобы проводить в последний путь Лютфинису. Землекопы и носильщики, рабочие и трактористы подходили к носилкам и несли на плечах гроб, сменяя друг друга. Пронеся немного, они уступали место другим. Пока Лютфинису донесли до кладбища, сотни людей сменились в траурной вахте.

Когда гроб опустили в могилу и насыпали небольшой холмик, Азизхан с каким-то надсадным криком бросился на могилу и зарыдал. Подошел Тога и поднял его с земли.

— Довольно, сынок! Возьми себя в руки. Будь мужчиной!

Азизхан тряс головой и, вырвавшись из рук Тоги, снова бросился на землю. Умматали вовсе был растерян. Он следовал по пятам за сыном как тень, но ни слова не говорил, а только смотрел на него печальными глазами.

Выйдя за ворота кладбища, Тога подозвал к себе Икрамджана.

— Сам видишь, друг, какие дела. Не хочется мне оставлять Азизхана одного. Ты с Туляном побудь рядом с ним. Поработаете, пока закончится строительство. Ты же знаешь, на днях начнем уборку хлопка. Народу в колхозе не хватает. Наши парни все на трассе помогают найманцам. Если Азизхана сейчас бросим одного, в кишлаке нас все осудят. Побудете с ним, успокойте. А то горе съест его. Хорошо? За семью не беспокойтесь. Я с Ишаном-ака поговорил, он вас переведет в бригаду Джуры-палвана.

Икрамджан согласно кивнул.

Тогда попрощался с Азизханом, и все земляки сели в автобус.

Умматали остался с сыном.

Не стало в этом мире одного человека. Но жизнь, как и прежде, продолжает свой бег. Сегодня так же, как и вчера, светит солнце. По-прежнему с шумом катит свои волны Карадарья.

Но похоронивший вместе с Люффинисой свою первую любовь Азизхан стал совсем другим человеком. Жизнь казалась ему теперь мрачной и потерявшей всякий смысл. Солнце, как тусклое маслянистое пятно на бумаге, светило сверху, а скошенные желтые поля казались ему холодными и мертвенно-бледными.

**Часть
третья**

;

I

Азизхана после смерти Лютфинисы словно подменили. Он стал неразговорчивым, нелюдимым. Утром, взяв свой мешок, уходил на трассу; вечером, возвратившись с работы, ни с кем не общаясь, заходил в палатку и не появлялся из нее до следующего утра. Икрамджан, понимавший, что происходит с парнем, не приставал к нему с расспросами. Тенгдик садился у входа, брал в руки комуз и играл грустные мелодии. Икрамджан и Тулян молча слушали, погруженные каждый в свои мысли.

На душе у Икрамджана было неспокойно. Он очень тревожился за жену, которая осталась дома. Джаннат была на сносях, и оставаться ей одной было опасно. Уехать? Но ведь Тога попросил его задержаться. А как там Турсунбай? Не мучает ли он мать? Помогает ли ей по хозяйству?

У сломленного горем Азизхана пропала охота трудиться. На стройке в передовиках теперь числились Дунаи Дусматов и Таджимурат Хидыров. Газеты ежедневно освещали ход соревнования между этими двумя палванами, порой, правда, упоминая и имя Эша.

Стахановское движение рождало на стройке новых героев. Передовики сменяли один другого. Только Дунаи Дусматов не давал никому обойти себя, продолжая работать в высоком темпе.

Икрамджан, не зная, как утешить Азизхана, старался отвлечь его чем-нибудь. Но, понимая, что ослабевшему Азизхану в таком состоянии не под силу сразу восстановить былую форму, он решил сам, засучив рукава, помогать ему в работе. Икрамджан вызвал Тулянбая из палатки, и они долго обсуждали, как им быть.

— Послушай, Тулян, так мы можем быстро растерять былую славу зирилламинцев. Азизхан, сам видишь, сейчас не в форме. Мы с тобой ни на что не способны, кроме как поддержать его боевой дух.

Тулянбай задумчиво почесал затылок, потом, откашлявшись, взглянул на Икрамджана.

— Когда мы приехали в Лугумбек, все, указывая на нас, говорили: вон земляки Азиза-палвана на подмогу к нему прибыли, теперь никто не обойдет его. А что на самом деле выходит?

Икрамджан молча кивнул.

— Нам ли ронять теперь авторитет нашего кишлака. До конца строительства остались считанные дни. Давай с тобой потрудимся, как раньше, бывало, работали.

— Тогда в первую очередь мы должны обойти Эшапалвана. Я согласен!

— Тогда по рукам!

Когда они возвратились в палатку, Тенгдик все еще брэнчал на комузе, напевая какую-то песню об орлах, парящих выше горных вершин, о быстрых горных реках, о бескрайних степях, где вольно пасутся стада.

Икрамджан заглянул в палатку — Азизхан лежал на кровати, подложив под голову руки и уставившись в потолок. Икрамджан осторожно присел на край постели.

— Послушай, палван. Так больше нельзя. Я понимаю, что нет ничего горше, чем потерять близкого человека. Смерть не щадит никого. Наступит день, и мы с тобой уйдем в иной мир. Один раньше, другой позже. Никто на этом свете вечно не живет. Но эту, отпущенную тебе жизнь надо прожить отдавая всего себя работе на пользу людям. Лютфиниса мечтала о том, чтобы по этому каналу пошла вода. Как она радовалась твоим успехам, тому, что ты идешь в ряду передовиков, радовалась твоей славе. И разве время сейчас лежать и набухать, как упавшая в воду булка? Если ты хочешь, чтобы радовалась ее душа, надо трудиться в поте лица, с удесятеренной энергией.

Азизхан молчал. Икрамджан видел, как задрожали у него веки и он часто заморгал, стараясь не выдать волнения. Икрамджан почувствовал, что попал в цель. И продолжал:

— А Эш-палван смеется над тобой. Мол, телок до кормушки бегаёт. Зирилламинцы сразу забились в нору. Теперь не скоро они оттуда вылезут.

Азизхан вскочил с кровати.

— Кто забился в нору? Я? Нет, мне этого выскочку придется еще разок проучить. Решил воспользоваться свалившимся на меня горем? Зря старается. Азизхан еще покажет себя.

Возбужденный Азизхан заходил по палатке из угла в угол и, поддав ногой лежавшее у входа пустое ведро, выскочил на улицу.

Икрамджан не ожидал такого поворота. Видно, самолюбие парня больно ранили слова Эша-палвана. Икрамджан выбежал следом. Азизхан быстро направлялся к котловану.

— Что ты ему сказал? — спросил удивленный Тулянбай.

Икрамджан махнул рукой, подожди, мол. Тенгдик, не обращая ни на кого внимания, продолжал наслаждаться игрой, закрыв глаза, раскачиваясь из стороны в сторону и что-то мыча себе под нос.

— Да не бренчи ты! — раздраженно прикрикнул на него Тулянбай. — Так что случилось?

— Ничего особенного. Все в порядке... — ответил Икрамджан, глядя вслед удаляющемуся Азизхану.

Там, где проходила трасса канала, сияло небо — это горели сотни факелов, освещающих работу ночной смены. Слышались голоса перекликавшихся людей. Рабочие дневной смены, обожженные за день палящими лучами солнца, отдыхали в чайханах. В каждой чайхане были свои артисты и музыканты. И там каждый вечер для строителей устраивались вечера отдыха, где выступали певцы, танцоры и музыканты.

Бейшенали принес большую кастрюлю с лагманом. Застелили стол скатертью, принесли ужин. Ожидая Азизхана, никто не притрагивался к еде. Но Азизхан не появлялся. Тогда, отложив его долю в касу, они принялись за лагман, похваливая искусного повара.

Как договорились, Икрамджан с Тулянбаем с утра

решили выходить на работу вместе с Азизханом. Спать легли пораньше. Тулянбай, любящий повеселиться, хотел сходить на концерт, но Икрамджан сердито прикрикнул:

— Какой тебе концерт?! Ложись спать. Завтра чуть свет вставать.

Тулянбай, ложась в постель, проворчал:

— Слышь, как Тамара Ханум заливается. Ну прямо как соловей. Вот это женщина!..

Икрамджан молча потянул на голову простыню. Он закрыл глаза, но сон к нему не шел. Его мысли снова унеслись в родной кишлак.

«Как там сейчас мой Турсунбай? Перед отъездом сюда так и не удалось забежать домой. Что там с Джаннат? Лишь бы ей благополучно разрешиться. Мне бы еще одного крепыша подарила, а Турсунбаю младшего брата. Лишь бы все хорошо обошлось!» — думал он.

Участок Лугумбек не знал покоя ни днем, ни ночью — то и дело раздавались гулкие удары ломов о землю, стук кетменей, ни на минуту не смолкали голоса людей.

Икрамджан спал беспокойно, то просыпаясь от храпа Тулянбая, то снова засыпая.

Он проснулся от какого-то странного шума и прислушался. Азизхан, стоя посреди палатки, в темноте доедал холодный ужин. Икрамджан, завернувшись в простыню, сел на кровати.

— Где ты бродишь по ночам, глупец? Который час?

— Скоро светает, дядя.

— Так где ж ты бродишь, я тебя спрашиваю?

Азизхан, прежде чем ответить, прожевал лагман:

— Был на трассе. Эша-палвана самого закинул в нору!

Икрамджан понял это буквально, даже привстал с койки.

— Ты избил его? Вот негодник, а!

В темноте послышалось фырканье Азизхана.

— Зачем же? Копал землю и таскал на насыпь. Двадцать четыре кубометра перетаскал наверх. Табельщики уже подсчитали.

Икрамджан подошел к Азизхану и обнял его:

— Вот молодец!.. Вот герой!..

Азизхан засыпал прямо стоя. Икрамджан зажег керосиновый фонарь и приготовил ему постель. Азизхан не раздеваясь плюхнулся на лежанку и сразу же заснул креп-

ким спом. Икрамджап накрыл его чапачом, загасил фонарь и вышел из палатки.

Горизонт постепенно светлел. На небе гасли звезды, словно прохладный утренний ветерок сдувал их с небосвода. Луна опустилась на вершины гор. Затих шум голосов на трассе. Закончившие работу строители давно уже спали в своих палатках и шалашах. И только не выполнившие нормы землекопы в ночной прохладе докапывали последние кубометры.

Икрамджан теперь был спокоен за Азизхапа. Слова Эша пробудили в нем дремавшее самолюбие, и он с ожесточением взялся за работу. За один только вечер накопал и перетаскал двадцать четыре кубометра земли. Это под силу не каждому палвану. Азизхан силен как лев. Бог даст, он снова выйдет в передовики. Молодой еще.

II

Икрамджан, Тулянбай и Бейшепали с трудом взвалили на спину Азизхану тяжелый мешок с землей, Икрамджап сказал:

— Кончай работу, ребята!

— Еще две ходки, и закончим. Тогда на два куба больше вчерашней выработки будет у меня,— не оборачиваясь ответил Азизхан.

Икрамджан не стал возражать, так как знал, что спорить с палваном бесполезно — все равно будет стоять на своем. Ни слова не говоря, начал наполнять другой мешок. Бейшепали проворно сыпал в канар, который держал Тулянбай, высохшую землю, которая, оседая на дно мешка, поднимала тучу пыли. Тулянбай чихал и кашлял.

— Наглотаюсь земли — из меня самого можно будет кирпичи лепить.

Икрамджан ответил шуткой:

— А я все думал, что это от тебя болотной тилой с утра песет! А ты, оказывается, вчера глины наглотался.

Многие, закончив работу, ушли обедать. На участке оставалась только бригада Азизхана. Мокрый от пота Тулянбай чуть не плакал.

— На черта мне нужен твой рекорд. Ты что, меня угробить хочешь? Тебе надо, ты и работай. Зачем же мне мучиться!

Швырнув мешок в сторону и вытерев грязное лицо рукой, Тулянбай стал подниматься по лестнице наверх.

— Туляп-ака, дорогой! Этот последний. Отнесу мешок, и пойдем обедать.

Тулянбай даже не обернулся. Махнув рукой, исчез за свежепасыпанным холмом.

— Ладно, не переживай,— сказал Икрамджан.— Туляп устал. Нос бедняге пылью запорошило — дышать не может. Ходит — сопит. Мы тебе сами поможем.

Когда Азизхан с мешком поднялся наверх, Тулянбай, падутый и обиженный, сидел на земле. Подошел Икрамджан и, подняв его за руку, обнял за плечи.

— Пойдем. Обижаешься, как мальчишка. Знаю, устал. На Азизхана не злись.

Тулянбай, чувствуя свою вину, шел за ним опустив голову. У Икрамджана, который радовался за Азиза-палвана, с утра было хорошее настроение. Он смеялся, шутил с друзьями.

— Вот сумасшедший,— улыбнулся Икрамджан.— Смотри, будешь в Зирилламе, не вздумай так сопеть и мурлыкать, а то жена подумает, что кот забрался в дом, и запустит в тебя скалкой.

Тулянбай снова засопел и, тяжело вздохнув, поднял глаза, не зная, то ли смеяться, то ли промолчать в ответ на шутку.

А Икрамджана нельзя было остановить.

— Завтра, Туляп, мы тебя на солнышко не пустим. Вся пыль, что ты наглотался, засохнет еще в кишках, ты и сгибаться не сможешь.

— Не переживайте, Икрам-ака,— сказал Азизхан.— Мы не дадим Тулянбаю-ака высохнуть. Каждый полчаса будем обливать его водой.

На реке никого не было. Закончившие раньше их работу строители давно умылись и обедали в чайханах. Тулянбай не раздеваясь прыгнул в реку. Вода там, откуда он вынырнул, стала желто-грязной.

— Да ты не меньше кубометра земли притащил на себе, Туляп. Смотри, как вода замутилась!

Отмывшийся от грязи Тулянбай чуть повеселел и выглядел теперь прежним добродушным парнем. Икрамджан, подмигнув ему, раздевшись, осторожно спустился в воду. Подбежал Тенгдик, который ушел с работы чуть раньше их.

— Вам письмо, агай! — крикнул он Икрамджану и, достав из-за пазухи свернутый листок бумаги, помахал им в воздухе.

Икрамджан поспешно умылся, вылез из воды и, вытеревшись поясным платком, взял из рук Тенгдика письмо.

«Икрам, возвращайся в Зирилламу. Джаннат отвезли в роддом. Умматали».

Икрамджан задумчиво сморщил лоб. По его подсчетам, до родов еще оставалось время. А может...

Восьмерых родила Джаннат, и только один из них выжил. Двое родились мертвыми. Пятеро умерли, не доживая до года — полутора лет от разных болезней. И рос у них один-единственный сын Турсунбай, которого они берегли и лелеяли как зеницу ока. Что же могло случиться? Лишь бы все было благополучно. Лишь бы сама Джаннат была жива-здорова.

До Зирилламы путь не близкий. Туда ни поездом, ни автобусом не добраться. Что делать? Может, удастся доехать на попутной машине? Подошел Азизхан, взял из рук задумавшегося Икрамджана письмо, пробежал глазами.

— Послушайте, Икрамджан-ака. Вам надо спешить. Дойдете до Кошарыка, а там, у Арзихон-ая, моя лошадь. Возьмите ее и немедленно скачите в кишлак. Коня можете оставить отцу.

Икрамджан повеселел, обнял Азизхана. Как это ему сразу в голову не пришло?

— Спасибо, сынок. Вот твой конь и мне пригодился. Ну, я тогда пошел, — он быстро направился к палатке.

...До Зирилламы Икрамджан добрался засветло. Кишлак жил своей обычной жизнью, своими повседневными заботами. Все от мала до велика были в поле. Молодежь трудилась на трассе канала в Наймане. Женщины собирали хлопок, ребягня пасла коров и овец. Пустовали, обычно оживленные в любое время года, чайханы.

Повернув на свою улицу, Икрамджан заметил одинокую супу Расула-бува, и сердце защемило. Расул-бува по утрам завтракал в тени деревьев на этой супе, а когда солнце начинало припекать, уходил на часок-другой к себе домой подремать. Площадка вокруг супы была всегда чисто подметена, заботливо ухожен цветник. Старуху после смерти мужа увез в другой кишлак средний сын. На калитке

висел замок, а супа и земля вокруг нее заброшены, усыпаны опавшими листьями.

Икрамджан, мрачный, держа за уздечку коня, медленным шагом прошел мимо заброшенного дома. Улица, обычно шумная и оживленная, словно вымерла. А вот и его дом. Калитка распахнута настежь, и оттуда доносится непонятный стук. Потянув за уздечку, он пригнул голову коня, чтобы тот не ударился о притолоку, и они вошли во двор. Набросив поводья на седло, Икрамджан оставил коня у калитки. Возле кухни спиной к нему сидел Турсунбай и, сопя, накачивал шину перевернутого вверх колесами велосипеда.

— Турсун! — позвал он сына.

Турсунбай оглянулся, но дела своего не бросил. Икрамджан думал, что соскучившийся Турсунбай подбежит и крепко обнимет отца, но, почувствовав, что такого намерения у сына нет, сам подошел к нему. «Да ладно, — подумал он. — Характер у него такой...»

— Что ты делаешь?

— Камеру заклеил... Велосинед ремонтирую.

— Как себя мама чувствует?

— Хорошо, — ответил Турсунбай, не отвлекаясь от занятия.

Икрамджан посмотрел по сторонам. Двор, вероятно, уже несколько дней не подметался: кругом разбросан мусор, и весь он был какой-то неуютный. Икрамджан вошел в дом. Постель Джашнат не убрана. Немытая посуда с остатками еды лежит на хантахте. Икрамджан снова вышел во двор. У забора возле казана, не прикрытого крышкой, хлопают крыльями горлинки, склевывая со дна остатки задохшей пищи.

— Когда маму забрали в больницу?

— Дней пять или шесть назад.

— А что же ты ел все это время?

Закончив накачивать колесо, сын встал, отряхнул пыль со штанги и, переступив через арык, стал мыть грязные руки.

— Дядя Умматали приносит еду.

Икрамджан немного успокоился.

— Раз маму так давно взяли в больницу, почему мне сразу не сообщил, негодник?

— Дел у меня много, — не глядя на отца, ответил Турсунбай.

— Да что же это за дела такие у тебя? По улицам пылить, что ли?

Турсунбай промолчал.

— Иди вымой казан. Приготовим что-нибудь горячее и снесем маме! — сердито бросил ему Икрамджан.

— Сегодня она сама придет.

У Икрамджана екнуло сердце.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего. Братика дядя Умматали с соседями похоронил.

Икрамджана словно по голове ударили. Он закачался и, чтобы не упасть, схватился за столбик, подпиравший айван. Что за вздор несет этот негодный мальчишка? Что он болтает? Неужели опять ребенок родился мертвым? Икрамджан, не в силах сдержать себя, закричал на сына:

— Да объясни ты толком, что случилось?

Турсунбай, заикаясь от испуга, что отец так рассердился, стал что-то рассказывать, но Икрамджан, не слушая его, выбежал на улицу. Постучался в калитку к Умматали. Дверь otvorил сам хозяин — он был в одном сапоге, а другой держал в руках.

— Ие, ие, приехал?! Слава богу! А я волновался! Ты проходи, проходи в дом! Прибывал к каблуку набойку. Извини, что так... Как там мой Азизхан? Такое вот случилось. Слышал у же, наверное.

Икрамджан, как оглушенный, не двигался с места. Только спросил: «Как все случилось?»

— Жена твоя попросила Турсуна принести с чердака немного неочищенного риса и натолочь в ступе. Турсун отказался. Вот Джаннат сама и поднялась по лестнице на чердак и как спустилась с таким тяжелым мешком, ума не приложу. Потом в ступе рис толкла. Ну к вечеру у нее и начались схватки. Жена мне об этом сказала. Я мигом запряг арбу и отвез ее в больницу. Утром узнали — преждевременно родила. Я и еще соседи помогли, сходили и похоронили ребеночка на кладбище. А что сам-то ты так припоздал? Отвезя Джаннат в больницу, я тут же передал Турсуну письмо, велел переслать тебе.

— Только вчера вечером получил твою записку. И сразу же сюда. Азизхан твой мне здорово помог. Одолжил своего коня.

Оба помолчали. Икрамджан очень переживал случив-

шеся. Пальцы его нервно сжались в кулак. Не сказав больше ни слова соседу, он ушел.

У калитки Турсунбай, опершись на велосипед, закалывал булавкой штанину.

— Я поеду покатаюсь.

— Постой! — сказал Икрамджан. — Дядя Умматали передал тебе письмо, почему ты его мне сразу не отослал?

— У меня были дела.

— Дубина! Мать в таком состоянии, а он... — Икрамджан с трудом сдержал себя, чтобы не ударить сына. — Убирайся! Прочь с моих глаз!

Турсунбай, не понимая, чем провинился, пожав плечами, сел на велосипед и покатил по улице.

Икрамджан вошел в дом. Снял сапоги, повесил халат на веточку айвы и принялся подметать двор. Выгреб оставшуюся в очаге золу, вымыл дочиста казан и развел под ним огонь. Потом прибрался в доме. Полил двор и вычистил арык, пустил воду на клумбу, где росли райхон и цветы.

Двор словно заново ожил. Икрамджан пошарил на кухне — мяса не было. Сходяв на приусадебный участок, поймал одну из куриц, зарезал ее и, ободрав перья и пух, опалив на огне, бросил в казан вариться. Напоил водой корову с телянком. Накосил для них свежей травы. Закончив уборку, он взял за поводья коня, вывел на улицу, повесил на калитку замок и, по дороге передав коня Умматали, направился прямо в больницу.

Джаннат сидела на крылечке с узелком в руке и с тоской смотрела на дорогу, словно давно ожидая его. Увидев мужа, она очень обрадовалась. Выглядела она бледной и худой, глаза и щеки ввалились.

Икрамджан не стал задавать ей лишних вопросов. Лишь поинтересовался ее здоровьем и сказал, что только вчера узнал о случившемся и тут же прибыл в Зириллему.

— Как сынок? Вы его видели? Как он там без меня, без горячей пищи, бедняжка, небось исхудал...

— Ты за него не волнуйся. Его сам черт не одолеет. Умматали носил ему еду...

Икрамджан взял из рук жены узелок, и они отправились домой. На шоссе он несколько раз голосовал проезжавшим машинам, но ни одна не остановилась. Как он не догадался зайти к Раимберды-тоге и попросить у него

«эмку», чтобы забрать Джапнат из больницы. В крайнем случае Тога дал бы телегу.

К счастью, мимо проезжала арба, груженная песколькими вязанками клевера. Арбакеш согласился подвезти. Икрамджан посадил Джаннат на арбу, а сам пошел рядом.

Дорога, по которой они ехали, вела в Найман, туда, где проходила трасса канала и находился один из главных участков строительства. Без конца сповали машины, арбы, конные и пешие. Арбакеш, чтобы не растрясло Джапнат, ехал не спеша. Глядя на бледную исхудавшую жену, Икрамджан очень переживал за нее.

Джаннат по выражению лица мужа поняла: что-то произошло между отцом и сыном. Что же такое стряслось? Ведь ее Турсунбай еще мальчишка. Что его упрекать? Что на него обижаться? Повзрослеет — поумнеет. Так уж дети устроены. Даже не заметишь, как вырастет и станет настоящим джигитом.

Арба остановилась возле калитки. Поблагодарив арбакеша, Икрамджан помог жене слезть с арбы и отпер запертую на замок дверь. Джаннат была уверена, что дома царит беспорядок. Разве мужское дело заниматься уборкой? Увидев чисто подметенный двор, убранный дом, вымытую посуду, она с укоризной посмотрела на мужа:

— Зря вы обижаетесь на сына, отец дорогой. Видите, как он чисто прибрался в доме, какой порядок навел. Ведь его никто не просил об этом. Он передо мной да вами капризничает, а стоит его одного оставить в доме, видите, как все убрал.

Икрамджан решил не омрачать радость жены. Джапнат присела на айване, а он, не раздеваясь, сходил на приусадебный участок, надергал там моркови и, вымыв ее в арыке, стал чистить, устроившись на супе.

— Немного куриного бульона приготовил. Сейчас только огонь разведу в очаге.

Положив очищенную морковь в казан, он парвал райхона, мяты и мелко порубил на доске.

Что бы сейчас ни делал, он старался ради жены, сломленной горем. А Джапнат жалела мужа и, чувствуя себя виноватой перед ним, сидела притихшая. Вот уже в седьмой раз, пообещав мужу сына, она приносит в дом траур. И так каждый раз, похоронив очередного ребенка, они старались чем-то утешить друг друга, скрывая один от друго-

го слезы, переживая тайком. Вот и сейчас их души горели в огне этого пламени, и еще нежнее и жалостливее друг к другу становились Икрамджан и Джаннат.

Икрамджан, взяв касу в руку, направился к казану, Джаннат остановила его:

— Не надо, отец, отдохните! Я сама палью. Посидите, отдохните с дороги. Я уже лучше себя чувствую.

Икрамджан с касой в руке так и остался стоять посреди двора.

— Сыночку в касе надо оставить, отец дорогой!

— Хватит, всем хватит, золотце. Неужели ты думаешь, я забыл твоего любимца.

Джаннат, осторожно ступая, спустилась с террасы и подошла к мужу. С улицы послышался конский топот, стукнула калитка, и во двор вошел мокрый Умматали.

— Входи, входи, Умматали. Любит тебя твоя теща. Прямо к ужину подоспел.

Умывшись в арыке, Умматали развязал поясной платок и, тщательно вытерев руки и лицо, подошел к супе.

— Понимаешь, коня на реку водил купать. Скажу, видно, давно воды не видел, не хочет из реки вылезать.

Джаннат принесла по касе шурпы и пригласила мужчин к дастархану. Как хорошо, что Умматали заглянул к ним. Добрый и сердечный человек их сосед. Поговоришь с ним, и на душе становится легче. Вот и сейчас Умматали о чем-то оживленно рассказывал Икрамджану.

Поставив перед мужчинами еду, Джаннат присела с краю и, предположив, что Умматали купил коня, сказала:

— Поздравляю с покупкой! Сколько же вы за него отдали?

Умматали с Икрамджаном многозначительно переглянулись.

— Откуда у меня могут быть такие деньги, сестричка? Это Азизхану Усман-ата подарил. Хорош, красавец, правда? Перед народом, в присутствии больших людей подарил ему коня за хорошую работу.

Джаннат с укором посмотрела на мужа:

— Что я вам говорила! Мальчишки все такие — пошлят, поозорничают, и не заметишь, как мужчинами становятся, взрослеют. Вы же помните, каким озорником был Азизхан. А теперь его имя у всех на устах, да и в газетах о нем каждый день пишут. Дай бог и моему Турсунбаю такое счастье.

— Да,— сказал Умматали.— Вы уж очень избаловали своего.

— Один он у нас, единственный, дорогой Умматалиака.

— Послушай, сестричка! В тот день, когда я отвез тебя в больницу, я дал Турсунбаю записку, чтобы он немедленно переправил ее отцу. Так он только на четвертый день вспомнил о ней.

Отец сидел понуриив голову и перебирал кисти у скарти. Все замолчали. Умматали продолжал:

— Икрам, не тот лекарь, кто лечит, а тот, кто сам переболел. Пора вам сына приструнить. Если сейчас этого не сделать, потом вам же самим худо будет. Я чужой человек, но предупредить вас — мой долг. Все-таки как родные мы стали.

Доев шурпу, Умматали молитвенно провел ладонями по лицу, поблагодарил хозяев и встал.

— Ну, я пойду.

Попрощавшись, он вышел на улицу, и спустя некоторое время послышался удаляющийся топот его коня.

Муж с женой сидели молча, не поднимая друг на друга взгляда. Никто не хотел заговаривать первым. Наконец тягостную тишину прервала Джаннат:

— Учить, как воспитывать чужого ребенка, легко. Вы разве забыли проделки его Азизхана? Все в кишлаке от него плакали...

Икрамджан промолчал.

III

Сегодня во время обеденного перерыва во всех чайханах, столовых и красных уголках агитаторы читали лекции о международном положении.

Шла осень тысяча девятьсот тридцать девятого года. СССР и Германия подписали договор о ненападении. С немецкой стороны договор подписал прибывший в Москву министр иностранных дел фон Риббентроп. 24 августа он отбыл из Москвы. Среди провожавших на аэродроме находился чрезвычайный и полномочный посол Германии в СССР граф фон дер Шуленбург и посол Италии в СССР господин Рассо.

Первого сентября в Берлине состоялось заседание рейхстага. Выступивший на заседании Гитлер объявил о

ратификации советско-германского договора о ненападении.

Четвертого сентября Гитлер принял вновь назначенного советского посла в Германии Шкварцева и военного атташе Пуркаева и имел с ними беседу по интересующим обе стороны вопросам.

Выходящая в Анкаре газета «Вакт» сообщала, что подписание советско-германского договора обеспечивает Турции спокойствие на приграничных с СССР районах. Политический обозреватель американской «Нью-Йорк геральд трибюн» характеризует этот акт как залог мира и спокойствия в Европе. Официальный орган министерства иностранных дел Германии «Дойче дипломатисхе политисхе корреспондентс» пишет, что этот договор с большим удовлетворением воспринят немецким народом.

Но это спокойствие было относительным. Где-то на земле еще рвались бомбы, лилась кровь тысяч ни в чем не повинных людей. В восточных провинциях Китая народ давал отпор японским интервентам. Шли бои на германопольской границе.

Советский народ был занят мирным созидательным трудом. В Донбассе Алексей Стаханов, устанавливая рекорд за рекордом, призывал к новым трудовым подвигам. Страна отмечала четвертую годовщину стахановского движения. Летчики гражданской авиации Шебанов, Матвеев и Байкулов на самолете «Сталь-7» установили мировой рекорд дальности полета, пролетев расстояние в пять тысяч шестьдесят восемь километров за двенадцать часов тридцать минут. В газетах был опубликован Указ народного комиссара обороны СССР К. Е. Ворошилова об увольнении в запас солдат, отслуживших действительный срок службы.

В Узбекистане стояла щедрая осень. На бахчах созрели арбузы и дыни, виноградные лозы сгибались до земли от тяжести кистей, наливался янтарным соком инжир. На всем протяжении трассы канала, от Канибадама до Учкургапа, не покладая рук трудился узбекский народ, сражаясь за большую воду.

И никому не приходило в голову, что где-то на земле полыхает огонь войны, уничтожая все живое; где-то отливаются снаряды для пушек. Советский народ проливал пот

в сражении с засухой в надежде напоить водой безводные степи.

Азизхан трудился на стройке с удвоенной энергией — за себя и за Лютфинису, которая мечтала увидеть обновленным этот степной край.

Еще месяц назад вечерами, когда все вокруг погружалось в тишину и круглая луна взбиралась на вершину горы, оба они тихо сидели на дамбе, любуясь Шушканскими горами. Как воздушный шар, вылетевший из ребячьих рук, луна медленно плыла над ними. Ее серебристый свет, проникая сквозь густую крону карагачей, словно высвечивал деревья изнутри. И Лютфиниса, и Азизхан, каждый думал о своем. И думал не о далеком будущем, а о реальном завтрашнем дне. Застывшая в небе луна будто собралась передохнуть. Слышались приглушенные взрывы — где-то на строительстве канала прокладывали новую трассу. Гулкие удары эхом отдавались в тишине и долго не смолкали, перекатываясь по холмам.

— О чем ты думаешь? — спросил Азизхан, придвигаясь к Лютфинисе.

При лунном свете ее лицо и глаза как-то по-особому светились.

— А ты о чем? — ответила она вопросом на вопрос.

— Я... я сражался с Эшем-палваном, — сказал он первое, что пришло на ум.

Лютфиниса была уверена, что Азизхан, так же как и она, думает об их будущем, но, услышав такой ответ, обиженно махнула рукой.

— Нет, нет, постой! Выслушай меня до конца. Я, конечно, мечтал о другом. Будто прошел месяц со дня нашей свадьбы и мы стоим с тобой на вершине холма и решаем, где построить наш дом. Ты говоришь: «Вот здесь поставим наш домик с террасой», — он взял кусок сухой глины и бросил в нескольких шагах от себя. — Чуть подальше выложим тандыр. И ты будешь печь лепешки. Я уже чувствую, какие они вкусные, горячие и ароматные.

Лютфиниса громко рассмеялась...

С того дня как похоронили Лютфинису, прошло немало времени, но Азизхан ни на миг не переставал думать и вспоминать о ней. Где бы он ни был, чем бы ни занимался, Лютфиниса всегда перед его глазами; то улыбка и ве-

селая, то грустная и сердитая, то ему слышится ее звонкий смех.

Пока Икрамджан был рядом, он своими разговорами отвлекал Азизхана от мрачных мыслей. А с тех пор, как Икрамджан уехал в Зирилламу, Азизхан снова оказался во власти воспоминаний. И так было до его возвращения. Тулянбай хоть и любил поговорить, но ему сейчас было не до Азизхана. Придет с работы, поужинает, переоденется и уходит на концерт или на состязание острословов. Возвращаясь далеко за полночь, долго гроыхает, мешая спать остальным, пока не уляжется. Только заведи с ним разговор, часами может рассказывать о том, как кокандские острословы победили маргиланских. Утром как ни в чем не бывало встает вместе со всеми и идет на работу. Вот и сейчас, в обеденный перерыв, Тулянбай ушел поглядеть на съемки какого-то фильма.

Обед кончился, и все стали собираться на свои рабочие места. Азизхан, выпив целый чайник холодного зеленого чая, тоже собрался на участок. Икрамджан переодевался в палатке. Азизхан обратил внимание, что дядя Икрам после возвращения из Зирилламы стал задумчивым, молчаливым, но спросить у него, что случилось, не решался. Дядя Икрам человек не скрытный, придет час, и сам поведает, что с ним стряслось.

— Отец с матерью передавали привет. Вот подарков да гостинцев тебе прислали — белье, новые сапоги. А вон в том узле — самса, мать напекла!

Достав из узла новые сапоги, Азизхан с радостью стал разглядывать их. Потрогал на ощупь голенища.

— Как твои успехи, сынок? — завязывая на бедре поясной платок, спросил Икрамджан.

— Хорошо, Икрам-ака! В день вашего отъезда, если помните, я перетаскал девятнадцать кубометров. Вчера увеличил свою норму до двадцати.

— Молодец, сынок! Так держать! Говорят, земляные работы на строительстве выполнены на восемьдесят процентов. Не сегодня-завтра завершится стройка. Так что подстегни сильнее своего коня.

— Мы не спасуем, будьте уверены, Икрам-ака. А что в кишлаке?

— Тихо, спокойно. Все, кто остался, работают на полях. Днем вообще в кишлаке никого не сыщешь, словно все вымерли. Вечером еще чуть оживают чайханы.

— Надо было Турсунбая с собой привезти. Я бы его тут научил кетменем работать.

Эти слова Азизхана разбередили незаживающую рану Икрамджана; словно солью посыпали на нее. Он весь как-то съежился, на лбу сошлись узлом брови, и у него было такое выражение лица, что Азизхан пожалел, что заговорил о его сыне.

Икрамджан повернул разговор в другую сторону:

— В Зириллеме только о тебе и говорят. Над входом в клуб повесили твой портрет. По рассказам Тоги, такие портреты висят на улицах Шахрихана, Коканда, Кувы. Да, кстати, отец твой был очень рад коню. С гордостью ездит на нем. Каждый день купает в реке. Бедняга, столько лет прожив, даже и не мечтал о таком скакуне. Не раз начинал откладывать деньги на покупку лошади, но деньги уходили на другие нужды. Спасибо тебе, уважил ты отца, обрадовал старика.

Так, беседуя о том о сем, они дошли до своего участка. Икрамджан вдруг сказал:

— Об Акбарали до сих пор никаких вестей. Не могут найти.

Азизхан промолчал.

Их встретил Тулянбай, повязавший голову платком, чтобы не мешали волосы, спадавшие на лоб. Он стоял опершись грудью на лопату.

— Что так плететесь?! — крикнул он. — Поживее можно? Другие уже по два кубометра накопили, а вы только явились!

Икрамджан подмигнул Тулянбаю:

— Молодец, видно, и тебя захватила эта работа. Теперь по душе тебе трудиться в бригаде Азизхана? Быть тебе человеком, Туляп!

И вновь закипела работа. Летела отбрасываемая кетменями земля, друзья еле успевали наполнять мешки для Азизхана. Такая поднялась пыль, что ничего не было видно. Слово орел, пробившийся сквозь густые тучи, выныривал из облака пыли Азизхан с мешком за плечами и, высыпав его, быстро спускался в котлован.

— Давай! А ну, давай, поторапливайтесь, джигиты! — подбадривал всех Икрамджан.

— Клади! Еще накладывай! Живее! — поторапливал Азизхан своих друзей.

Доска под ногами Азизхана ходила ходуном. Земля, сыпавшаяся из мешка через край, казалась стружкой воды, стекавшей через плотину.

IV

Юлдаш Ахунбабаев не знал, что Икрамджан уже несколько дней трудится в Лугумбеке. Неделю назад, когда он был в Заркенте, Икрамджан со своими земляками работал в Сувкесаке. Заркентцы, закончив земляные работы, вышли на поля. Ахунбабаев, уверенный, что Икрамджан занят сейчас организацией уборки хлопка в колхозе, увидев земляка, очень удивился:

— В чем дело? Как ты здесь оказался?

Вытерев платком со лба и шеи пот, Икрамджан кивнул на Азизхана:

— Решил не оставлять в одиночестве нашего батыра.

— Э-э, будь спокоен, этот не из тех, что останется один. Тебя какой джинн попутал? Хочешь чужой славой себе авторитет заработать?! Это не к лицу зирилламинцу, моему земляку.

Сказать о том, что его прислал сюда Тога, чтобы поддержать Азизхана, он при всех не решился. Хоть и не очень ему было по душе слушать выговор старика, он промолчал.

— Послушай, Икрам. Если ты действительно желаешь до окончания строительства трудиться здесь, я тебе найду подходящую работу. Славу и авторитет зирилламинцев Азизхан и сам не уронит. А тебе хорошо бы поработать на шестом участке. Ну как?

Икрамджану ничего не оставалось, как согласиться. Икрам слышал о шестом участке. Идущий от Нарына канал, дойдя до Красного моста, сливался с Карадарьей. В месте слияния канал из-за перепада высот приходилось пускать по ступенчатому водосбросу-перекату. Строительство водосброса задерживалось по разным причинам. То и дело в строительной газете мелькали статьи: «Строительство водосброса под угрозой», «Отстающие», «На обещаниях далеко не уедешь».

Ахунбабаев, уходя, еще раз напомнил:

— После обеда сразу поезжай туда. Сам возглавишь бригаду.

Икрамджан молча кивнул.

Когда Ата, опираясь о колени руками, с трудом поднялся наверх, Тулянбай подошел к Икрамджану:

— Что сказал Ата?

— Кати отсюда, говорит! Хорошо, что тебя не заметил. А то и тебя отсюда погнал бы в шею.

Тулянбай удивленно пожал плечами.

— Придется расставаться. Ата говорит, надо ехать на шестой участок. Буду работать там. Правда, пока поживу с вами. Тут недалеко.

Наскоро пообедав, Икрамджан набросил на плечи халат и отправился к месту своей будущей работы.

Али-палван и Эш-палван о чем-то оживленно разговаривали, сидя в тени старого карагача. Увидев Икрамджана, замолчали. Поздоровавшись с ними, Икрамджан бросил на сури свой чапан и присел с краю.

— Что же вы без напарника, гость? — поинтересовался Али-палван.

— Ата велел ехать на шестой участок.

— А что же палван-бала?

— Остался в Лугумбеке. Там работы хватает.

Али-палван и Эш-палван многозначительно переглянулись.

— Что я тебе говорил, Эш? Можешь не волноваться.

Эш-палван сердито посмотрел на друга. А тот продолжал:

— Чего злишься? Только что ведь клялся, что, если Азизхан придет сюда, уйдешь со стройки.

Эш-палван, сверкнув глазами, вскочил с места, отряхнул полы халата:

— С вами ничем поделиться нельзя. Не держится у вас язык за зубами, уста! — и ушел в чайхану.

— Тяжелый у него характер. Сам вначале болтает что взбредет в голову, потом отказывается. Вспыхнет, как керосиновая лампа, в которой масла чуть-чуть на дне осталось, и тут же погаснет.

К тому месту, где сидели Али-палван и Икрамджан, незаметно подкралось солнце. Али встал:

— Пошли, гость. Пока подойдут остальные, по чайнику чая выпьем.

И пошел к супе, что была еще в тени. Супа была на возвышении, и отсюда хорошо просматривался строитель-

ный участок. Пододвинув сбившийся палас к краю, они устроились поудобнее.

— Эй, Эш, будь другом, завари чайник крепкого чая! — крикнул Али-палвап.

Эш-палвап недовольным тоном сказал:

— Об-бо, еще и кетменем ни разу не махнул, а уже чай пить садится.

Они сидели, беседуя о том о сем. По словам Али-палвана, сооружение водосброса объявлено на стройке ударным участком и будто сам Ахунбабаев взялся руководить работами. Этой бригаде даже дали название «Юлдаш-мираб» по имени известного в прошлом мираба.

Икрамджан удивленно взглянул на Али-палвана:

— Кто же это Юлдаш-мираб? Впервые слышу его имя!

— Как?! Вы не знали Юлдаша-ака!

И Али-палвап стал рассказывать Икрамджану о Юлдаше-мирабе.

— Юлдаш-ака сам родом из кишлака Найнаво. Во всей Ферганской долине не было равных ему мирабов. Хорошо знал русский. Окопчив в Петербурге гимназию, получил свидетельство водного техника. Я не раз слушал его рассказы. Мудрый был старик. Не зря ему одним из первых присвоили почетное звание «Заслуженный водник Узбекской ССР». Он за год на реке ставил до двух тысяч запруд. Умелый был мираб. Юлдаш-ака мог на слух определить, подгнила ли запруда снизу, — стоило только ему приложить ухо к торчащему из воды столбу. «Хозяин воды» Белявский и тот ни на что не решался без совета Юлдаша-ака. Один аллах знает, когда родится на свет еще такой мираб.

Икрамджан, слушая рассказ Али-палвана, представлял себе крепкого богатыря, вступившего в борьбу с бушующим потоком воды.

Эш-палвап поставил перед ними чайник с двумя паллами и присел рядом. Теперь на лице его не осталось и тени озабоченности.

Одна за другой стали прибывать телеги и арбы со строителями и их скарбом. Это были прославленные палвапостроители из Шахрихана, Асаки, Алтыпкуля. Глядя на этих крепких, здоровых парней и молодых мужчин, Икрамджан думал: смогу ли я на равных с ними работать?

А может, лучше бы сюда прехал Азизхан? Уж он бы не посрамил наших земляков!

Повар приготовил место на большой суше под карагачем — расстелил скатерть и разложил на ней арбузы, дыни, персики, виноград, сливы.

— Ну-ка, эй, братья палваши, перекусите-ка слегка с дороги, пока я вам плов подам. Подъедет Ахунбабаев, тогда я рис в котел положу. Утолите жажду арбузами.

Не успел он отойти к kazanу, как, подняв клубы пыли, у чайханы остановилась черная «эмка». Из нее вышли Юлдаш Ахунбабаев и Тешавой Мирзаев.

— Да тут все уже в сборе, — заулыбался Юлдаш-ата.

Поздоровавшись с каждым за руку, сел на подставленный поваром стул и снова оглядел вновь прибывших на ударную стройку палванов — один другого здоровее — и довольный сказал:

— Тешавой, теперь дела твои пойдут на лад. Каждый из этих молодцов может выполнять работу одного трактора.

Он залпом выпил пиалу остуженного зеленого чая, протянутую Али-палваном, и, вытерев ладонью усы, стал рассказывать о предстоящей работе.

— Друзья, вы уж извините, но мы вынуждены были вновь обратиться к вам за помощью. Оказалось, что прорыть двухсотсемидесятикилометровый канал легче, чем выкопать и соорудить шестой водосброс. Прораб, возглавлявший этот участок, обманывал нас. Он уже снят с работы. И бригадир тоже. Честно признаться, в этом просчете есть и моя вина, и вина Тешавоя Мирзаева. Доверив такой важный участок пьянице, ходили себе спокойно. Вы, вероятно, читали в газетах, как нам здорово помогает Москва. Только недавно она прислала десять тысяч тонн цемента, выделила на строительство двадцать миллионов рублей, двести грузовых машин и шестьдесят тракторов. Партия и правительство ни в чем нам не отказывают. Как только будут закончены земляные работы на водосбросе, начнется бетоноирование. Все дело теперь за вами — справимся ли мы с этой работой в короткие сроки. Знаю, что устали, соскучились по родным и близким. Говорят, выдержавший сорок дней вытерпит и сорок первый. Ну как, джигиты?

Эш-палван заерзал на месте.

— Вы что-то хотите сказать, палван?

— А что я скажу? Мы приехали на капал работать. И как бы трудно ни было, мы должны выстоять. Кто ис-

пугается, тот трус. Не сегодня-завтра завершится строительство канала, где мы тогда найдем такую работу, где палваны могут проявить себя?

— Вы говорите как истинный джигит. Я ждал от вас такого ответа. Баракалла, молодец!

Молодой парень, уйгур из Шахрихапа, обратился к Ахунбабаеву:

— Ата, разрешите мне на один денечек съездить домой. Очень по детишкам соскучился. Кроме того, у меня есть секретный разговор к матери моих детей.

Поднялся дружный хохот. Али-палван похлопал парня по плечу.

— Ты уж свои секретные разговоры побереги до поры. Когда уедешь, все сразу и расскажешь.

Ахунбабаев смеялся вместе со всеми, шлепая ладошками по коленям.

Парень сперва растерянно посмотрел по сторонам, потом заулыбался: «Ну, как я вас рассмешил!»

Собравшиеся строители, лучшие из передовиков, рекордсмены стройки, заверили Ахунбабаева, что сооружение водосброса будет закончено ранее назначенного срока.

Икрамджан многих из этих людей не знал. Он скромно сидел в углу, ничем не выдавая себя. Но Ахунбабасв заметил его.

— Друзья, среди вас находится мой друг и земляк. Вы уж его не обижайте. Он тоже из работающих. Можете испытать работой — тяжело будет, не пожалуется.

Икрамджан, приложив руки к груди, отвесил поклон. Юлдаш-ата, не дожидаясь плова, собрался в обратный путь.

— Тешавой, как только всех расселишь, распределишь участки работ. Каждый день будешь по барану резать. Пришлю вам артистов. Кинопередвижка придет. По-моему, Али-палвана следует назначить руководителем работ на этом участке. Ты ведь, Тешавой, сам завтра в штаб сбежишь. Чтоб мы знали, с кого спрашивать. Вы согласны, джигиты, избрать Али-палвана своим начальником?

— Согласны! Согласны! — раздались дружные голоса.

Ахунбабаев, попрощавшись со всеми, направился к машине и услышал, как парень-уйгур сказал соседу: «Нам бы танцовщиц прислали».

Ахунбабаев усмехнулся.

Около машины Тешавой Мирзаев взял Ахунбабаева под руку и стал что-то горячо говорить ему. Юлдаш-ата решительно зашагал к трассе. Вслед ему доносилась песня, которую затянул уйгур:

На Кашгарском базаре, дорогая,
Я тобою купленный раб...

— Ох и веселый парень этот Ахун,— сказал Ахунбабаев.

Не признающий шуток Тешавой Мирзаев проворчал: — Парень он не плохой, только несерьезный.

Ахунбабаев, знавший характер Мирзаева, ничего не ответил. А вслед им все доносилось:

О, Гульайым!
Сердце мое горит в пламени любви.
Я тобою пленен,
Я твой цветок в саду.
На Кашгарском базаре, дорогая,
Я тобою купленный раб...

Через день или два у всех на устах была бригада имени Юлдаша Тухтаходжаева. Газета «На Сталинской стройке» чуть ли не в каждом номере помещала целые полосы о работе этой бригады.

Работая весь день на строительстве водосброса, Икрамджан под вечер отправлялся в Лугумбек, к своим землякам. При встречах Азизхана больше всего волновали успехи Эша-палвана. Он до мельчайших подробностей выспрашивал у Икрамджана, как работает его соперник: сколько земли накопал да какой тяжести мешки таскает?

Икрамджан как придет с участка, так только об Эше и рассказывает. Азизхана не интересовало ничто другое. Если он узнавал, что Эш-палван за одну ходку поднимает до триста килограммов грунта, то Азизхан увеличивал свою норму до трехсот пятидесяти.

На участке же Икрамджана «допрашивал» Эш-палван. Тому тоже хотелось знать все об Азизхане: и как работает, и сколько за смену ходок делает и так далее и тому подобное... «Я покажу этому выскочке, как надо работать»,— ворчал Эш, шагая вверх с трехсоткилограммо-

вым грузом. Поднявшись на пять-шесть метров по наклонной доске, он отсыпал через край часть земли и бодро бежал к насыпи. Али-палван подтрунивал над ним:

— Хей, Эш, говорят, у воробья ноги переломились, как только попробовал вороньей походкой ходить. Смотри и ты не надорвись. Запялся бы лучше делом, что под силу.

Но Эш-палван и не думал его слушать.

Икрамджан работал в паре с парнем-уйгуром. Настоящее имя парня было Рузи, но все почему-то звали его Ахун. Стоило ему на час или два задержаться, как все чувствовали его отсутствие. Работая или отдыхая, он все время приятным голосом негромко напевал одну и ту же песню. Несмотря на это, песня никому не надоедала. Если вдруг Ахун замолкал, кто-нибудь обязательно говорил:

— Эй, Ахун, что притих? Давай запевай «Гульайым»!

Ахун поднимает руку — мол, успокойтесь — и, откашлявшись, затягивает песню.

О, Гульайым!
Сердце мое горит в пламени любви.
Как мне быть, Гульайым?
На Кашгарском базаре
Я тобою купленный раб...

Икрамджан понял, что, если он и дальше будет работать с этим «артистом», далеко не уедет. Но ведь Икрама так здорово охарактеризовал Ахунбабаев и оставил в бригаде Али-палвана. Что тогда скажут люди? Скажут: этот Ахун песни распеваает, а зирилламинский палван на бубне ему подыгрывает.

Икрамджан решил поговорить со своим распевшимся дружкой о том, что тот думает о работе.

— Ахун, придется с тобой нам поврозь хозяйство вести. Я ведь сюда работать приехал.

Ахун так растерялся, что не нашелся что ответить. Слышавший Икрамджана Али-палван свел эти слова в шутку:

— Эй, Гульайым, что случилось? Снова овдовела?

Икрамджан перешел на другое место и работал в поте лица. Ему стало стыдно оттого, что, в то время как Азизхан прославляет их кишлак своим трудом, он тут только позорит земляков. Икрамджан теперь сам копал, накладывал в мешок и оттаскивал его наверх. И когда вечером табельщик подвел итоги проделанной за день работы,

оказалось, что он перевыполнил свою норму в полтора раза.

— Ай да молодец. Где ты был раньше,— сказал Али-палван.— Вот как надо работать, джигиты. Все твои силы Гульайым, видно, отбирала. Почти Эша догнал. Не поспрал Юлдаша-ата.

Эти слова еще больше окрылили Икрамджана. В тот вечер он остался на участке, в Лугумбек не поехал.

Воздух у реки свежий и приятный. Правда, целый день палит солнце. Но к вечеру духота сменяется прохладой, с реки дует легкий ветерок, и слышится плеск воды о берег. Из камышовых зарослей доносится криканье уток. Как только задует свежий ветерок, прогоняя комаров, строители откидывают марлевые пологи и лежат, вдыхая ночную прохладу. Нароботавшись за день под палящими лучами солнца до того, что вздувались вены на шее, они тут же засыпают крепким сном. Только негромкий голос Ахуна долго еще слышится в ночной тишине. Он поет всегда одну и ту же песню о кашгарской девушке Гульайым, которая рапила его сердце, тоскуя по которой он мечтает о встрече. Голос его дрожит от тоски и печали. Икрамджан лежит, прислушиваясь к доносящейся песне. Луна скрылась за большим карагачем. Слышен шорох в ветвях деревьев, а то вдруг встрепетается заснувшая в гнезде горлинка. Чуть слышно шумит река. Простучит колесами поезд, прогудит паровоз. Но Икрамджан не обращает ни на что внимания. Мысли уносят его далеко отсюда — от работы, от окружающих его людей. Он вспоминает дом, Джаннат, Турсунбая. Как они там? Мысли сменяют одна другую, прогоняя сон. Икрамджан теперь думает о завтрашней работе, о том, как бы не ударить в грязь лицом перед другими. Под конец и он засыпает.

Утром все просыпались как по команде и отправлялись на трассу. Штаб строительства особо следил за ходом работ на этом участке. Кто как работает, как выполняет норму — все известно руководителям. Али-палван стал расхваливать Икрамджана приехавшему к ним Ахунбаеву:

— Хороший у вас земляк. Трудится не покладая рук и почти догнал Эша. Эш сейчас идет за Азизхапом по нормам выработки. Ему трудно: чуть сбавит темп — отстанет и от Азизхана, и от Икрамджана. Словом, два ваших земляка зажали Эша в тиски.

Ахунбабаев радостно улыбнулся и, подойдя к сидевшему неподалеку Эшу, похлопал его по плечу:

— Молодец, Эшмухаммад. Мы тобой очень довольны.

Ахунбабаев достал из кармана небольшую коробочку и вытащил из нее серебряные карманные часы.

— Специально из Ферганы привез. Это тебя именными часами штаб премирует. Твое соревнование с Азизханом подняло на новые трудовые подвиги сотни, тысячи людей на строительстве канала. Большое тебе спасибо, друг! Те, кто будет пить воду из этого канала, орошать свои поля и сады, вовек не забудут вашего труда.

Эш-палван, занятый только тем, как бы ему обойти Азизхана, ничего не замечал вокруг. Не слышавший ни от кого добрых и ободряющих слов, он сейчас был растроган тем вниманием, какое ему оказал сам Ахунбабаев, и на глазах его выступили слезы. Не в силах сказать ни слова, он вскрикнул.

Али-палван, глядя на него, покатывался со смеху:

— Вот невежа, вот невежа, а! Сказать «мальчишка» — не похож. Подумать, взрослый — плачет, как ребенок.

Ахунбабаев, тут же попрощавшись, уехал на головной участок. Через три дня на строительстве водосброса начались бетонные работы. Теперь в палатки, в которых жили землекопы, должны были переехать бетонщики.

Али-палван тепло поздравил Эша с подарком. Он был взволнован и рад не меньше друга. Взяв из рук Эша часы, повертел их, с любопытством разглядывая надпись, потом, достав из кармана брюк свои часы на длинной цепочке, подвел у Эшевых часов стрелки и, приложив к уху, послушал — тикают.

— Носи на здоровье, друг. Это тебе и твоим детям память на всю жизнь.

Часы передавались из рук в руки. Всем хотелось посмотреть на подарок, врученный самим Ахунбабаевым. Эш сидел радостный и довольный.

Али-палван подмигнул Икрамджану:

— Теперь увидишь, будет работать как паровоз.

Действительно, после обеда Эша словно подменили. Работал он как машина. Его невозможно было остановить. Как муравей, поднимающий груз вдвое больше себя, он почти бежал по деревянной лестнице вверх с огромным мешком за плечами, уже не останавливаясь и не отсыпая

землю, как раньше. Не ворчал и не просил помочь ему, а трудился, ни на что не обращая внимания.

Икрамджан, не зная, как работает Эш-палван, продолжал упорно трудиться.

Вечером, после смены, сидевшие под карагачем стали поздравлять Эша:

— Молодец, Эш! Так трудился, что, вероятно, обошел самого Азизхана.

Молодой парень-табельщик, записывающий в свою тетрадь ежедневную выработку, вмешался в разговор:

— Эш-ака сегодня выработал девятнадцать с половиной кубов, а дядя Икрамджан почти двадцать.

Это известие прозвучало как гром среди ясного неба.

Эш-палван опешил от неожиданности. Сидевший с гордым и важным видом, он как-то сразу сник, и лицо его стало кислым.

— Ие,—удивился Али-палван.— Так тебя уже обошел друг Азизхана?

Эш-палван посмотрел на Али-палвана так, словно хотел его проглотить.

— Это вы всё, Али-ака, напортили. Я ведь еще три мешка земли накопал, а вы сказали: кончай, пора отдохнуть. Если б я их перетаскал, вряд ли обошел меня этот пришелец!

— Ну что болтаешь, невежа,—рассердился Али-палван.— Что это за пришелец? Слово-то какое выискал! Думаешь, если язык без костей, что хочешь можно молоть?

Эш-палван, махнув обиженно рукой, вскочил с места. Али-палван, извиняясь за него, сказал Икрамджану:

— Не обижайтесь на Эша. Вы уж простите его. Такой у него несносный характер.

Икрамджан понимающе кивнул и улыбнулся.

VI

Усман Юсупов по просьбе корреспондентов проводил пресс-конференцию. На эту встречу с журналистами были приглашены и Азизхан с Икрамджаном. Ожидая попутную машину, они немного припоздали на эту встречу. Юсупов уже стоял за столом президиума, что-то увлеченно рассказывая собравшимся. Сидевший в последнем ряду какой-то русский старик пододвинулся, освободив место рядом с собой Икрамджану.

Азизхан остановился в перешителности, не зная, где бы сесть. Белявский жестом пригласил его за стол президиума. Азизхан, привыкший в последнее время быть у всех на виду, не церемонясь направился к сцене. Если на совещании или каком-нибудь собрании его не приглашали в президиум, оставляли без внимания, он воспринимал это как оскорбление. Азизхан шел между рядами и слышал восторженные голоса журналистов: «Азиз-палван! Азиз-палван идет! Это и есть Азиз-палван?!» Поднявшись на сцену, он стал озиаться по сторонам. Дуан-палван, подмигнув, указал ему на место рядом с собой. Юсупов, воспользовавшись непредвиденным перерывом, налил себе в пиялу холодного чая, залпом выпил и, взглянув на бумажку, продолжил:

— Итак, Суэцкий канал, построенный еще при фараонах в восьмом веке, был засыпан по приказу багдадского халифа Мансура. В 1856 году его решил заново восстановить король Сауд. Французы обязуются помочь ему быстро проложить канал, но с условием, что будут бесплатно пользоваться им в течение девяноста девяти лет. На строительстве канала работало сорок тысяч феллахов. За те десять лет, что канал строился, двадцать тысяч человек погибли от тяжкого непосильного труда.

Другой пример. Большую роль в истории сыграл не безызвестный вам Папанский канал, служащий, главным образом, как важный морской путь. Канал длиной всего восемьдесят один километр строился тридцать шесть лет. Только за четыре года девять тысяч восьмьсот строителей из пятнадцати тысяч умерли от желтой лихорадки и других болезней.

К чему я привожу эти примеры? Вас, работников прессы, больше могут убедить конкретные цифры, нежели громкие слова.

Большой Ферганский канал длиннее Папанского в три с половиной, Суэцкого в два раза. Суэцкий канал в общей сложности строился две с половиной тысячи лет, Панама — тридцать шесть лет, а наш Ферганский канал будет построен за сорок пять дней. Такого грандиозного размаха, такого всенародного подъема история еще не знала. Мы признаем это как одно из завоеваний нашего социалистического строя. Пожалуйста, у кого есть вопросы?

С места поднялся невысокого роста, средних лет муж-

чипа п представился как корреспондент «Правды» Борис Агапов:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Юсупов. Вы только что рассказали нам о строительстве известных в мире ирригационных сооружений, о трудностях, с которыми там сталкивались. Большой Ферганский канал — в этом мы сами наглядно убедились — своей масштабностью превосходит многие известные ранее человечеству сооружения подобного рода. Как вы на это решились? Ведь для того, чтобы пачать такое строительство, нужен был какой-пикакой опыт?

Юсупов:

— Я ждал такого вопроса. Есть у узбекского народа хороший обычай — хашар. Это когда все скопом, всем кишлаком строят вместе кому-то дом. Для вдов, оставшихся без кормильца, для бедных семей вся махалля, собравшись, обрабатывала и засевала поля. Даже выдача замуж дочек овдовевших женщин входила в обязанности всей махалли — помогали всем миром, кто чем мог. В Хорезме, например, чистку каналов и арыков от ила тоже проводили всем кишлаком.

Перед тем как пачать такое большое дело, мы попробовали хашаром построить Ляганский канал. Он был прорыт в кратчайшие сроки. Так что народ уже получил опыт коллективной стройки, и мы решились на такое великое дело, опираясь на трудовой энтузиазм узбекского народа. Результаты, как видите, налицо. Поэтому мы и объявили канал всепародной стройкой.

Слова попросил светловолосый мужчина в очках в золотой оправе и отрекомендовался: «Петр Павленко, корреспондент «Правды». Этот известный русский писатель объездил всю Среднюю Азию и опубликовал немало рассказов и очерков из жизни советских среднеазиатских республик, а еще он был известен как автор сценария фильма «Александр Невский», который только что успешно прошел по экранам страны.

— Товарищ Юсупов, не могли бы вы рассказать о том, как поставлена медресуа на строительстве. Вы говорили, что на стройке Панамского канала от желтой лихорадки погибло более девяти тысяч человек. Климатические условия в зоне строительства Панамского канала были ужасными: трасса проходила через тропические болота, полные всякой мошканы. Мы видим, что и трасса Большо-

го Ферганского канала проходит через болотистые места, рисовые поля, где всегда в изобилии комаров. И здесь могла распространиться лихорадка или другая болезнь. Какие были приняты меры по борьбе с ними?

Юсупов:

— Мы мобилизовали на строительство свыше семисот лучших медицинских работников. На трассе работали пятьсот сорок два медпункта, не считая трехсот восьмидесяти передвижных аптек. В ведении медпунктов находились двести шестьдесят машин «скорой помощи». Всем этим лично руководил народный комиссар здравоохранения республики. Были приняты профилактические меры по борьбе с лихорадкой. Всем без исключения строителям давались таблетки акрихина. Мы провели так называемую «акрихиновую операцию».

Невысокого роста, в очках, смуглый узбек поднял руку: «Можно мне?» Это был Сулейман Азимов, ответственный редактор газет «Кызыл Узбекистон» и «На Сталинской стройке».

— Что вы можете рассказать о культпросветработе на стройке?

Юсупов достал из кармана блокнот, полистал его и не спеша продолжал:

— Свое искусство строителям канала показали около двух тысяч артистов Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Проводились шефские концерты коллективами художественной самодеятельности колхозов и совхозов — выступали певцы и танцоры, аскиячи и клоуны. На гастролях у строителей побывали драмтеатр имени Хамзы, показавший пьесы «Бай и батрак» и «Пробуждение», театр оперы и балета имени Свердлова, который привез оперы «Лейли и Меджнун», «Гульсара» и «Аршин Малалац», и другие музыкальные коллективы республики. Порадовали народ своим искусством народная артистка СССР Халима Насырова, пародные артисты Узбекской ССР Тамара Ханум, Кары Якубов и Абрар Хидоят, заслуженная артистка Узбекистана Лютфиханум Сарымсакова. Четырнадцать тысяч пятьсот пятьдесят два человека смогли окончить курсы по ликвидации неграмотности за время строительства. Теперь о торговле и сфере обслуживания населения. Две тысячи пятьсот девять торговых точек каждые десять дней продают строителям товаров на сумму тридцать пять миллионов рублей. С начала строительства

продано тысяча шестьсот пятьдесят вагонов разных товаров.— Юсупов, разомлевший от жары, то и дело вытирал платком лоб и шею и, отхлебывая из пиалы зеленого чая, продолжал пресс-конференцию.— В ответе у меня очень много цифр. Я умышленно приводил их для большей наглядности. К примеру, для удовлетворения запросов курьеров были открыты на трассе шестьдесят два табачных киоска. Мы учли до мельчайших деталей запросы народа.

Как всегда, не удержался от того, чтобы не сострить, Гафур Гулям. Подмигнув Юсупову, он крикнул:

— Усман-ата, вы говорите, что заранее учли все запросы строителей. Мне кажется, кое о чем вы забыли.

Все оживились и весело заулыбались. Юсупов, поняв, о чем идет речь, тоже улыбнулся.

— Ну ты, шайтан! — мотнул Юсупов головой.— Это мы тоже предвидели. Всю водку и вино мы погрузили в вагоны и вывезли за пределы Ферганской области. В день открытия канала все эти вагоны будут здесь.

Смех и оживление снимали усталость, и даже не так ощущалась жара.

Попросил слова поэт Хамид Алимджан.

— Усман-ата, какую территорию, по предварительным подсчетам, оросит Большой Ферганский канал?

Юсупов ответил, даже не раскрывая своего блокнота:

— Река Нарын до слияния с Карадарьей оросит пятьдесят восемь тысяч гектаров учкурганских степей. От Карадарьи, поднявшись на плотину в Куйганяре, до Канибадама еще двести девять тысяч триста семьдесят три гектара. Это пока начальная прикидка использования Большого Ферганского канала. Через год с небольшим будут введены в строй мелкие оросительные системы, что увеличит площадь орошения на десятки тысяч гектаров. Мы надеемся, что это резко повысит валовой сбор хлопчатника в республике.

С места поднялся Сергей Эйзенштейн. Этого известного кинорежиссера знали не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами по фильмам «Октябрь» и «Броненосец «Потемкин», которые обошли почти все экраны мира. Сергей Михайлович приехал на стройку вместе с Петром Павленко для съемок фильма о Большом Ферганском канале. Фильм должен был быть художественным, и Сергей Михайлович пригласил артиста Николая Черкасова

для исполнения главной роли землекопа Дунаана Дусматова.

— Товарищ Юсупов, — обратился он к первому секретарю, — вы разрешите? У меня вопрос к Дунаану Дусматову.

— Не возражаю! Пожалуйста!

— Товарищ Дусматов! Вот вы рядовой дехканин, колхозник. Объясните мне, что же вас побудило так перевыполнять нормы? Вы могли, как и все, спокойно трудиться, и вас никто бы не упрекнул...

Крепкого телосложения, немного неуклюжий, но приятной наружности, Дунаан Дусматов покраснел от смущения и встал. Он вообще был по натуре молчаливым человеком. Из него близкие друзья, бывало, слова не могут вытянуть, а тут столько корреспондентов... Он встревоженно посмотрел на Юсупова. Хамид Алимджан перевел ему вопрос Эйзенштейна.

— Говори по-узбекски, Дунаанбай, — подбодрил его Юсупов.

Дусматов растерянно поглядел по сторонам. Потом почему-то поплевал на ладони, словно собирался брать в руки кетмень.

Гафур Гулям и тут не удержался:

— Слово не кетмень, чтобы плевать на ладони. Говорите смелей, Дунаан-ака!

Взрыв смеха прокатился по рядам. Дусматов растерялся еще больше. Юсупов, махнув рукой на Гафура Гуляма, строго сказал:

— Что ты ему мешаешь? Он и без тебя собьется. Помолчал бы лучше.

Только после этого Дусматов немного успокоился.

— Я не умею красиво говорить, Ата. Видно, мать родила меня для работы. Ничего, кроме работы, не знаю. Я даже не представляю, что ответить на такой вопрос. Говоря по-честному, я и сам не знаю, почему у меня так получается. Деды и отцы мои жили здесь, на берегах Нарына. Всю жизнь в поте лица трудились они от зари до поздней ночи и, чтобы оросить небольшой клочок земли, послали воду из реки ведрами. Живя на берегу реки, мы умирали от жажды. И когда наше правительство сказало, что надо строить канал, будет у тебя и у твоих детей вода, сбудется вековая мечта отцов и дедов, выходи со своим кетменем, — я вышел. Вот работаю. И если

работаю больше других, то это от радости за спокойную и счастливую долю моих детей и внуков, оттого, что на наши иссохшие поля придет наконец долгожданная вода. И всю свою жизнь без остатка я отдам борьбе за счастье народа. И если бы у меня было десять жизней, я бы все равно их все отдал бы этому благородному делу. Вот мой ответ.

Хамид Алимджан переводил все это Эйзенштейну, а тот что-то говорил на ухо Черкасову, который в ответ кивал головой.

Юсупов оглядел сидящих перед ним журналистов:

— У кого еще будут вопросы?

Поднялся паренек, обвешанный несколькими фотоаппаратами.

— Георгий Зельма. Спецфотокорреспондент «Огонька». С вашего позволения я хотел задать вопрос Азизхану Умматалиеву.

Юсупов кивнул.

— Товарищ Умматалиев, вам вот восемнадцать лет. Вероятно, вас еще не тяготят семейные заботы, да и родом вы не из степного района, но ваше имя на строительстве канала среди самых известных передовиков. По своим показателям вы идете следом за Дунаном Дусматовым. Что же вас толкнуло на трудовой подвиг?

Азизхан бодро встал со стула, откашлялся в кулак и смело оглядел сидящих перед ним журналистов. Встречаясь часто с корреспондентами, он уже пообвыкся с такой ролью и потому живо начал:

— Вы правы. Я еще не видел жизни. Не испытал трудностей, какие выпадали на долю моих друзей. Рос я, не зная забот, под крылышком у родителей, да и пришел я на канал помериться силою с известными палванами. Это было для меня словно детской забавой. Но потом я подумал: можно попусту растратить свою силу, а можно всю ее до капли отдать на пользу людям. Видя, с каким энтузиазмом и подъемом трудится народ на строительстве канала, я вдруг понял значение того, что происходит. И тогда я сказал себе: «Э, парень, ты, оказывается, пельмени сырыми считал. Что пользы от твоей силы людям, обществу?..» — и стал работать как умею. Этот канал сделал меня человеком. Заставил поверить в себя.

Усман Юсупов с восхищением смотрел на парня. При-

ехав на канал, этот мальчишка и двух слов связать не мог, а теперь смотри как рассуждает. Стал спокойным, уверенным и держится с достоинством.

Пресс-конференция продолжалась долго. Журналисты поочередно задавали вопросы инженерам, начальникам участков Белявскому, Аскачепскому, Азизову и другим. Поблагодарив журналистов от имени Центрального Комитета партии за активную работу, оперативное и верное отражение на страницах печати хода строительства, Юсупов закрыл пресс-конференцию.

Несмотря на то что после смерти Лютфинисы Азизхан повзрослел, стал серьезным, он по сути все еще оставался мальчишкой. Спустившись со сцены, Азизхан неотступно следовал за актером Николаем Черкасовым, сыгравшим роль Александра Невского в фильме, замороженно слушал его рассказы о себе. А когда Икрамджан, не выдержав, взял его за руку и потащил к автобусу, Азизхан все оглядывался на любимого актера.

VII

Наступило 25 сентября. Вечером местный радиопузел передавал сообщения о ходе строительства на всей трассе.

Многие строители возвратились в свои колхозы — начиналась хлопковая страда. Некоторые, перейдя на другие участки, помогали отстающим. Завершились работы на Учкурганском участке застольем для пяти тысяч человек. Закончив сооружение девяти перекатов на Лугумбекском участке, строители начали прокладку дороги до Учкургана вдоль трассы канала.

Победно и в сроки завершив работы на шестом водосбросе, бригада Юлдаша Тухтаходжаева перегнала передовые бригады и одной из первых рапортовала о сдаче объекта.

Наиболее отличившиеся строители были премированы за хорошую работу велосипедами, патефонами, именными часами. Теперь в ускоренном темпе продолжались бетонные работы на Куйганярской плотине и Лугумбекском участке.

Девушки из бригады Бокибаевой уже давно переоделись в свои нарядные атласные платья и, прихорашиваясь, вертели перед зеркалами.

Только многодетные матери, попрощавшись с подру-

гамп, уехали в свои кишлаки к скучающим по ним детям.

Сто шестьдесят тысяч человек — участников грандиозной стройки — жили в волнительном ожидании необычного и радостного праздника. По докладам прорабов, техников, начальников участков, дня через два должны были завершиться все работы на строительстве.

Когда Азизхан вылез из палатки, было уже около девяти часов утра. Стояла необычная тишина. Азизхану, привыкшему просыпаться от шума машин и людских голосов, все это казалось теперь странным. Люди выглядели наряднее — на мужчинах, вместо старых, изъеденных солью и потом чапанов, надеты чистые халаты, на женщинах всеми цветами радуги переливаются атласные платья.

Тулянбай, сидя на сури, резал для плова морковь. Икрамджан возился у очага.

— Ну как, выспался, палван? — спросил Тулянбай Азизхана, продолжая резать морковь.

Азизхан в ответ промычал что-то невнятное, потянулся, зевнул и зашагал к арыку. Вода в арыке была чистая и прозрачная. На сури вдоль всего берега арыка в чайханах сидели с утра любители ароматного напитка и не спеша попивали из пиал зеленый чай. Когда Азизхан, нехотя умывшись в арыке холодной водой, возвратился к своим, Икрамджан уже обжаривал мясо и лук.

— Тулян! Плов я сам доделаю. Займись-ка лучше палваном — постриги и побрей его, чтоб на человека стал похож, а то его уже, наверное, кинооператоры и фотографы по всей стройке разыскивают.

Азизхан, отмахнувшись, ушел в палатку и лег. Он никак не мог свыкнуться с этой непривычной для слуха тишиной. Что он теперь будет делать? Чем займется? В кишлак он не собирается возвращаться. Здесь подходящей для него работы нет. А самое главное, нет с ним его любимой Лютфинисы. Не увидит он больше ее. Окажись Лютфиниса рядом, не задумываясь отправился бы с ней искать счастья. Азизхан жил ею, она была его настоящим и будущим. Теперь на душе стало пусто и холодно. А тишина вокруг еще больше угнетала.

Прискакал на коне Джура-палван. Узнав, что Азизхан в палатке, спешился, присел рядом с Тулянбаем. Услышав голос Джуры-палвана, Азизхан вышел из палатки.

— Хорманг¹, палван! Вот и канал, считай, закончили! Ты что какой-то нерадостный? — спросил Джура-палван, глядя в грустное лицо Азизхана.

Азизхан промолчал. Джура-палван, подойдя к нему, по-отечески похлопал по плечу, потом крепко обнял, прижав к груди. Икрамджан долил в казан воды и тоже подошел к ним.

— Ну, Джура-палван, скажи, только по-честному, кто первое место на стройке занял?

— Что тут неясного?! Конечно, первое место за Азизхапом, — заключил Тулянбай.

Джура-палван улыбнулся:

— Не совсем так. Первое место все же за Дунапом Дусматовым. А второе поделили Таджима-ата и Азизхан.

— А как же Эш-палван? Как он? — вырвалось у Азизхапа.

— Он тоже неплохое место занял. Семеро вышли на третье место. Среди них и Эш-палван. Последние дни он хорошо поработал. В надежде обойти тебя, Азизхап, он трудился не жалея себя, но, как видишь, не догнал.

— Вай-вай! Теперь начальство могло бы дать нам разрешение на это, — Тулянбай многозначительно пощелкал пальцем по горлу.

За три дня до начала строительства канала Усмап Юсупов, собрав всех руководителей торговых организаций и заведующих магазинами, наказал им не продавать спиртные напитки и предупредил, что в случае нарушения этой установки виновные будут наказаны вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Джура-палван весело подмигнул Тулянбаю:

— Неужто вы так соскучились по этому делу? Но если хотите состязаться со мной, подождите еще денька два. В Куйганяре будет пир на весь мир. Вот тогда мы с вами повеселимся, дружище!

Такие застолья для строителей по случаю завершения строительства Большого Ферганского канала готовились в Учкургане, Лугумбеке, Куйганяре, Шахрихане, Асаке, Маргилане и еще четырнадцати населенных пунктах. Самые лучшие повара из Андижана, Маргилаца, Коканда со своими учениками уже собрались на сходку — обговаривалось меню, повара делились опытом, советовались.

¹ Хорманг — не уставайте, бог в помощь.

Джура-палван вытащил из бокового кармана свернутую вдвое учебническую тетрадь и стал листать ее.

— Сказать тебе, сколько земли ты перетаскал с пачала работ? Сейчас посмотрю. За тридцать девять дней ты перенес две тысячи восемьсот тридцать четыре кубометра. Это, брат, не шуточное дело.

— А вы, оказывается, все подсчитывали, палван-ака? Зачем это вам? — поинтересовался Тулянбай.

— Усман-ата велел. Я табельщиков попросил — они и подсчитали. Уже передал эти сводки помощнику Юсупова. Послезавтра в докладе на митинге он приведет все эти цифры. Сам Усман-ата сейчас проводит совещание всех начальников участков, инженерных работников в Учкургане. Говорят, проедут по всей трассе, проверят готовность участков к пуску воды. Часа через два обещали быть здесь. Хотят за сегодняшний день успеть все осмотреть. Здорово досталось начальнику строительства Куйганярской плотины. Отряд комсомольцев пришлось бросить на помощь. Как муравьи, за дело взялись. Я ведь специально к тебе приехал, Азизхан. Садись-ка сюда!

Джура-палван, усадив Азизхана рядом с собой, достал из кармана карандаш и тетрадь.

— Ты мне лучше вот тут напиши свои биографические данные: когда и где родился, фамилию и имя точно называй, как в паспорте у тебя записано. Это для большого списка. Для Москвы.

Азизхан не спеша написал свои данные Джура-палвану и передал ему тетрадь.

— Ну вот и все. Дело сделано! — сказал довольный Джура-палван, пряча тетрадь с карандашом в карман и направляясь к лошади.

— Зачем Москве это? — не унимался любопытный Тулянбай.

— Э-э, братец мой. Такой канал мы прокопали, что правительству грех не отметить строителей наградами. Самым отличившимся ордена дадут. Просили меня списки составить, — гордо ответил Джура-палван, трогая лошадь.

После отъезда Джуры-палвана Азизхан загрустил. Он вспомнил вдруг кишлачные улицы, чудачества, которые он вытворял, собрав соседских ребят; драки до синяков, сердитое лицо отца; слова признания Лютфинисе на берегу тихой речки и ее веселый и звонкий смех. От того па-

мятного дня, как он выкрал Лютфинису со свадьбы, до этого часа, словно в кино, пронеслась жизнь перед глазами. Была бы сейчас Лютфиниса рядом — радовалась бы вместе с ним его успехам... Сердце сдавило болью. Как только не стало у него Лютфинисы, все как-то сразу сделалось для него серым, бессмысленным. Он мечтал об этих счастливых днях вместе с ней. Лютфиниса была для него огромным миром — с нею рядом он ощущал шелест травы, замечал цветение роз, слышал журчание ручейка, и все это до глубины души трогало его. Теперь ее нет, и светлый, радостный мир померк, стал мрачным и скучным. Ведь он все эти дни жил и трудился ради нее. С кем он теперь поделится своей радостью?!

Икрамджан продолжал возиться с пловом у очага. Сидевшие в чайханах люди повскакали со своих мест и устремились к зданию школы. Азизхан посмотрел в ту сторону, откуда доносился шум. Толпа людей о чем-то оживленно разговаривала — слышны были восторженные голоса, смех, радостные выкрики. Азизхан не сразу узнал окруженного плотным кольцом невысокого коренастого мужчину — оказывается, приехал первый секретарь ЦК партии республики Усман Юсупов. Он что-то говорил стоявшему рядом Юлдашу Ахунбабаеву.

Берега канала заровнены, чисто выметены и политы водой. Руководители республики с утра объезжали трассу, проверяя готовность канала перед пуском.

Юсупов, после тщательного осмотра плотины, подошел к Усманходжаеву:

— Ну, как поживаешь, Ишан? Здравствуй, здравствуй! — И, не дожидаясь ответа, спросил: — Не найдется у тебя глоточка холодного зеленого чая?

Чайханщик с полотенцем через плечо и с эмалированным ведром, полным холодного зеленого чая, устремился к нему. Юсупов, зачерпнув полную пиалу, протянул Ахунбабаеву:

— Пейте, Юлдаш-ака. Небось жажда замучила.

Ахунбабаев, приложив руки к груди, поблагодарил:

— Сначала сами попейте, Усман-ака. Вы же пить хотели.

Усманходжаев не удержался от смеха, глядя, как два руководителя один перед другим изощряются в вежливости.

Тешавой Мирзаев, сверкнув глазами, сердито шепнул на ухо Усманходжаеву:

— Нашел над кем смеяться, невежа!

Юсупов усмехнулся:

— Что, Тешавой, не нравится? Ишан из тех, кто на всех смотрит одним глазом, одной меркой меряет.

Друзья Тешавоя за прищуренный глаз прозвали Мирзаева «Одноглазым». Если бы так пошутил кто-нибудь другой, Тешавой не преминул бы вызвать милиционера и стал бы доказывать, что этот человек его оскорбил. Он не любил шуток, и особенно если эти шутки касались его. А сейчас он стоял сердитый, красный от смущения, и прищуренный глаз его вовсе выглядел узкой щелкой.

Толпа все росла. Люди старались втянуть в разговор известных аскиябозов Байтока, Пахтаабада, Хаккулабада. Начавший первым острословить, Усманходжаев сам оказался теперь объектом для шуток. Пытавшийся защитить Усманходжаева Ахунбабаев тут же был сражен метким словом. Старый, опытный аскиябоз по прозвищу Козел, долго прицеливаясь, взял на мушку Юлдаша-ата.

— Юлдашбай, держите крепче Бузрук-Ишана. Он из тех, что пойдет за кем угодно, кто повесит на шею ему колокольчик.

Ахунбабаев хорошо знал этого человека. Это был старый и верный друг. В годы борьбы с басмачеством в одном из боев с бандой Азимходжи, наводившей ужас на окрестные кишлаки, он был тяжело ранен в ногу. Истекая кровью, провалился Козел в камышах, прячась от врагов, четырнадцать дней. Когда рана зажила, он стал прихрамывать на одну ногу и теперь ходил вприпрыжку, как козел. За ним и закрепилось это прозвище. Ахунбабаев, переждав, пока утихнет смех, ответил:

— Вы Бузрук-Ишана не трогайте. Говорят, если верблюда ураганным ветром унесет, то вас вообще под облаками придется разыскивать.

Смех в толпе не смолкал ни на минуту. Тешавой Мирзаев, опасаясь, как бы его снова не зацепили, спрятался в толпе.

Примерно через полчаса Юсупов, возбужденный и покрасневший от жары и смеха, направился к машине. И тут он заметил стоявшего в стороне Азизхана.

— Подойди ко мне, сынок! Как поживаешь?

Азизхан подошел к секретарю и, как подобает млад-

пему, поздоровался с Юсуповым. В их первую встречу рядом с Азизханом была Лютфиниса. Он ведь тогда все рассказал Юсупову о себе — как сбежал из кишлака, выкрал со свадьбы невесту, и как скитался по кишлакам, пока не попал на строительство канала. Юсупов пообещал после завершения строительства сыграть молодым пышную свадьбу. Секретарь знал о гибели Лютфинисы и очень переживал безвременную трагическую смерть молодой девушки. А сейчас неожиданная встреча с Азизханом поставила его в тупик — он сразу не нашелся что сказать парню — то ли утешить, то ли просто выразить соболезнование, но при людях не хотелось ему этого делать. Юсупов положил руку на плечо парню и тихо сказал:

— Спасибо, сынок! За все спасибо! Мы знаем обо всех твоих делах. Народ никогда не забудет твоего подвига. Много страданий выпадает человеку на его жизненном пути. Ты только вступаешь в жизнь. И самое главное — выстоять, не сломиться. Впереди тебя ожидает много испытаний, сынок.

Азизхан слушал его, низко наклонив голову.

— Посмотрите, Юлдаш-ата,— сказал Юсупов Ахунбаеву.— Какие у нашего народа есть сыновья. Значит, мы с вами можем быть спокойны за наше будущее.

Юсупов еще раз хлопнул по плечу Азизхана, как бы ободряя, и быстро зашагал к машине.

Лицо его стало серьезным, от прежней улыбки не осталось и следа. Ахунбабаев сел рядом, хлопнула дверца, и машина помчалась по чистой тенистой улице.

VIII

Тога, послав нарочного на стройку, отозвал в кишлак Тулянбая с Икрамджаном. Тенгдик и Бейшенали, тепло попрощавшись с Азизханом, тоже уехали к родителям.

Теперь в палатке Азизхан остался один. В чайханах днем и поздним вечером не смолкали смех и веселье.

Наконец приехала долгожданная кинопередвижка. Механик, как обещал, привез новый документальный фильм. Этот фильм был показан на других участках, и о нем все уже были наслышаны. Джура-палван говорил, что там показывают и Азизхана-палвана. «Здорово ты там получился, прямо как живой». С тех пор Азизхан мечтал посмотреть эту картину.

На стену школы натянули белую парусину, и механик-татарин, настроив киноаппарат, сидел рядом с передвижкой, ожидая наступления темноты. Народу собралось много — всем хотелось посмотреть на себя, как они выглядят на экране. Сидели кто на земле, кто на принесенном стуле. Многие стояли.

Когда пришел Азизхан, вся площадь перед школой была усыпана народом — негде было яблоку упасть. Из-за стоявших не было видно и экрана. Азизхан покрутился в поисках лазейки сквозь живую стену, но ничего не нашел. Тут его заметил Умурзак, который, видимо, взял на себя роль «распорядителя» зала.

— Эй, палвац, иди-ка сюда!

Схватив Азизхана за руку, он стал пробиваться сквозь толпу, расчищая перед парнем дорогу. Сигнал сидевшего на стуле в белом фартуке молодого парня:

— Эй, тебе не обязательно сидя смотреть этот фильм. Уступи место палвану.

Парень, всем своим видом выражая недовольство и что-то бормоча, примостился тут же у ног.

— Садись, палвац!

Азизхан растерянно посмотрел на согнанного из-за него парня, но Умурзак решительным жестом усадил его на стул. А сам встал позади Азизхана, как бы охраняя его, и крикнул механику:

— Начинай! Давай начинай!

Киноаппарат застрекотал. Засветился экран, запрыгали какие-то цифры, звездочки, затрещал динамик, укрепленный на орешине. Но вот на экране появились арбы, поезда, машины; с них сходили люди, несущие за плечами свернутые одеяла, кетмени.

Вот взлетела в воздух взорванная земля. Пыль и щебень летели во все стороны. Извиваясь и пенясь, текла река. Мутные воды подмывали глинистый берег. На экране титры:

Мужественный народ идет на укрощение упрямой реки.

Люди работают кетменями. Сотни, тысячи людей. Идут с носилками, с тачками, с корзинами, наполненными землей. Голос диктора:

От Учкургана до Канибадама на трассе длиной 270 километров единой цепью протянулись строители Большого Ферган-

ского канала. Они работают во имя большой воды, не зная усталости, и днем и ночью.

Вид сверху — съемки, как видно, велись с самолета: на экране проплывает трасса; как муравьи, копаются люди.

Строительство канала родило новых героев.

На экране Дуан Дусматов. Лицо его во весь экран — улыбаются глаза, расплылся в улыбке рот, обнажая белые зубы. Крупными каплями стекает со лба пот. В зале захлопали. Азизхан тоже аплодировал. Теперь на экране Таджимат-ата Хидиров. На ветру развеивается его борода. Он улыбается, показывая редкие зубы.

Голос диктора:

Дуан Дусматов и Таджимат-ата Хидиров выполнили дневные нормы на тысячу процентов. Этот замечательный трудовой почин вызвал всенародный подъем на всей стройке.

А вот и Азизхан. Послышались аплодисменты. Азизхан с удивлением смотрел на экран. Он даже вначале не узнал себя. Лицо серое, все в пыли, только сверкают глаза и зубы.

Голос диктора:

Ученик Дуана Дусматова — удивительный палван, богатырь Азизхан Умматалиев, выполняя дневную норму на девятьсот тридцать процентов, увлек за собой десятки и сотни молодых людей, показал чудеса трудового героизма.

И вот на плече у Азизхана огромный канар, доверху наполненный землей, а на нем еще и мешок, чуть поменьше. Вот палван поднимается по деревянной доске. Вокруг толпа любопытных.

Слышится за кадром голос диктора:

Вы видите тот самый момент, когда Азизхан-палван установил абсолютный рекорд по поднятию тяжестей на стройке. Смотрите, с какой легкостью он устремляется вверх!

Азизхан поднимается не спеша, осторожно переставляя ноги. Доска под ним прогибается, ходит ходуном. Он вдруг спотыкается, зацепив ногой за ногу. В зале даже

вскрикнули от испуга. Меньший мешок с землей, потеряв равновесие, накренился и потянул Азизхана в сторону. Азизхан остановился, легким движением плеча подправил мешки, но при этом ему на глаза съехала тюрбетейка. Азизхану что-то кричат. Он ощупью идет вверх по доске. Вот он уже наверху. К нему подбегает Лютфиниса и, сорвав съехавшую на глаза тюрбетейку, надевает ему на голову, что-то говорит на ухо. Азизхан гордо несет мешки с землей к дамбе.

Что было дальше? Кого еще показывали? Азизхан не помнит. Как только увидел Лютфинису, заглохло сердце, в глазах потемнело. Он ничего уже не слышал.

Лютфиниса была перед глазами, как живая. Рядом. Шла, приравливаясь к его шагам, и поправляла на ходу его тюрбетейку. Что она ему тогда сказала? Он мучительно пытался вспомнить.

Когда фильм кончился и зажгли свет, все кинулись поздравлять Азизхана, но его на месте не оказалось. Азизхан в это время неподвижно сидел у входа в палатку, обхватив руками голову.

Сидел, не обращая внимания на одобрительные возгласы возвращавшихся после фильма людей: «Молодец парень! Вот это герой!» Азизхан думал о Лютфинисе, и слезы застилали ему глаза. И не было рядом ни Икрамджана, ни Тулянбая, кто мог бы утешить его в эти минуты.

Снова, как и прежде, шумно и весело в чайханах Лугумбека — поют певцы, играют музыканты, пляшут танцоры. Только и разговору теперь о показанном фильме, о предстоящем большом празднике. Казалось, один Азизхан не принимает участия в оживленных беседах, он сидит у входа в палатку в темноте, не зажигая лампы.

Перед глазами в который уже раз ожила Лютфиниса. Ведь было такое безоблачное небо! Они были счастливы друг с другом. Это короткое время, пока они были вместе, сотворило с Азизханом удивительное волшебство, превратив его из озорного, непослушного мальчишки в известного не только на стройке, но и во всей республике человека.

Из-за холмов выплыла кроваво-красная луна; медленно поднимаясь над кишлаком, она постепенно бледнела, сначала приняв оттенок бледно-желтый, а уже над самой головой повисла одиноким зеленым фонарем.

Опершись руками о колени, Азизхан с трудом поднял-

ся с места и зашагал вниз, к чайхане, где давно погасли огни. В клетке, висевшей на дереве, встрепенулась перепелка, заслышав шаги.

Азизхан шел по темным улицам кишлака, и сам не зная, куда держит путь. За махаллей Туячи, за полуразвалившимся дувалом, начиналось кладбище. Азизхана остановил донесшийся оттуда крик совы. Он замер от неожиданности и почувствовал, как по телу пробежали мурашки.

Тут поконтят Лютфиниса. Азизхан решил перелезть через дувал и, разыскав могилу Лютфинисы, броситься на нее и дать волю душившим его слезам.

Послышался гул машины. Сверкнув лучами фар, из-за поворота вынырнул легковой автомобиль. Азизхан, ослепленный светом, прикрыл лицо руками. Машина остановилась возле него. Дверца открылась, и из нее вылез высокого роста мужчина.

— Что ты тут делаешь в столь поздний час?

По голосу Азизхан узнал Усманходжаева. Он отнял от глаз руки и опустил голову.

— Садись в машину!

Ни слова не говоря, Азизхан повиновался. Машина тронулась. Усманходжаев что-то напевал себе под нос, не обращая внимания на сидевшего позади него Азизхана. Потом, как бы вспомнив о нем, оглянулся.

— Что бродишь по ночам, как бездомный бродяга?.. Я понимаю, трудно перенести такое горе... Но ведь не вернешь ее. Возьми себя в руки, парень...

Азизхан молчал.

Машина остановилась возле пекарни. Сошли оба. «Ты отдохай!» — бросил Усманходжаев шоферу, а сам повел Азизхана за собой.

В пекарне было жарко и светло. Азизхан щурил глаза от яркого света. Несколько пекарей, стоя за большим длинным столом, раскатывали тесто, делили его на небольшие куски и делали из них лепешки. Один, с повязанным вокруг шеи платком и с длинной рукавицей на правой руке, отдирает от стенок тандыра готовые лепешки.

— Что это вы сегодня припоздали, Ишан-ака? — спросил тот, что стоял у тандыра и бросал на плетенный из ивовых прутьев поднос горячие лепешки.

Усманходжаев был чем-то недоволен.

— В моем полку прибыло! — угрюмо сообщил он.

— Ну поздравляем, поздравляем! Сын?

— Спасибо! Девчонка! Дай ей бог здоровья. Ездил в Байтоцкий роддом и задержался. Заварите-ка покрепче зеленого чая. Мы с палваном не отказались бы выпить по пиале ароматного напитка. А то, занятый матерью своих детей, я и забыл, когда ел и пил.

Пока пекарь заваривал чай, разламывал горячие лепешки и поставил на подносе перед ними, Усманходжаев сидя уснул.

— Э-э, Ишан-ака, проснитесь, чай остынет. Так кто же из вас рожал, вы или жена?

Азизхан прыснул в кулак. Услышав шутку пекаря, Усманходжаев проснулся.

— Налей-ка чаю, сынок!

Азизхан налил в пиалу чай и протянул Усманходжаеву. Пил он, быстро прихлебывая, словно торопился куда, а когда согнал сон, посмотрел на Азизхана:

— Ты, царень, и не представляешь себе, что творится сейчас на белом свете. Красная Армия перешла восточные границы Польши. Нашим дали приказ освободить из-под гнета панской Польши западные районы Украины и Белоруссии. Молотов по радио выступал.

Азизхан посерьезнел. Волнуясь спросил:

— Война началась?

— Можно сказать и так. Но польская армия, оставшаяся без командования, разве сможет оказать сопротивление нам? Какая же это армия без командира?

— А в армию не набирают людей?

— Вот чего не ведаю, того не ведаю. Кто знает, может, и объявят мобилизацию. Ты давай допивай свой чай и ложись-ка спать. Уже поздно. Завтра у нас много дел. На участках пройдут митинги. Наши поэты написали стихотворное письмо-обращение к ЦК ВКП(б). Гафур Гулям или Хамид Алимджан зачитают его. Побрейся, умойся, надень понарядней рубашку. Всех передовиков пригласят на трибуну.

Азизхан, допив чай, поставил на стол пиалу и, попрощавшись, вышел на улицу. Добравшись до своей палатки, он не раздеваясь плюхнулся на койку и заснул крепким сном.

Висевшая над кишлаком луна словно растворилась в бледнеющем небе. В палатку сквозь щели проникал рассвет.

Азизхан целый день валялся в постели, чувствуя себя разбитым. У него было ощущение человека, попавшего в тупик и не знающего выхода. Через несколько дней пустят по каналу воду, и потечет она по водостокам, устремляясь к Карадарье. А у Куйганяра, остановившись перед плотной и набрав силы, по головному каналу пройдет через всю долину. Люди, сотворившие это чудо, возвратятся в родные кишлаки к своим семьям, к своей работе. А Азизхан? Куда он подается? В Зирилламу он не может вернуться — как посмотрит в глаза своим односельчанам? Разве простят они ему то, что он оставил тут свою любимую? Да и что ему делать в Зирилламе без Лютфинисы — всякий смысл потеряла для него эта жизнь.

Он понимает, что пройдет время, и страсти улягутся, многое забудется. Но разве он сможет предать Лютфинису — оставить ее здесь, в Куйганяре, одну? Разве он не клялся Лютфинисе в ту прекрасную ночь, когда выкрал ее со свадьбы, навеки быть рядом с ней, любить всю жизнь. А теперь оставить здесь, вдали от родного кишлака? Ведь она ради него пожертвовала своей жизнью. Уйти отсюда будет равносильно предательству...

И он дал себе слово не уезжать из Лугумбека. Но вот чем ему здесь заняться? Была бы Лютфиниса — другое дело! Жили бы они себе счастливо вдвоем в светлом «дворце», как мечтали когда-то. Но этот «дворец» разрушен, сровнен с землей. Азизхан один не в силах восстановить его и в воображении. Разъехались по домам друзья — Тенгдик и Бейшенали, Икрамджан и Тулянбай. Они поехали к своим семьям, в родные края. Даже Джура-палвап, в последние дни не оставлявший его одного ни на час, и тот уехал к своим в Булакбаши. Изредка заглядывает к нему лишь Ишан-ака, интересуясь его житьем-бытьем.

Азизхан с нетерпением ждал торжественного открытия канала. Задержка сейчас была за Куйганярской плотной — завершались бетонные работы. Азизхан решил попросить Ишана-ака устроить его пока в один из здешних колхозов.

Так раздумывая о своей дальнейшей судьбе, Азизхан вышел из палатки. В эти минуты, когда его тревожили воспоминания о Лютфинисе и невыносимо жгло сердце, он искал утешения в разноголосице чайхапы. Порой и по-

чами, не в силах заснуть, он выходил из палатки, шел в пекарню, что рядом с чайханой, и отводил душу за разговорами.

Теперь и чайхана опустела, и пекарня ночью не работает. Азизхан остался один со своей печалью.

Терзаемый грустными воспоминаниями, одинокий, возвращался он к себе поздно вечером. Возле палатки мелькнула чья-то тень. Кто же это может быть? Он решительно направился к своему жилищу. У входа в палатку на стуле, держа большой узел на коленях, сидела какая-то женщина. В темноте он не мог разглядеть лица.

— Кто тут?

— Это я, палван-ака!

Азизхан узнал голос Вазирьы и замер в нескольких шагах от нее. От растерянности он не мог произнести и слова. Зачем эта женщина сидит здесь? Что ей тут нужно?

А вокруг тишина и темень. И даже свет луны не проникает сквозь густую крону высоких тополей.

— Что нужно? — спросил он, собравшись с духом.

Вазирьа не ответила, только встала и положила на стул узел. Азизхан хотел уйти, но Вазирьа быстро и страстно заговорила:

— Неужели вы такой бессердечный? Не видите, как страдает и мучается мое сердце?! Какой жьы вы мужчина, если не чувствуете... — она закрыла лицо руками и разрыдалась.

Азизхан растерялся. С того самого вечера, когда Вазирьа пришила к его рубашке пуговицу, он старался не встречаться с ней. Но, признаться, порой думал об этой женщине.

Он взял себя в руки и спокойно сказал:

— Послушайте, сестричка! Вы замужняя женщина. Не надо обманывать себя. На что вы надеетесь? Я совсем недавно потерял дорогого мне человека, пожертвовавшего своей жизнью ради меня. Неужели вы думаете, что не пройдет и месяца, как я ее забуду? Еще не зарос травой холмик на ее могиле, еще свежи раны в моем сердце... Возьмите себя в руки!.. Оставьте меня в покое!..

Вазирьа вытерла рукавом слезы.

— Милый Азизхан-ака, к сожалению, многое на свете предается забвению. И самое страшное в этом мире — оказаться в одиночестве. Ради вас я оставила семью, ушла от мужа. И ни за что не вернусь обратно. Пойду за вами,

куда прикажете. Хоть на край света. Лишь бы быть рядом с вами...

— Я никуда не собираюсь уезжать, — грубо оборвал ее Азизхан. — Не могу я бросить Лютфинису одну. Я останусь здесь, в Лугумбеке, и буду работать в колхозе.

Вазира вдруг кинулась к нему на грудь, оплела руками его шею. В нос ему ударил запах гвоздичного одеколона. На какой-то миг он растерялся, почувствовав горячее дыхание у самого уха. Ее теплые нежные руки ласкали его шею, трепали волосы... Она была объята страстью и любовью к нему. Он взял ее за плечи. Перед глазами предстала Лютфиниса. Азизхан отстранил Вазиру, отступил на шаг.

— Возьмите себя в руки! — сдавленно сказал он.

Наперекор Азизхану Вазира положила руки ему на плечи, прижала голову к его груди. Ее растрепавшиеся волосы касались его щек, щекотали губы. Азизхан крепко схватил Вазиру и оттолкнул. Этот поступок Азизхана, кажется, задел ее самолюбие: она отпрянула взлохмаченная и злая, ее глаза злобно горели в темноте.

— Ради тебя я, дура, отказалась от всего. Ночами не спала. Ни днем, ни ночью ни на миг ты не выходил у меня из памяти. А ты готов растоптать мою любовь! Нет, куда бы ты ни спрятался, я буду следовать за тобой как тень. Ради тебя я отвергла столько молодых красивых парней. Зачем же ты гонишь палкой птицу счастья, что опустилась тебе на плечо. Зачем ты отталкиваешь от себя женщину, мечтающую быть тебе верной женой! Неужели тебе не жалко меня и моих слез?!

Азизхан был добрым парнем и от ласковых слов мог растаять как масло. Однако, хотя слова Вазиры могли растопить и камень, Азизхан оставался холодным. Он не мог забыть Лютфинису.

— Послушайте, я, по-моему, ничего не обещал вам... Зачем же вы мучаете и себя и меня?

Луна поднялась из-за тополей, высветила поляну перед палаткой. Вазира тяжело дышала, и высоко вздымалась ее грудь.

Азизхан тихо сказал:

— Давайте разойдемся по-хорошему. Как друзья. Нам нельзя больше встречаться.

Как пьяный, шатаясь, побрел он в сторону от палатки. Оглянувшись и бросил с дрожью в голосе:

— Уходите отсюда! Уходите!

Вазира со слезами на глазах смотрела ему вслед и с мольбой протянула руки.

Азизхан вскоре исчез в темноте.

Вазира, закрыв лицо руками, разрыдалась, оплакивая свою попорченную любовь и проклиная свою горькую судьбу. А ведь сколько любовных писем оставила она без ответа; скольких молодых парней заставляла простаивать под окном до рассвета!

Когда Вазира достигла того возраста, который называется зрелость, мимо нее равнодушно не мог пройти ни один мужчина. А парни пели у нее под окном песни. Ей запали в голову слова одной из них:

Ох, страдаю, ох, страдаю,
Тех страданий не поймешь!
В море слез моих утонешь,
Если замуж не возьмешь!

Эту песню теперь шептали ее губы. А по щекам текли слезы.

х

Шедшая из города грузовая машина остановилась у шлагбаума и погасила фары. Мимо, стуча на стыках рельсов, с грохотом проносился пассажирский поезд. Азизхан вышел на дорогу и попросил шофера подвести до Байтока. Водитель, видно, узнал его, улыбнулся, охотно открыл дверцу.

— Хорманг, палван-бала, я думал, вы уже уехали со стройки!

Азизхан ответил, что собирается уехать после пуска канала.

— Что-то я вас на состязании силачей в Учкургане не видел. Эш-палван там отличился. Двоих на лопатки положил. Многие жалели, что вас не было. Говорили, не мешало бы Эшу нервы пощекотать. А вам в Байток или дальше?

— Нет, в Лугумбек еду. Можете на развилке меня посадить. Дальше я сам доберусь.

— Ие, интересный вы человек. Машине все равно, куда катить, лишь бы колеса крутились. Отвезу, куда пожелаете. А может, по пути ко мне заедем? Гостем будете. Поговорим о том о сем. Постелю вам на веранде. А на

завтрак угощу свежим инжиром, он у нас в этом году здорово уродился. Янтарным соком налился. Так и капает с него. Прямо мед.

Азизхан, сославшись на занятость, поблагодарил шофера за приглашение. Когда доехали до развилки, водитель остановил машину и, высунувшись из кабины, крикнул в темноту:

— Эй, друг, приехали. Дальше в Лугумбек поеду.

Мужчина, сидевший в кузове закутавшись в чепан, сказал, что ему тоже — в Лугумбек. Шофер захлопнул дверцу и дал газу. Всю дорогу до Лугумбека он расспрашивал Азизхана о его жизни. Рассказывал и о себе. Добавил, что давно мечтал с ним познакомиться.

— Заодно узнаю, где вы живете. Как-нибудь приеду и заберу вас к себе. Вот обрадуются жена и дети. Барашка приберег. Зарежу для самого почетного гостя в моем доме. Только не отказывайтесь. Я ваш портрет сколько раз видел, в газете о вас читал и от людей столько слышал, но вот живого в первый раз вижу. Может, все-таки поедем ко мне? А?

Машина свернула с асфальтированного шоссе на проселочную дорогу. Азизхан попросил шофера остановиться.

— Дальше я пойду пешком, разомну ноги.

— Обещаете, что будете моим гостем? — упрасивал его шофер. — Где вас искать?

— Спросите в Белой школе, вам покажут, — ответил Азизхан и, попрощавшись, спрыгнул с подножки. Дремавший в кузове мужчина проснулся и, поинтересовавшись у шофера, где они остановились, тоже сошел с машины. Полоснув по степи фарами, грузовик развернулся и помчался в обратную сторону — два красных огонька еще долго светились в темноте, пока не исчезли вовсе.

Азизхан шел не спеша. Незнакомец зашагал следом. Стараясь пропустить его вперед, Азизхан сбавил шаг. Незнакомец, поравнявшись с ним, пошел рядом.

— Не скажешь, друг, где мне найти Азизхана-палвана?

Азизхану голос показался знакомым. Где-то он его уже слышал. Но в темноте нельзя было разглядеть лица.

— А что вы хотели? — поинтересовался Азизхан.

— Мне обязательно надо с ним встретиться. Я из Маргилана приехал. Очень важное дело к нему...

Азизхан вспомнил, где он слышал этот голос. Это был

жених Лютфинисы — Нормат. Азизхан насторожился. Зачем он приехал? Что ему надо? Но не раздумывая ответил:

— Я Азизхан, которого вы разыскиваете. Так о чем вы хотели поговорить?

От неожиданности Нормат отпрянул в сторону и испуганно посмотрел на Азизхана:

— Да нет, не может быть... Вы... вы Азизхан?

— Да, я тот самый Азизхан, которого вы разыскиваете.

Нормат, словно кто-то мог подслушать их разговор, воровато посмотрел по сторонам и тихо сказал:

— Здесь не могу говорить... Весьма важный разговор.

Азизхан вспомнил о приезде Нормата в Лугумбек. Тогда, бросив ему под ноги нож, он исчез из кишлака.

— Да,— сказал Азизхан с сожалением.— Сглушил тогда, что отпустил вас. И не сберег Лютфинису. Я тогда о себе пекся, о своей шкуре заботился, а о ней не подумал... Так что вам от меня теперь нужно? Ее уже не воскресить. Навечно осталась она здесь, в Лугумбеке.

Нормат робко подошел поближе к Азизхану и осторожно взял его за запястье.

— Э, братишка, вы еще многого не знаете. Но, как говорится, то, что прошло, былем поросло. Ведь тогда, отпустив меня, вы накликали на мою голову беду. Лучше бы вы убили меня в тот вечер...

Они продолжали идти рядом в темноте.

— Послушайте,— сказал Нормат, оглядываясь.— Дальше не пойду. Думаю, нам можно и тут поговорить. Откладывать больше нельзя. Давайте присядем на минутку.

Они сошли с дороги и присели на обочине.

— Вот уже неделю меня без конца вызывают в милицию. Обвиняют в убийстве Лютфинисы. Я ничем не могу доказать, что к этому не причастен. Был под арестом, под расписку о невыезде выпустили,— угрюмо сказал Нормат.

Азизхан знал, что Лютфинису убил ее брат, Акбарали. «Зря парня мучают»,— подумал он.

— Ты в милиции скажи, чтобы меня допросили. Я подтверждаю, что ее убил Акбарали. Жаль, что он сам па тот свет отправился, не то я из него не знаю что б сделал.

Нормат испуганно вытаращил глаза:

— Что вы говорите? Вы ошибаетесь, он жив.

Азизхан недоверчиво, словно его разыгрывают, посмотрел на Нормата: «Уж не рехнулся ли?!»

— Как жив?

— Да так, жив,— вздохнув, сказал Нормат.— Теперь он вас выслеживает.

— Не может быть... Я собственными глазами видел, как он утонул.

Азизхан в темноте не видел выражения лица Нормата. Тот к тому же сидел обхватив руками голову и опершись о колени.

— Узнав о гибели Лютфинисы, я впал в отчаяние. Из дома никуда не выходил. На третий или четвертый день меня забрали в милицию. Допросили. Сказал, что никуда в последние дни из Маргилана не отлучался. В тот день, когда произошло это, я допоздна засиделся в чайхане. Вернулся домой часов в одиннадцать. Можете, говорю, спросить у чайханщика, у друзей, с которыми сидел, они подтвердят. Но меня и слушать не хотят, без конца таскают на допрос. Прошлой ночью снова стук в дверь. Сердце у меня в пятки ушло. Снова из милиции, думаю. Открыл — стоит брат жены Акбарали. Вошел, поспешно сунул мне в руку какую-то записку. Я зажег керосиновую лампу, прочитал: «Срочно приходи, жду!» Спрашиваю позднего гостя, куда мне идти. Одевайтесь, говорит, я вас провожу. Я и пошел за ним.

— От кого была записка? — прервал его Азизхан.

— Как от кого? От Акбарали, конечно.

— И куда же он тебя повел?

Нормат говорил торопливо, словно кто подгонял его.

— Вышли... На противоположной стороне улицы в тени карагача я заметил «эмку». Шофер за тридцатку довез нас до Алтынкуля. В темноте шли по узким улочкам незнакомого мне кишлака и задворками вышли к тугаям. Постепенно рассвело. Пройдя через камышовые заросли, мы очутились на небольшой полянке. Это была чья-то бахча. Акбарали сидел у шалаша, подогревая воду в кумгае. Увидев нас, он привстал, но тут же со стоном сел на место. Он был весь какой-то помятый, обросший, со следами синяков на лице; из-под рваного халата виднелось перебинтованное плечо. Вместе позавтракали... Родственник погрузил на арбу дыни, уложенные с вечера горкой, и повез на базар. Мы остались вдвоем. Поинтересовался, что слышно о нем в городе. Я ему все рассказал. Он сердито

посмотрел на меня и зло бросил: «Ты не мужчина, а баба!» У меня аж поджилки затряслись — такие у него были страшные глаза. Он глядел на меня так, словно собирался стереть в порошок. «Из-за тебя, подлеца, я прячусь здесь от людей. Из-за тебя, подлеца, я зарезал свою сестру. Как я теперь вернусь к своим детям, к своей семье, в родной кишлак? Ты своего слова не сдержал, а еще считаешь себя мужчиной! От страха нож выронил из рук. Баба! Запомни, мне теперь нечего терять. Знаю, что меня ожидает выпшка. Одно убийство я уже совершил, какая теперь для меня разница, одного я убил или двоих, ведь все равно расстреляют. И пока я не прикончу этого негодяя Азиза, не успокоюсь. Если не убью его, пусть в могилу меня живым закопают», — поклялся он. Мне стало ясно, чего теперь он хочет, но зачем ему понадобился я, этого не мог понять. Акбарали положил руку мне на плечо и процедил сквозь зубы: «Ты тоже у меня не отвертишься. Азизхана уберешь сам. А не сделаешь этого, я вот этими руками задую тебя». Сижу ни жив ни мертв. Вот, думаю, угораздило меня сюда приехать. Сердце от страха перестало биться. А он: «Я бы сам с удовольствием убрал этого щенка, дай бог мне только поправиться, набраться сил». Глаза у него так и сверкают. В нетерпении он вскочил на ноги, но тут же, вскрикнув, со стоном упал. Видно, раны беспокоили его. Кроме нас двоих, в шалаше никого не было. Только слышно, как на ветру шуршат камыши. И зачем только согласился приехать сюда, ругаю сам себя. Впутался в такое дело, что и вовек не выкарабкаться. Достаточно, думаю, и позора перед родными и земляками за свадьбу. Теперь еще остается убийцей стать. О боже, за какие грехи ты ниспослал мне столько горя, мучений. Характер Акбарали мне знаком. Этот ни перед чем не остановится, мать родную не пожалеет ради собственного благополучия. Видно, боль успокоилась, и, перестав стонать, Акбарали сердито сказал: «Через несколько дней я встану на ноги. Не ожидая прихода моего человека, явишься сюда. Вместе разыщем Азизхана и порешим. Слово мужчины закон. Передумаешь или струсишь, пеняй на себя». Услышав эти слова, я чуть не лишился чувств. Просить, умолять отпустить меня с богом — бесполезно. Не такой он человек. Я сказал, что согласен. В тот же день добрался домой. Два дня, запершись, пикуда не выходил и все думал. Даже голова распухла от мыслей. И во сне

мне снились всякие кошмары — будто ночью приходили за мной ангелы смерти. На третий день, не выдержав этих пыток, я решил разыскать вас и сообщить о намерении Акбарали. Ночью, чтобы никто не видел меня, отправился на поиски. И вот...

Азизхан весь кипел от негодования. Сердце как бешеное колотилось в груди. От гнева и возмущения он не мог вымолвить и слова. Азизхан встал, нервно запягал назад-вперед по дороге. Потом, выругавшись, остановился, вероятно придумав что-то, и подбежал к Нормату:

— Я знаю, вам будет трудно, но будьте так добры. Отведите меня сейчас же к Акбарали.

Нормат от удивления раскрыл рот. Он вовсе не собирался показывать тому на глаза. Сославшись на усталость, Нормат сказал, что надо это отложить до следующего раза. Азизхан сначала уговаривал, но, так как Нормат не соглашался, он, разозлившись, схватил его за руки и потащил за собой.

— Прошу вас, оставьте меня в покое. Я очень устал. Ноги уже не слушаются, третью ночь не сплю!

Азизхан и слушать его не хотел. Охваченный гневным порывом, он волок за собой упирившегося Нормата.

XI

На рассвете, снова нагрузив арбу дынями, родственник Акбарали отправился на базар. Акбарали целыми днями оставался один. Он никуда из шалаша не выходил, валяясь на старом ватном одеяле, постеленном на ворохе соломы. Безрадостные мысли угнетали его, и, чтобы забыться, он старался заснуть, но никак не мог, несмотря на несколько тревожных бессонных ночей. Акбарали уже потерял счет дням. Спроси его, и он не сказал бы — какой сегодня день. От одиночества и медленно тянувшегося времени Акбарали готов был выть волком. Правда, вечером с базара возвращался брат жены, привозил ему что-нибудь поесть. Поговорить снова некогда — надо рвать и складывать горкой созревшие дыни. Уставший за день родственник, наскоро поужинав, ложился спать, и через минуту уже слышался его громкий храп. Утром, чуть свет, на арбе, нагруженной так, что лошадь еле передвигала ноги, отправлялся на базар.

А этой ночью Акбарали приснилась покойная мать.

В простеньком платье из домотканой материи стоит она с распущенными волосами у входа в шалаш и с укором глядит на сына. Потом поманила его рукой и говорит: «Мы ждем тебя, иди скорей, коль сестру свою ко мне прислал». Проснулся Акбарали весь в поту, руки и ноги трясутся. Душа матери не случайно явилась ему. Сильно сдавило сердце, и он выбежал из шалаша. Ему захотелось домой, к жене, к детям. Как они там без него? Когда брат жены хотел сообщить сестре о нем, чтобы она не беспокоилась, Акбарали предостерег того никому ничего не говорить. Женщина — существо слабое, возьмет и проболтается. А сейчас ему до слез захотелось домой, и эта тоска по дому крешла с каждой минутой. От ярости он готов был растерзать в клочья Азизхана, попадись он ему сейчас, виновника всех его страданий. Почему в ту ночь, когда Азизхан преследовал его, он не вонзил в него нож? Испугался?.. Вспомнил, как поколотил его Азизхан, и еще больше заскрежетал зубами. Азизхан выбил у него из рук нож... Что было потом, Акбарали не помнил. Когда очнулся — лежал на песчаной отмели. Акбарали с трудом приподнялся. Ныло и болело все тело. Над горизонтом медленно вставало солнце, и камышинные метелки золотились в его утренних лучах. Акбарали кое-как, корчась от боли, встал на ноги. Рядом с шумом, оставляя на порогах пенный след, текла река. Как он здесь очутился?

Акбарали не знал, что река понесла его, потерявшего сознание, вниз по течению и прибила волной к берегу. Посмотрел по сторонам. Незнакомые места. Откуда-то доносилась музыка. Сделал шаг-другой к берегу, но ноги, распухшие в коленях, не сгибались, и он рухнул на песок, правда успел схватиться руками за прибрежный куст.

— Эй, парень, осторожней. С этой рекой шутки плохи.

Акбарали испуганно поднял голову — откуда доносится голос? Никого вроде не видно.

Когда, уцепившись за куст, он вновь поднялся на ноги, то увидел старика с лопатой. Рядом стояла арба, доверху нагруженная речным песком.

— Что ты тут делаешь, парень? — поинтересовался старик, продолжая работать.

Так как Акбарали молчал, старик предположил, видно, что парень этот из рыбаков, и с иронией спросил:

— Ну что, попалось что-нибудь на крючок?

Акбарали, ничего не понимая, таращил на старика гла-

за. Откуда-то издалека опять донеслась до его слуха музыка. Теперь она ему показалась знакомой. Ну конечно, это траурный марш. Старик воткнул лопату в землю и, опершись на нее двумя руками, тоже прислушался. Потом провел ладонями по лицу, благословляя кого-то.

— Пусть земля ей будет пухом! В рай к гуриям вознесется! Так и не дождалась, бедняжка, того радостного дня, когда в канал пустят воду.

Акбарали, все еще ничего не понимая, как оглушенный мотал головой, стараясь удержаться на ногах.

— Девушку тут какой-то негодяй зарезал! — разъяснил старик. — Весь народ вышел на похороны.

Акбарали покачнулся и, чтобы не упасть, прислонился к стволу джиды.

— Видать, самой судьбой была уготована ей такая короткая жизнь.

Только сейчас дошел до Акбарали весь ужас совершенного им злодеяния. Он сел на землю. Старик сокрушенно покачал головой:

— Ой, молодежь, молодежь! Эти пьянки вас до добра не доведут. И что вы нашли в них? Под предлогом поудить рыбу собираетесь с дружками выпить. Вот видишь, дружки тебя пьяного и бросили. А если бы волки тебя почью растерзали? Знаешь, какие тут крупные степные волки, кобылу легко задирают. Тебя просто бог миловал. Скольких героев и палванов погубила эта злодейка — водка...

Старик, продолжая накладывать песок в арбу, не переставал говорить:

— Ты знаешь, сколько жизней уносит эта река в год? И не сосчитать. Возьмут одну удочку на двоих-троих, несколько бутылок водки и немного закуски. После первой у всех появляется игривое настроение и желание совершить какой-нибудь героический поступок, например переплыть реку в самом широком месте. Вот река и уносит таких... Скольких она уже поглотила.

Траурный марш слышался все отчетливее. Старик поднял голову и посмотрел в сторону Зеленого моста.

— Какому же подлецу, чтоб он в огне сгорел, пришло в голову поднять руку на такое юное существо? В милиции не дураки, все равно найдут. Таких подлецов, как он, не задумываясь надо ставить к стенке и расстреливать.

Акбарали виновато опустил голову, и тут он заметил,

что на левой ноге нет сапога. Старик, уже наполнив песком арбу, умывался на берегу. Стараясь скрыть дрожь в голосе, Акбарали спросил:

— А куда ведет эта дорога, папаша?

— Э-э, да ты, видать, здорово приложился, что и дорожки не помнишь. Эта дорога на Куйганяр, а эта тропка вдоль берега — в Алтынкуль. Тут только пешему можно пройти. Ни машина, ни телега не пройдут. Верно в народе говорят: что пьяный, что слепой — один черт, а ведь слепой, заведи его куда, дорогу домой найдет... Чуу! — крикнул старик, взяв лошадь под уздцы.

Скрипя колесами, нагруженная до краев арба медленно покатила в гору. Акбарали долго смотрел вслед ей.

Значит, эта тропка выведет его в Алтынкуль. Акбарали прикинул, что идти по ней намного безопасней. Он вспомнил, что брат жены где-то в том районе получил участок земли и выращивает дыни. За два дня до приезда в Куйганяр он побывал у него на бахче и даже переночевал одну ночь в шалаше. Там можно будет спрятаться подальше от человеческого глаза. Найдя наконец выход, обрадованный Акбарали, забыв спящий единственный сапог, прихрамывая, побежал по тропинке. Заросли камыша были густые и высокие, почти в рост человека, и Акбарали не было видно за их стенами.

Вскоре тропинка вывела его на открытую поляну. Видно, тут и начинались бахчевые участки. Чуть левее раскинулось колхозное поле. Невдалеке три женщины собирали хлопок. Чтобы не попадаться им на глаза, Акбарали схоронился в зарослях камыша. Долго стоял в нерешительности, не зная, что предпринять. Откуда-то доносился гул проезжающих машин. Где-то поблизости, видно, проходит дорога. Придется переждать здесь до наступления темноты. Рисковать не стоит. Акбарали достал из бокового кармана часы — они стояли, в них попала вода, когда он оказался в реке. Порывшись в карманах, вытащил кожаный кошелек, он тоже промок от воды — лежавшие в нем восемьдесят рублей слиплись. «Авось пригодятся», — сказал себе Акбарали и разложил бумажки сушиться на солнце. Так просидел до вечера — ужасно хотелось есть, все тело ныло от малейшего движения. Одежда на нем пообсохла; но рваная рубашка, грязный вид могли выдать его.

Вечер опустился внезапно, словно большая черная пти-

ца махнула крылом, и все погрузилось в темноту. Акбарали поднялся и, с трудом волоча ноги, двинулся в ту сторону, откуда доносился гул машин и где, по всей вероятности, должна была быть дорога. Шоссе оказалось совсем рядом. Мимо пронеслись машины, катили арбы, запряженные ишаками, шли конные и пешие. Акбарали узнал — это была оживленная трасса из Андижана в Чинабад. Не доходя нескольких десятков шагов до алтынкульского гузара, Акбарали свернул направо, к бахче своего родственника. Дорогу туда он помнил.

В шалаше горела лампа. Приятно пахло спелыми дынями. Над очагом, сложенным из сырца, стружкой вился сизый дым. Брат его жены, сидя на корточках, готовил ужин.

Почуввав чужого, из-за шалаша стремительно с лаем вылетела огромная собака-волкодав. Акбарали испуганно замер на месте, прикрывшись руками. Брат жены нехотя обернулся. «Али! Али!» — закричал от страха Акбарали, взывая о помощи. Узнав по голосу зятя, брат жены вскочил и с криком отогнал собаку от гостя. Глянув на растерзанного и грязного Акбарали, удивленно произнес:

— Ие, почча¹, что это с вами?

— Лошадь, испугавшись машины, сбросила в арык! — первое, что пришло на ум, сказал Акбарали.

Обо всем Али узнал на следующий день, побывав в кишлаке. Акбарали уже разыскивала милиция. «Никому ни слова о том, что я здесь. Смотри не проболтайся сестре. Она женщина слабая, печаянно может выдать, а тогда нам всем крышка!» — припугнул он Али.

Акбарали за эти дни подлечился, набрался сил и теперь вынашивал план мести. Через день явится Нормат. Вдвоем уж они быстро решат, как убрать этого молокососа. Ох, как он отомстит этому выскочке за все свои страдания, а там исчезнет, как иголка в стоге сена, провалится сквозь землю. Но отомстить он должен, он поклялся своей честью. Так думал Акбарали, лежа на одеяле в шалаше. Собака на цепи беспокойно зарычала, царапая когтями землю. Акбарали приподнялся и посмотрел в ту сторону, откуда доносилось шуршанье. Раздвигая камыши, по тропинке к нему приближался какой-то мужчина. Акбарали пригляделся и обомлел. Нет, не может этого быть!

¹ Почча — зять, муж сестры.

Сердце екнуло и учащенно забилось. Навстречу ему шагал Азизхан. Акбарали пошарил у себя за поясом и вскочил с земли. «Может, бежать?» — мелькнула мысль. Но тут же передумал. Чего он испугался? Ведь он же собирался разыскать Азизхана, а тут жертва сама идет к нему в руки. Акбарали все равно терять нечего. Азизхан еще был метрах в пятидесяти. Собака рвала цепь, задыхаясь, хрипло лаяла, царапала когтями землю.

— Не подходи, коли дорога тебе жизнь! — грозно крикнул он Азизхану.

Азизхан, не обращая внимания на его угрозы, уверенно и смело шагал к нему. Тогда Акбарали, подбежав к разъяренной собаке, спустил ее с цепи.

— Взять его, Каплан! Взять его!

Собака с рычаньем бросилась на чужого. Одним прыжком она очутилась возле него. Заслонив левой рукой лицо, он ловко увернулся от собаки и, когда она, развернувшись, прыгнула снова, крепкие пальцы его вытянутой руки сомкнулись у нее на шее. Азизхан наступил ей на шею, и та захрипела и задергала лапами. Акбарали, вытянув вперед руку с ножом, приближался к нему сзади. Услышав шаги, Азизхан резко обернулся. Каплан, скуля и визжа, отполз в сторону. Акбарали остановился и прошипел сквозь зубы:

— Не подходи ко мне! Худо будет, не подходи!

Азизхан словно и не слышал его. Чуть согнувшись, расставив руки в стороны, пошел на Акбарали. Тот, почувствовав опасность, стал пятиться, споткнулся о кумган, упал, тут же, чертыхаясь, вскочил на ноги.

— Тебе мало того, что ты сделал с нами? Чего ты еще добиваешься? — прохрипел он, тяжело дыша.

Припертый к шалашу, Акбарали огляделся по сторонам и, поняв, что отступать некуда, заскрежетал зубами. Акбарали так крепко держал нож, что посинели пальцы.

— Брось нож, убийца! — крикнул ему Азизхан.

Акбарали таращил полоумные глаза, но ножа не бросал.

— Один раз тебе удалось уйти от меня. На этот раз не удастся!

— Думаешь, испугался тебя, щенок! — сказал Акбарали, глядя Азизхану в глаза. — Меня мать родила мужчиной. Я не из тех, кто так легко дается в руки. И хотя на свет меня родила мать, вырастил отец, жизнь моя в моих

собственных руках. Остаться или уйти из этого мира — решать мне.

Азизхан медленно приближался. И вдруг Акбарали, резко взмахнув рукой, всадил нож себе в грудь.

— Вот смотри! — прохрипел он, шатаясь.

Выдернув из груди окровавленный нож, он опять всадил его себе в живот, закачался, выронил нож, схватился обеими руками за живот и со стоном повалился на землю. Чтобы не видеть истекающего кровью Акбарали, Азизхан прикрыл руками глаза и отвернулся.

— Благодарю аллаха за то, что не пал я от грязной руки врага, уберег себя от его презренного ножа... — прохрипел Акбарали.

У Азизхана закружилась голова, шатаясь как пьяный, он отошел в сторону, и его вырвало. Сколько он просидел так, на корточках, закрыв глаза, Азизхан не помнил. Очнувшись от ружейной пальбы, звуки выстрелов эхом прокатились по безлюдным тугаям. Вспугнутая стая диких уток с громким криканьем пролетела над головой.

Азизхан повернулся и пошел по тропе. У дороги, за деревьями, он увидел Нормата. Тот стоял бледный и трясущимися руками старался застегнуть пуговицу рубахи, но это у него не получалось.

Азизхан, даже не взглянув на него, пробежал мимо. Он бежал, спотыкаясь о пни, ломая кусты, не разбирая дороги, и глаза его застилала слезы.

XII

Деревья, истосковавшиеся по дождю, стояли унылые. По земле закружились в хороводе пожелтевшие осенние листья. В воздухе летали серебряные нити паутины, цепляясь за ветви и высохшие листья тополей. Утренняя роса мелкими солнечными зайчиками отражалась в пожухлой траве и испарялась, когда солнце поднималось высоко в небо.

Из садов повеяло запахом спелой айвы. Ярким багровым пламенем светилась связка красного перца во дворе деханина. Над крышами домов летали сороки-воровки с грецкими орехами в клювах.

Азизхан не спеша шел по улочке кишлака. Тихо кругом. Только ветви яблонь с налитыми соком плодами свисают над дувалами, словно облокотившись на них, чтобы

полюбоваться кишлачной улицей. За низкими глинобитными заборами хорошеют осенние сады — склонились к земле от тяжести плодов топки ветви граната; на деревянных сури разложены тыквы, небольшие, с детскую головку, и огромные, с мельничный жернов, тут же между ними греют на солнце бока сорванные на бахче дыни. Вот старуха разводит огонь в тандыре — чиркнула спичкой, и из отверстия печи сначала валит сизый дымок, но сухой хворост вспыхивает, как порох, и вот уже полыхает ярким пламенем. Языки огня жадно лижут края тандыра. А там молодуха развешивает белье на веревке, натянутой между деревьями. Средних лет женщина с засученными рукавами, сидя на корточках, толчет рис в ступе.

Эти глинобитные домики, и люди, и переливающиеся радужными красками щедрые осенние сады напомнили Азизхану родной кишлак. Отец, бывало, даст ему ступу толочь рис, а сам сидит рядом, просеивает, отделяя зерна от шелухи. Мать разведет рано утром огонь в тандыре и, пока он раскалится, сидит на сури задумчивая, любуясь своими мужчинами. О чем она думает в такие минуты, Азизхан не знает.

Глядя на женщину, толкущую в ступе рис, он улыбнулся. Вспомнил, как после долгих уговоров отца Азизхан выносил большую деревянную ступу во двор и с такой силой колотил по ней, что отец невольно замечал:

— Хай-хай, потише, сынок, так ступу можно расколоть! Она еще пригодится!

Однажды так и случилось. Толок в ступе рис и так ударил по ней деревянным пестиком, что ступа, выдолбленная из тутового дерева, разломилась пополам. Отец не догнал его тогда — не то б досталось. Азизхан убежал к мальчишкам.

Задумавшись, Азизхан чуть не столкнулся со стариком с остроконечной палкой. Остапавливаясь, он ворошил разбросанную у дувалов бумагу. Несмотря на согбенную фигуру и почтенный возраст, старик выглядел бодрым. Азизхан поздоровался с ним и спросил: «Не скажете ли, где дом Эша-ака?» Аксакал, не говоря ни слова, поманил его за собой, продолжая по пути ворошить палкой мусор. У поворота на другую улицу он подошел к двустворчатой калитке, ткнув палкой, раскрыл одну половину двери и крикнул:

— Эй, Эшмухаммед! Сынок, к тебе пришли, выходи!

И когда из глубины двора отозвался мужской голос, старик молча побрел своей дорогой. Насадив на кончик палки кусочек хлеба, оброненного кем-то из мальчишек, он положил его в щель в дувале.

— Вот чертенята, а! Вот ребята-чертенята! — укоризненно качал он головой.

Послышались шаги, и на пороге появился Эш-палван. Увидев Азизхана, он радостно воскликнул:

— Ие, ты только посмотри, ие! — и кинулся жать Азизхану руку. — Ну, здравствуй, здравствуй, брат! Как поживаешь? Молодец, что приехал! Ну, входи, входи!

Азизхан извинился за беспокойство, зайти в дом отказался. Сказал, что заглянул на минутку повидаться.

— Ты что, сдурел? Эш не такой, чтоб гостя от ворот провожать. Пока хоть глоток чая не отопьешь, не отпущу.

Азизхан не соглашался, ссылаясь на спешку.

— Давайте посидим здесь, Эш-ака, — сказал он, присаживаясь на супу у входа в калитку.

Эш-палван присел рядом. Здорово изменился Азизхан с тех пор, как они не виделись. Осунулся, глаза ввалились — это был не прежний веселый и беззаботный парень. Взгляд его стал задумчивым. Да и разговаривал он теперь спокойно, неторопливо, как человек, знающий цену жизни.

— Ну что? — сказал Эш-палван.

Азизхан задумчиво потер ладонями лоб и вдруг спросил:

— Эш-ака! Вы сможете простить своего взбалмошного младшего брата?..

Эш-палван хотел было что-то сказать, но Азизхан не дал ему и рта раскрыть.

— Нет, вы сначала скажите — простите меня или нет? Я опозорил вас перед народом, человека, который слов своих на ветер не бросает.

Эш-палван с улыбкой посмотрел на него:

— Глухой ты, оказывается, парень. Неужели до сих пор не понял ты моего характера? Характер у Эша чертовский — слишком вспыльчивый — раз-раз вспыхну и тут же погасну. Ты меня должен простить, а не я тебя. Не хорошо я по отношению к тебе поступал, а теперь раскаиваюсь. Как, думаю, перед парнем-то извиниться за свой несносный характер. Хорошо, что ты сам ко мне пришел. Вот, в глаза тебе глядя, и говорю.

Азизхан думал, что Эш-палван держит в сердце обиду

на него. И когда услышал от него такие слова, обрадовался.

— Эш-ака,— сказал он, и глаза его заблестели,— я уезжаю. Может, больше не свидимся. Не хочу, чтоб в вашей душе оставалась хоть капелька обиды на меня. Вот и пришел проститься и попросить прощения.

Эш-палван не стал спрашивать Азизхана, далеко ли он собрался. Положив руку ему на плечо, доверительно, потечески ласково сказал:

— Брат мой! Где бы ты ни был, будь счастлив и здоров. Будь стойким и крепким, как гранит. Мне на своем веку многое пришлось повидать. Скольких силачей я положил на лопатки. И самому тоже приходилось уходить с ковра побежденным. Состязание в силе и ловкости — это своего рода везение. Победил — ты король. Проиграл — обида гложет сердце. Ходишь сам не свой. И ждешь следующей схватки, когда удача вновь улыбнется тебе.

Азизхан прервал его:

— Могу попросить вас об одном одолжении? Завтра в Майгире проводится состязание палванов. Давайте в последний раз с вами поборемся. Умереть мне на этом месте, если я не сдамся вам. Уложите меня на лопатки, и все обиды забудутся. И я буду спокоен. Ну согласитесь, Эш-ака!

Эш-палван покачал головой:

— Да пусть себе шею свернет тот палван, который поборет тебя! Возьми свои слова обратно. Пусть твои плечи никогда не коснутся земли и чтоб не знал ты поражений. Я тысячу раз прощаю тебя.

Азизхан вскочил с супы, схватил сидящего рядом Эш-палвана и приподнял его. Потом опустил, но из объятий не выпускал. Потеря щекой о его шею, и Эш-палван почувствовал, как две горячие капли скатились ему на плечо.

Эш-палван тоже разволновался и все повторял:

— Ну, хватит, хватит, сумасшедший. Маленький ты, что ли?

Выпустив Эша из объятий, Азизхан отвернулся и рукавом вытер мокрое лицо.

— Ну прощайте, ака!

Не оглядываясь, он быстро зашагал вниз по улочке. Эш-палван глядел ему вслед, пока Азизхан не исчез за поворотом.

Солнце ввысь поднялось над головой, припекая все

сильнее. Надетые утром дехканами чапаны были теперь перекинута ими через плечи. Азизхан легко, как человек, сбросивший с себя давно лежавший на сердце камень, шел по дороге.

Навстречу беспрестанно тянулись грузовики, нагруженные хлопком. Азизхан зашагал к автобусной остановке. Его на большой скорости обогнала машина «скорой помощи» и вдруг резко затормозила. Азизхан встревоженно посмотрел в ту сторону — дверца открылась, и из машины в белом халате вышла Вазира.

Азизхан даже остановился от неожиданности. Он стоял, как человек, совершивший кражу и пойманный сличным. Вазира, радостная, бежала ему навстречу.

— Где вы пропадаете? — улыбаясь спросила она, протягивая руку. — Дважды ездила в Лугумбек и не могла найти. Разве так можно?!

Она укоризненно покачала головой.

Азизхан чувствовал себя виноватым, но холодно ответил:

— Держусь от людей подальше.

— Хотите, мы вас на машине подвезем?

Азизхан, поблагодарив за любезность, отказался.

Вазира обиженно падула губы и, развязав тесемки на рукаве халата, взглянула на часы.

— Подождите меня, я сейчас...

Она побежала к машине, оставляя на горячем асфальте следы от маленьких туфельек. Сняв халат, кинула его на сиденье и, что-то сказав шоферу, захлопнула дверцу. Машина уехала. Вазира, улыбаясь, вернулась к продолжавшему стоять на месте Азизхану.

— Пешком пойдем? Смена моя кончилась, могу хоть до утра гулять.

Азизхан не переставал удивляться, почему эта женщина ведет себя с ним так, будто он ей что-то пообещал.

Они шли молча по обочине дороги в тени больших развесистых карагачей.

Вазира была в розовом крепдешинном платье с глубоким вырезом на груди и короткими рукавами, обнажавшими полные руки почти до плеч. Лицо ее покраснелось от жары, и она часто обмахивалась рукой. Азизхан продолжал молчать, и она стала рассказывать ему, как с подружками ездила к Арсланбоб, в горы. Но ее рассказ совершенно не интересовал Азизхана. Она это заметила и все же

продолжала восторженно расхваливать те места, где недавно побывала.

Так они дошли до колхозного сада. Сад был большой, раскинувшийся на десяток с лишним гектаров. Теплый ветер гулял между стволами деревьев, шелестя сухими осенними листьями. Созревшие еще в июле плоды урюка были давно собраны, и оттого в саду было тихо и безлюдно. Земля вокруг деревьев вся поросла мохом. На полянке, лениво пощипывая траву, паслись козы и овцы.

— Может быть, погуляем немного по саду? — предложила Вазира, беря Азизхана под руку.

Рука его была мягкая и теплая. Азизхан почувствовал, как напряглось его тело. Вазира потянула парня за собой. В тени деревьев было прохладно. Они вышли к небольшому хаузу, затянutoму зеленой тиной. На берегу хауза стояла сури, сплошь усыпанная пожелтевшими листьями. Азизхан сгреб сухие листья в охапку и сбросил их на землю.

— Садитесь, вы, кажется, устали, — сказал он равнодушно, присаживаясь на деревянный помост.

Бросив сумку на ворох листьев, Вазира присела рядом, распустила косы, уложенные венком на голове.

До него долетал едва уловимый приятный аромат духов и женского тела, будоражащий кровь и кружащий голову. Он поднял глаза. Его взгляд скользнул по открытой шее Вазиры.

Вазира ловила на себе его жадный взгляд и, уверенная в своей победе, ликовала в душе. Она давно мечтала о том, чтобы сломить своими чарами волю этого парня, которого она давно и безответно любила. Очарованный Азизхан смотрел на ее круглые белые плечи, пухлые руки, не в силах оторвать глаз.

Вазира, делая вид, что ничего не замечает, небрежно закинула ногу за ногу, оголив колени. «Ох, как ноженьки мои устали!» — пожаловалась она, растирая голень, и, как бы случайно бросив на него взгляд, испуганно одернула подол и сказала: «Ах, какой вы бесстыжий!» Это была всего лишь игра, рассчитанная даже на самое холодное мужское сердце. Она все это проделала с таким кокетством и очарованием, что Азизхан невольно придвинулся к ней. Вазира потянулась за сумкой и словно невзначай оперлась о его колени. Пьянящий нежный запах снова вскру-

жил ему голову. Азизхан с трудом заставил себя отодвинуться.

Вазира вдруг вскочила, закрыла руками лицо. Азизхан испугался и, подойдя к ней, обхватил ее за плечи: «Что с вами, Вазира? Что случилось?» Она оторвала от заплаканного лица ладони — в ее глазах было столько ненависти, что он невольно отвел взгляд.

Невысоко над головой, громко стрекоча, пролетел самолет. Азизхан посмотрел вверх, но сквозь густую крону деревьев ничего не увидел. Гул исчез, но от дороги, со стороны кишлака, послышались восторженные голоса ребят. Они что-то кричали вслед удалявшемуся самолету. Азизхан снова тронул ее за плечи — сурьма от слез размазалась по ее лицу.

— Что с вами?

Вазира от его прикосновения вздрогнула и, глядя на него испуганными глазами, отшатнулась.

Отряхнула прилипшие к платью листья и прислонилась к дереву — плечи ее тряслись от рыданий.

— Вы не мужчина! Зачем надели на голову тюбетейку и перепоясались кушаком, как джигит? О боже! И зачем ты меня так наказал, чем я перед тобой провинилась? Зачем заставил полюбить не человека, а бездушный камень, — сквозь слезы причитала она.

А со стороны кишлака все громче слышались ребячьи голоса.

Азизхан еще раз взглянул на Вазиру и стремительно зашагал из сада.

Выйдя на шоссе, он увидел, что все глядят в небо, и когда поднял голову, то в ослепительно голубой выси в лучах солнца заметил белых голубей. Он не сразу сообразил, что это листовки, сброшенные с самолета. А «кукурузник» летел все дальше над долиной, оставляя за собой в небе белый порхающий след. Он вспомнил тот день в Язъяванской степи у киргизской юрты, как над ним пролетел самолет, сбросивший листовки и этим перевернувший всю его жизнь.

Ватага ребят с криками неслась вслед за летевшими к земле «бумажными голубями». Они, порхая, падали на пыльную дорогу, на траву, и мальчишки, расталкивая друг друга, собирали их с земли.

Азизхан заметил, как маленький листочек, пролетев перед самым его носом, качнулся, как лодка в воде, и

упал на обочину. Азизхан поднял его. Это был специальный выпуск газеты «На Сталинской стройке».

На одной стороне листовки был напечатан рапорт узбекского правительства Центральному Комитету партии. Руководители республики от имени десятков тысяч строителей докладывали партии и правительству об одержанной трудовой победе. Большой Ферганский канал, протяженностью более двухсот семидесяти километров, был построен в рекордно короткие сроки — за сорок пять дней.

На обратной стороне листка оказалось поэтическое письмо-обращение строителей к Центральному Комитету партии, написанное известными поэтами Гафуром Гулямом и Хамидом Алимджаном.

Азизхан повертел в руках газету и тут заметил наверху слева свое фото. Его портрет был напечатан рядом с фотографией Дунана Дусматова. А над ними крупно, на всю ширину страницы: «Слава нашим героям-строителям!»

От радости на глаза навернулись слезы. Азизхан поднял голову и огляделся. У самого горизонта, там, где голубое небо сливалось с зелеными полями, все еще порхали белые голуби. Легкий ветерок уносил их все дальше, в поля.

Азизхан чувствовал себя на седьмом небе. Он словно бы воспарил над облаками, выше снежных горных вершин, над бескрайними степными просторами, над голубыми реками и прозрачными озерами. Он тяжело вздохнул, вспомнив ласковое лицо матери, вспомнил, как, подперев ладонями щеки, она подолгу смотрела на него и печально качала головой; ему слышался недовольный голос отца, и захотелось крикнуть: «Дорогие мои родные, дорогая мамочка, отец мой! Вот и я стал человеком. Я знаю, вы не будете бранить меня больше!..»

С радостными криками носились по земле мальчишки. А Азизхан, имя которого стало легендой для всех людей, для всей республики, шел по дороге с красными от слез глазами и не стесняясь плакал навзрыд.

Ахмад Саид
(*Хусанходжаев Саид Ахмад*)

СОРОК ПЯТЬ ДНЕЙ

М., «Советский писатель», 1979, 248 стр.
БЗ 31—13—79

Редактор Э. О. Амитов
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор А. И. Мордовина
Корректор А. В. Полякова

ИБ № 1473

Сдано в набор 21.02.79. Подписано к печати 16.07.79. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,38. Тираж 30 000 экз. Заказ № 185. Цена 90 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.